

Костёр

6
ИЮНЬ
1970

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

О необычайном случае в одном классе рассказывает новая повесть Ю. Томина

3

Свежий ветер надует паруса

17

Легендарный герой гражданской войны в гостях у пионеров

26

Наш кино клуб

38

Смелые советские моряки в Атлантике

43

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Заветам Ленина верны

Июнь 1970-го года. Наверное, самый радостный для ребят. И не потому, что самый солнечный. А потому, что откроется IV Всесоюзный Слет пионеров Советской страны.

На торжественной линейке выстроятся посланцы 15 республиканских организаций, представители 23-миллионной красногалстучной армии юных ленинцев, будущее нашей дружной многонациональной страны.

Какой же рапорт отдадут делегаты?

Они расскажут, как участвовали их дружины во всенародной подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина, как борются за знания, какое участие принимают в общественно-полезной работе, как изучают героическое прошлое своей страны.

IV Всесоюзный пионерский Слет решено провести в Ленинграде. Ведь в городе на Неве столько мест связано с жизнью и деятельностью Владимира Ильича Ленина!

Это и величавый Смольный — штаб Октябрьской Социалистической революции, в белом актовом зале которого была провозглашена победа Советской власти. Это и трехкомнатная квартира старой большевички М. В. Фофановой на Сердобольской улице — последнее нелегальное пристанище Владимира Ильича...

Город Ленина — город замечательного рабочего класса, ударной армии Октябрьской революции. В Ленинграде — и Кировский завод, и „Электросила“, и Металлический имени XXII съезда партии, и Невский машиностроительный имени В. И. Ленина, и другие. Здесь работают умелые мастера своего дела, сыновья и внуки петроградских рабочих. Эстафету труда сегодняшним делегатам Слета и всем сегодняшним пионерам и школьникам предстоит принимать у них, своих отцов и матерей. Недаром красные галстуки символизируют нерушимую связь поколений коммунистов, комсомольцев и юных ленинцев. На Слете прозвучат обещания будущих строителей и защитников родины, будущих учителей и колхозных мастеров, будущих ученых и артистов крепить чувство ответственности за каждое порученное пионеру дело.

Слет завершит Всесоюзную пионерскую экспедицию „Заветам Ленина верны“. Из рассказов делегатов и гостей страна узнает, как помогла экспедиция каждому найти свое место в общей большой работе на благо любимой Родины.

Например, новгородская пионерская организация доложит Слету о том, как ребята изучали жизнь колхозов своей области, как помогали труженикам сельского хозяйства. Все увидят, как много нового внесла экспедиция в жизнь пионерских отрядов и дружин.

К 25-летию освобождения Новгорода и области от немецко-фашистской оккупации школьные музеи боевой славы пополнятся реликвиями военных лет. А ветераны партии и комсомола, участники Великой Отечественной войны стали почетными пионерами.

Фото Р. Мазелева

Пионерские отряды взяли шефство над инвалидами войны, семьями, откуда сыновья ушли на службу в Советскую Армию, над ветеранами труда.

Многое о своих делах расскажут и делегаты Украины, Белоруссии, Узбекистана, Грузии, Казахстана и других республик, краев и областей.

Слет — важнейшее событие в жизни пионерии. На Слете решаются самые важные дела всей пионерской организации. На Слете пионеры знакомятся с делами своих товарищей из всех краев и областей нашей огромной страны. На Слете выдвигаются новые вопросы пионерской жизни.

Первый пионерский Слет проходил в августе 1929 года в Москве. С гордостью ребята рапортовали: „Мы обучили грамоте свыше миллиона неграмотных, отправили в подшефные села 20 000 радиоприемников, послали пионерам деревни свыше 50 000 книг...“ Пионерские отряды, делегаты которых приехали на Первый Слет, охраняли урожай от вредителей, помогали заводам и фабрикам, боролись с бескультурьем.

Быть и впредь помощниками партии и комсомола во всех больших начинаниях страны — такие слова записал Слет в своем Наказе.

И свое обещание пионеры сдержали! Всей стране известно, как во время Великой Отечественной войны самоотверженно трудились пионеры и школьники, как помогали фронту, какие боевые подвиги совершали в борьбе с фашизмом. Свидетельство тому полученные ребятами правительственные ордена и медали.

Настали мирные дни. Без пионерии не обходилось и восстановление народного хозяйства, и работа в колхозах, и даже на целине. И немало юных целинников награждено медалью „За освоение целинных земель“.

На Втором Всесоюзном Слете юные ленинцы рассказывали, что они сделали к 40-летию своей организации, насколько богаче и сильнее они стали, какие новые интересы и мечты появились у каждого. Слет подвел итоги пионерской двухлетки „Пионеры — Родине“.

Третий Всесоюзный Слет. К этому времени окрепли международные связи детей нашей страны и зарубежных стран. Как подлинники интернационалисты маленькие борцы за мир приняли резолюцию Слета в защиту мира.

И вот — Четвертая встреча. В год большого события в жизни нашей страны и всех трудящихся мира — столетия со дня рождения В. И. Ленина. Эта встреча состоится и в канун 50-летия пионерской организации. Слет — важнейший этап этой подготовки.

Теперь пионеры всей страны собирают средства на постройку Дворца для своих ровесников в поселке Анадырь Чукотского национального округа. И вот уже растет известный каждому школьнику специальный счет 70008 — „чукотская копилка“. Это поступают деньги, заработанные самими ребятами. Они же разрабатывают архитектурные планы будущего Дворца. Сами мастерят игрушки и учебные пособия для Дворца пионеров. Дворец на Чукотке — символ дружбы.

А борьба за знания? Конкурсы юных умельцев, математические олимпиады, конструирование и моделирование помогают приобщиться к достижениям современной науки и техники, чтобы как можно скорее стать активными строителями будущего. Уже сейчас пионеры стремятся стать трактористами и комбайнерами, шоферами, крановщиками, механизаторами. Именно поэтому с таким задором и энтузиазмом собирали пионеры всей страны металлолом для стотысячной тракторной колонны. Они строили ее и для себя!

Не устают в своих поисках и красные следопыты. Их девиз — изучай свою Родину, цени людей, дела которых украшают ее.

Летопись героических дел страны, музеи трудовой и боевой славы — это общее дело юных следопытов, и в их исканиях — проявление горячей любви к своему народу и Родине.

Они, нынешние пионеры, юнармейцы „Зарницы“ — разведчики и санитары, саперы и связисты, готовятся уже сейчас мужественно защищать завоевания Октября, светлые идеалы, завещанные Лениным.

Прекрасны итоги Всесоюзной экспедиции! Вам, ребята, действительно есть чем гордиться. Но ни на одну минуту не забывайте, что Слет — старт новых дел.

Растите же смелыми, бодрыми, здоровыми и сильными! Всегда готовыми к труду, к борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза!

Т. Куценко,
секретарь ЦК ВЛКСМ,
председатель Центрального Совета
Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ВОСЕМЬ ДНЕЙ В НЕДЕЛЮ

ПОВЕСТЬ

Ю. Тожин

Рисунки И. Харкевича

В этот день у Анны Ивановны был перерыв в уроках — «окно». Она сидела одна в пустой учительской и, вместо того чтобы заниматься каким-нибудь полезным учительским делом, совершенно ничем не занималась.

Было тихо. Еще не рассеялся, плавал в воздухе голубой пласт дыма, оставленный учителем географии. Анна Ивановна наблюдала, как медленно, нехотя расширялся, сплющивался этот пласт, и мысли уносили ее то в далекое, то в не очень далекое, то в совсем вчерашнее прошлое.

— Здравствуйте, Анна Ивановна!

Анна Ивановна тряхнула головой, отвлекаясь от своих мыслей. Перед ней стояла Светочка, Светлана Семеновна, молодая учительница географии.

— Здравствуйте, Светлана Семеновна. У вас тоже пустой урок?

— Да, — вздохнула Светлана Семеновна. — Не хватает нагрузки. Просто ужасно!

— Ну, уж так и ужасно, — сказала Анна Ивановна. — У меня вот хватает — до часу ночи сижу над тетрадями. Невелика радость.

— Но это же прекрасно — сидеть до часу ночи за любимым делом! — воскликнула Светочка. — Я вам так завидую! У меня вот никак до часу не выходит, всегда раньше справляюсь. Просто не знаю... Это хорошо или плохо, Анна Ивановна?

— Успеете еще, насидитесь, — успокоила ее Анна Ивановна, спохватилась, что попусту сейчас теряет время, и принялась за тетради.

Светочка подошла к шкафу и начала рыться в картах. Напевая, она разворачивала свернутые в трубки материалы и океаны.

— Анна Ивановна, вам нравится работать в школе?

— В школе? — машинально повторила Анна Ивановна. — Что вы сказали?

— Вам нравится работать в школе?

— Ну да, — сказала Анна Ивановна, — конечно.

— А мне так ужасно нравится! Особенно, пятые—шестые. Они уже воображают себя взрослыми, но в них еще столько детского! И такие искренние!

— Угу, — согласилась Анна Ивановна.

— Вы наблюдали когда-нибудь за их лицами? У них все на лицах написано. И в то же время — все разные.

— Лица... — повторила Анна Ивановна, не отрываясь от тетради. — Да, лица, конечно, разные...

— Впрочем, что это я вам говорю, — спохватилась Светочка. — Вы сколько лет преподаете?

— Тридцать второй.

— Так вам это все давно уже, наверное, надоело, — торжествующе заявила Светочка.

— Почему же? — спросила Анна Ивановна, подняв голову.

— Не знаю. Просто я так подумала. Глупости, да?

Анна Ивановна промолчала. Светочка была так безмятежно и постоянно счастлива, что с ней совершенно не хотелось спорить.

— Анна Ивановна, а вот мне воспитательского класса не дают. Это хорошо или плохо?

Анна Ивановна улыбнулась.

— Это очень хорошо, Светлана Семеновна.

— Почему?

Анна Ивановна оторвалась от тетради и посмотрела на Светочку, на ее лицо, на котором все переживания отражались мгновенно, как в зеркале. Да попади Светочка классным руководителем к ее горлопанам, они из нее будут веревки вить. Но обидеть сейчас Светочку проще простого. По этой причине Анна Ивановна и ответила не совсем так, как думала:

— Знаете, очень это трудно — принимать класс в середине года.

— Ну да, трудно!.. — не поверила Светочка. — Какая разница!

Анна Ивановна не стала объяснять разницу.

— Да вы не думайте, что такое уж счастье — быть классным руководителем, — сказала она. — У меня половина времени только на это и уходит.

— Да хоть все время пускай уходит! Зато чувствуешь, что их заботы — твои заботы. А ведь это так важно!

— Это уж точно, — согласилась Анна Ивановна. — Это чувствуешь.

— Вон какой у вас замечательный класс! Такие внимательные, дружные. Только Кукин немного отстает. Но я их, кажется, всех люблю, даже Кукина. Он такой застенчивый, угловатый.

— Лентяй он огромный, — сердито сказала Анна Ивановна, вспомнив про вечное кукинское списывание.

— Лентяй, а сердце доброе, — заступилась Светочка. — Они вообще все, по-моему, добрые. Мне все классы нравятся. Знаете, как ребята со мной здороваются? Идешь по коридору, а кто-нибудь бежит навстречу и еще издали кричит: «Здравствуйте, Светлана Семеновна!» И всегда у них так весело получается. Мне это очень нравится — «Светлана Семеновна»! Полгода назад меня все еще Светой звали, а сейчас — Светлана Семеновна.

— Да они вас как раз больше Светой зовут.

— Да нет же! — горячо возразила Светочка. — Честное слово, нет, ни разу не слышала!

— И не услышите, — улыбнулась Анна Ивановна. — Вы еще по коридору идете, а они в классе: «Атас! Света идет!»

— А что такое «атас»? — изумилась Светочка.

— Сигнал опасности.

— Это я — опасность? — возмутилась Светочка.

— Конечно, — мягко сказала Анна Ивановна. — И я — тоже. Все мы — опасность.

Светочка задумалась.

— А это хорошо или плохо, что они меня Светой зовут?

— Во всяком случае, это не страшно, — сказала Анна Ивановна. — Ведь вы к ним хорошо относитесь?

— Конечно! — воскликнула Светочка. — Даже очень хорошо!

— Они к вам — тоже. Только по-своему.

— Ой, правда? — обрадовалась Светочка.

— Правда.

Светочка радостно улыбнулась, но тут же вспомнила, что она — учительница.

— Все же я скажу им, чтобы они меня так не звали, — сказала она, безуспешно пытаясь нахмуриться.

— Пожалуй, не стоит говорить, — посоветовала Анна Ивановна.

— Почему? Они же поймут, что мне это не нравится.

— Поймут. Именно поэтому и будут.

— Как, мне назло?! — возмутилась Светочка.

— Да вовсе и не назло, — вздохнула Анна Ивановна. — Просто им так интереснее.

— Что интереснее? — сурово спросила Светочка. — Придумывать для учителей клички?

— Нет, не это, — сказала Анна Ивановна. — Интереснее делать то, что запрещается.

Светочка задумалась. В мечтах она давно уже видела себя окруженной преданными и послушными учениками. В мечтах все это почему-то происходило на перемене, после урока, когда класс, не обращая внимания на звонок, затаив дыхание, слушал ее — горячую, порывистую, увлеченную. Класс не хотел ее отпускать, и лица ребят выражали поклонение и восторг.

Но все это, к сожалению, было только в мечтах.

Пока Светочка машинально перебирала карты, Анна Ивановна успела проверить две тетради, а к тому времени, когда Светочка сделала свое первое педагогическое открытие, тетрадью было проверено целых пять.

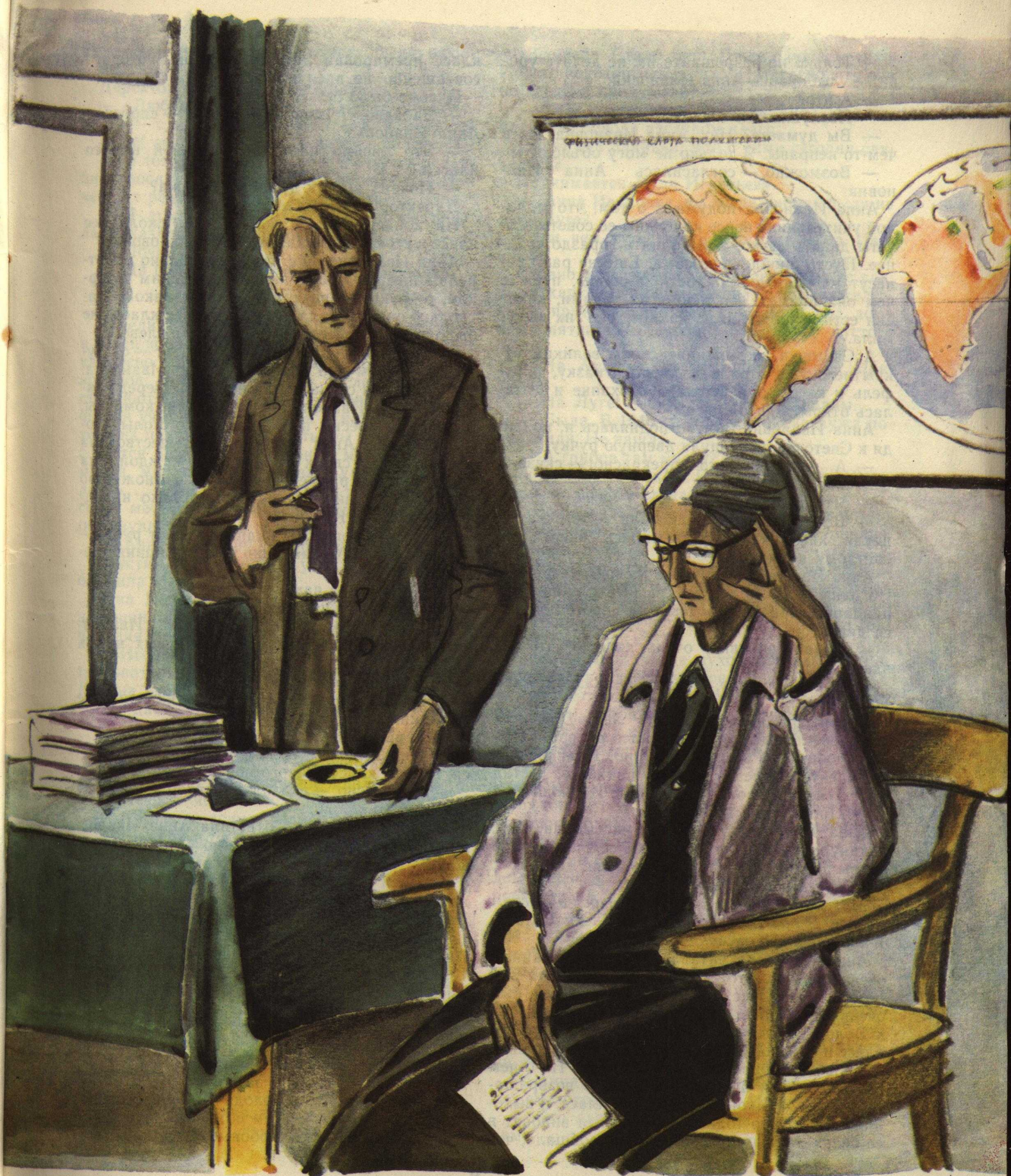
— Анна Ивановна! — воскликнула Светочка. — А ведь это мысль! Если их интересует запретное, то нужно запрещать им как можно меньше!

Анна Ивановна с интересом взглянула на Светочку. Мысль, конечно, не новая, но Анне Ивановне понравилась Светочкина решимость.

— Ну что ж, попробуйте, — сказала Анна Ивановна.

Светочка решительно тряхнула головой.

— Обязательно попробую. Меньше запрещать, больше разрешать — это идея!

— Только не разрешайте им не делать уроки, — улынулась Анна Ивановна.

— А что?

— Послушаются с удовольствием.

— Вы думаете? Нет, Анна Ивановна, вы в чем-то неправы. Я только не могу объяснить.

— Возможно, — согласилась Анна Ивановна.

Анна Ивановна подумала о том, что молодой учительнице вовсе не нужны ее советы. Советы давать легко, а выполнять гораздо труднее. Пусть пройдет все сама. Еще не раз принесут ей ребята и радости и обиды, прежде чем она поймет, что любит их такими, какие они есть, а не такими, какими она их выдумала.

А Светочка, окрыленная своим великим открытием, уже стояла у двери. Указку, портфель и карты она держала в охапке и пыталась открыть дверь ногой.

Анна Ивановна быстро поднялась и, подойдя к Светочке, повернула дверную ручку.

— А все-таки это прекрасно! — сказала Светочка.

— Что прекрасно?

— Все прекрасно, — сказала Светочка и, цокая каблучками, устремилась вперед по светлому коридору.

Анна Ивановна вернулась к своим тетрадям. Но едва она взялась за красный с синим карандаш, дверь отворилась и на пороге появился директор.

— Анна Ивановна, очень хорошо, что вы здесь.

— Я вас слушаю, Сережа, — сказала Анна Ивановна.

Директору было тридцать лет. Для всех остальных он давно превратился в Сергея Михайловича. Для всех, кроме Анны Ивановны.

Директор полез в карман пиджака, достал лист бумаги и протянул его Анне Ивановне.

— Прочитайте, пожалуйста.

Анна Ивановна положила письмо на стол, откинула голову назад, и глаза ее заскользили вдоль ровных строчек машинописи.

«Дорогая редакция!

Мне скоро тринадцать лет. Я учусь в шестом классе. В нашем классе есть мальчик Володя. Я его люблю, а он меня нет...»

Анна Ивановна читала письмо, написанное, очевидно, какой-то девочкой. Девочка эта жаловалась на класс, который, по ее словам, был очень недружным. Она писала о своей любви к Володе, а затем снова принималась ругать класс и самого Володю. Тут были рассуждения о дружбе, честности и товариществе. Но о чем бы девочка ни писала, она упорно возвращалась к тому, какой плохой у них класс, и выходило так, будто только класс и был виноват в ее бедах. Между делом девочка сообщала, что

класс премирован летним походом, которого совершенно не заслуживает.

Письмо было без подписи.

— Забавно. А при чем тут я? — спросила Анна Ивановна.

— Это письмо написано ученицей вашего класса.

— Почему вы так думаете, Сережа?

Директор протянул ей конверт.

На конверте были указаны ее школа, ее класс и стояла фамилия Ани Мельниковой.

Анна Ивановна еще раз внимательно рассмотрела конверт. Он был надписан детским почерком, от руки, но почерк был ей незнаком. Насколько она помнила, ни у кого из ее класса не было такого почерка — с наклоном влево.

— Письмо — на машинке, конверт — от руки... — задумчиво сказала Анна Ивановна. Мыслями она сейчас была не здесь. Перед глазами Анны Ивановны проплывали комнаты, шкафы, занавески, но больше всего столы, столы, столы... Анна Ивановна путешествовала по квартирам своих учеников. В каждой она была не один раз, ей вспомнилось множество столов. Машинку она помнила только на одном — в семье Кукиных.

— Я тоже конверты надписываю от руки, — сказал Сергей Михайлович. — На машинке неудобно.

— А как оно к вам попало?

— Переслали из редакции.

— Так-то так... — сказала Анна Ивановна. — Да вот машинки у Мельниковых нет, я уж знаю.

— Но письмо есть. Это же факт.

— Да, письмо есть. Но почерк на конверте не Ани.

— А вы знаете чей?

— Нет. Впрочем, нужно посмотреть. Кажется, в моем классе такого почерка нет.

— Интересно, — сказал директор. — Как же теперь быть?

— Пока не знаю, — ответила Анна Ивановна. — А что, по-вашему, нужно сделать, Сережа?

— Да и я не знаю. Но, пожалуй, следует как-то разобраться в этой истории.

«История!» Анна Ивановна поморщилась.

— У меня есть Аня Мельникова, — сказала Анна Ивановна. — И есть еще Володя Климов. С первого класса они вместе готовят уроки, вместе ходят в кино, делят мороженое пополам. У Ани в семье не все идет гладко. Отец часто уезжает, мать таким положением недовольна. Возможно, бывают ссоры. А девочка любит обоих, и ей нелегко приходится в такие минуты. Она довольно замкнута. Но и ей нужен товарищ. Это — Володя Климов. Каждый из них стремится во всем помогать друг другу. Если это называется любовью, то я бы хотела,

чтобы все ученики моего класса были влюблены.

Директор прошелся по комнате.

— «Любит — не любит, плюнет — поцелует...» — с досадой сказал он. — Как дальше?

— «К сердцу прижмет, к черту пошлет».

— В том-то и дело, что не к черту, а в редакцию послано! — возмутился директор. — При чем тут редакция, хотел бы я знать?!

— Я думаю, что это не Мельникова писала, — сказала Анна Ивановна.

— Почему?

— Да вот почему. Недели две тому назад...

* * *

Недели две тому назад Анна Ивановна шла в конец коридора, где помещался ее класс. Вот уже ясно доносились из класса голоса ее горлопанов. В других классах после звонка выставляют у двери дежурных. Звонки не опасны, опасен учитель. А на звонок — наплевать. Учителю остается два шага до двери, а мы — ноль внимания, мы ходим на головах. Учитель открыл дверь... А мы сидим тихо, как мыши — все на своих местах, будто ничего и не было. Мы его обманули! Пустяк, а приятно.

На Анну Ивановну дежурных не выставляли. «Пустяк, а приятно!» — усмехнулась про себя Анна Ивановна.

Анна Ивановна остановилась перед дверью и машинально провела ладонью по голове, поправляя прическу.

— Игорек, дай списать, — услышала она требовательный голос и не сразу узнала голос Кукина Сани.

«Не даст», — подумала Анна Ивановна.

— Не дам, — отозвался Игорь.

— Тебе чего, жалко? Съем я твою тетрадку?

— А ты, Кукин, что, всю жизнь будешь списывать? А если тебя в космос пошлют? Там тоже будешь списывать?

— Да я и не хочу в космос.

— Да тебя и не пошлют.

— Ну и все. И тогда дай списать.

«Все равно не даст», — подумала Анна Ивановна.

— Не дам, — подтвердил Игорь. — Мне скоро в комсомол вступать. Не могу.

«Господи! Я же подслушиваю!» — спохватилась Анна Ивановна и открыла дверь.

— Здравствуйте, — сказала Анна Ивановна.

— Здравствуй, Анна Ванн!

На этот раз горлопаны постарались на совесть. У Анны Ивановны после их приветствия даже в ушах зазвенело. Она быстро обвела взглядом класс. Горлопаны стояли, едва не лопаясь от удовольствия. Их просто распирало.

— Садитесь, — сказала Анна Ивановна. — Что-то вы сегодня очень веселые.

Все сели. Стало тихо. Даже слишком тихо. Просто подозрительно тихо. Интересно, что они на сегодня придумали?

— Так, я слушаю, — сказала Анна Ивановна, снова обводя взглядом класс.

Сидят как паиньки. Что с ними сегодня случилось?

Поднимается Лиля Игнатьева.

— Анна Ивановна, вы когда-нибудь были на реке Луге?

«При чем тут Луга?» — думает Анна Ивановна.

Словно фотография, возникает перед ее глазами картина: глыбы бетона, увитые железными прутьями, ржавая проволока под дождем, пятнистый мухомор на краю пустого окопа...

— На Луге? — переспрашивает Анна Ивановна.

— На Луге! — дружно орут горлопаны.

— Была. В 1945 году. Искала, где мужа похоронили. Не нашла.

— А грибов там много?

— Грибов? Не знаю. Наверное, много. Мухоморы, во всяком случае, есть.

Сообщение о мухоморах класс воспринимает благосклонно. Учитель шутит — класс смеется. Все нормально.

А мухомор этот как живой стоит перед глазами Анны Ивановны. Все кругом изломано, покорежено, еще травой не затянута... А он стоит как свеча — чистый, умытый, будто и войны не было.

— А вы много тогда мухоморов набрали? — спрашивает Олег Кузнецов.

Все охотно смеются. Если учитель признает мухоморы грибами, значит, можно спросить, много ли он их набрал. А как же! Мы ведь такие — нам палец в рот не клади.

«Но при чем же здесь все-таки Луга?» — думает Анна Ивановна и вдруг вспоминает: был разговор, чтобы отправить горлопанов в туристский поход. Как лучший класс в школе. За лучшую успеваемость.

В третий раз обводит Анна Ивановна взглядом класс, в третий раз видит сияющие лица победителей, довольных собой до смерти.

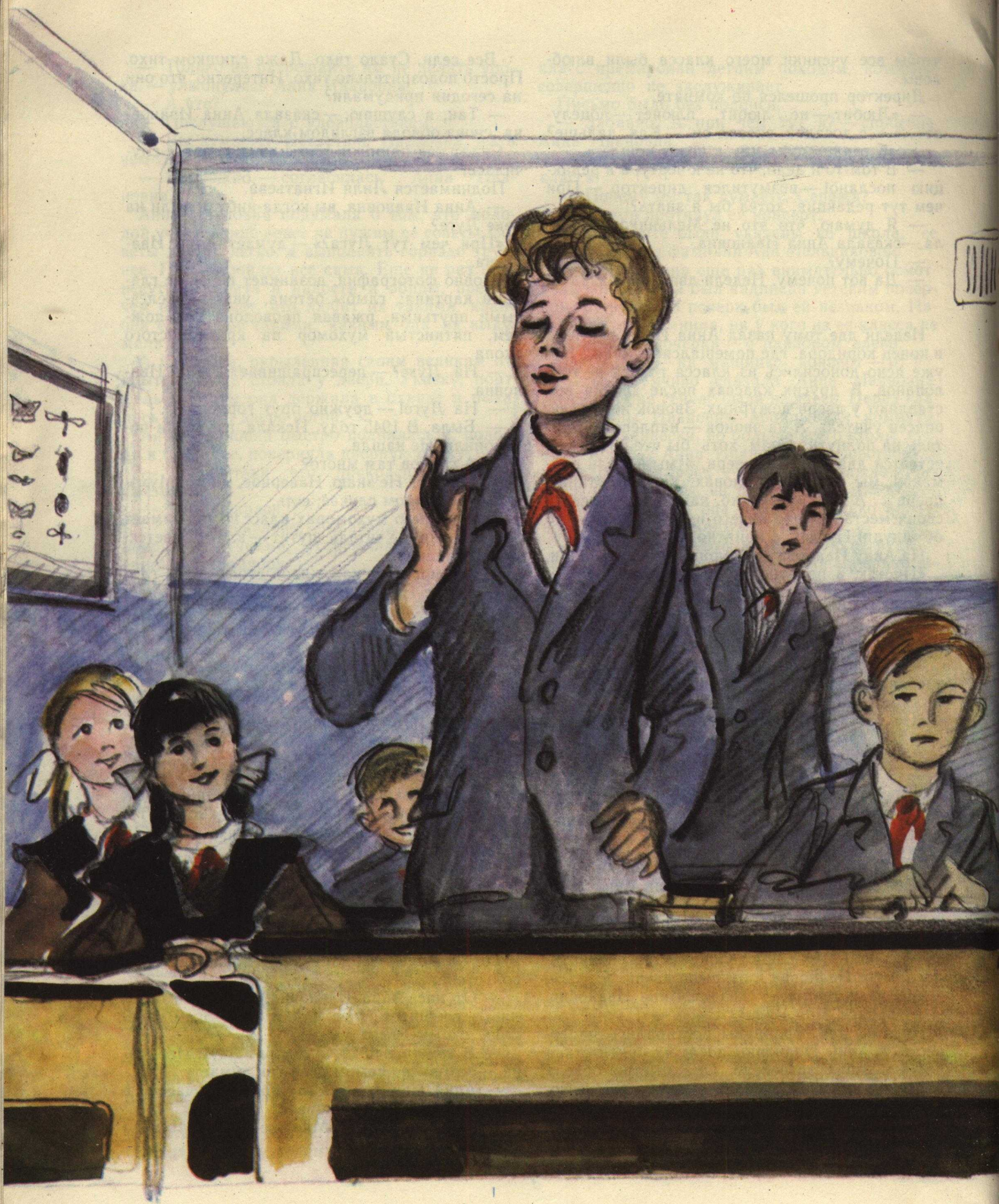
— А вы-то откуда узнали? — спрашивает она, стараясь удивиться как можно больше. В ее удивлении для них — главное удовольствие.

— От нас, Анна Ивановна, ничего не скроешь, — сообщает Олег Кузнецов. — Всем известно, что мы самые умные.

— В том-то и беда, — говорит Анна Ивановна, — что вы на самом деле так думаете.

— Анна Ивановна, а вы примете участие в нашем походе? — спрашивает Игорек.

— Это зачем еще? Мне же не угнаться за вами.

— Вам и не надо гнаться! — вскакивает Кузнецов. — Через реки мы вас перенесем, через пропасти переправим, а ваш рюкзак я понесу.

— А кто твой понесет?

— Кукин! — уверенно говорит Кузнецов. — Он у нас любит таскать тяжести.

Анна Ивановна видит, как Кукин краснеет. Он просто наливается красным — до того ему хочется отбить Кузнецова, который считается его другом. Но Кукин — тугодум, а Кузнецов — первый остряк. Потому дружба у них неравная.

— А что же тогда я буду делать? — спрашивает Анна Ивановна, отвлекая внимание от Кукина.

Кузнецов охотно поясняет:

— А вы будете собирать землянику. И проводить дополнительные занятия по геометрии. Вот Кукин у нас очень геометрию любит. Я, говорит, геометрию бы учил и зимой и летом. Он геометрию любит больше жизни! Знаете, Анна Ивановна, что говорит Кукин?

Кукин снова начинает распухать. Анна Ивановна смотрит на часы. Прошло шесть минут. Смотрит на Кузнецова. Тот все понимает, но он уже разбежался и не может остановиться.

— Кукин говорит...

— Остановись, Кузя. Сядь, пожалуйста.

Кузнецова зовут Олегом. Но изредка Анна Ивановна называет его Кузей. Это действует безотказно, это вроде доверия, которое нельзя обмануть.

Кузнецов садится.

— А теперь давайте учиться, — говорит Анна Ивановна обычным деловым тоном. — Достаньте новые тетради в клетку и напишите на обложке слово: «Алгебра».

— А вызывать сегодня не будете? — спрашивает Игорь.

— Сегодня — нет.

Известие о том, что опроса не будет, никого особенно не радует — математику у Анны Ивановны знают хорошо. Разумеется, никого это известие и не огорчает. В общем, всем все равно. Только со скамьи Кукина доносится вздох облегчения.

— Что, Кукин, опять списать не успел? — спрашивает Анна Ивановна.

— Да нет... — мрачно отвечает Кукин.

— Успел, что ли?

— Не успел...

— Эх ты, Кукин... — вздыхает Анна Ивановна.

— Он весь класс назад тянет, — заявляет Игорь.

— Заткнись! — шепчет Кукин Игорю. Затем он встает и еще более мрачно бубнит: — Я больше не буду...

Анна Ивановна безнадежно машет рукой.

— Да ведь будешь. В том-то и дело, что будешь. Сейчас-то хоть слушай как следует.

Анна Ивановна подходит к доске.

— Раньше, когда нам нужно было сложить два числа, мы поступали так...

На доске появляется надпись:

$$2+3=5$$

— Теперь давайте заменим цифры буквами. Вместо 2 поставим А, вместо 3 поставим В. Получим: $A+B=...$

— Эл! — раздается за спиной Анны Ивановны.

— Нет, не «эл», Кузнецов, а получим «це», — говорит Анна Ивановна, не оборачиваясь.

Но Кузнецов не желает сдаваться так просто. Если уж ему захотелось состричь, он и себя не пожалев, а о других и говорить нечего.

— Неправильно, Анн Ванн! Если складывать «а» и «вэ», то получится «эл».

Теперь Анна Ивановна догадывается, куда

клонит Олег. «Ишь ты,—думает она,—уже «эл» их волновать начало. Растут помаленьку». Но урок математики не предназначен для того, чтобы обсуждать проблемы «эл» между «а» и «вэ». Надеюсь, что у Олега все же хватит ума остановиться, Анна Ивановна говорит строго, глядя прямо в глаза Кузнецову:

— Я сказала «а» плюс «бэ», а не «а» плюс «вэ». Ты прекрасно знаешь, что русское «вэ» в математике читается как «бэ».

Но Кузнецов уже несется. Он обязательно должен довести до конца свое черное дело.

— Так то в математике... А у нас в классе «а» плюс «вэ» значит Аня плюс Володя, а равняется «эл» — значит любовь.

Выпалив все это единым духом, торопливо, пока рот заткнуть не успели, Кузнецов горделиво умолкает. Он смотрит на первую парту в левой колонке. Остальные таращатся в ту же сторону. Очень всем интересно, какие сейчас лица у тех, на первой парте. Лица вполне подходящие. Аня Мельникова уткнулась в тетрадь, делает вид, будто и не про нее речь. Впрочем, делает это плохо, потому что щеки ее все же краснеют. Володя Климов морщится. Лицо у него такое, будто он решает трудную задачу.

По классу прокатывается смех.

— Довольно веселиться, — спокойно говорит Анна Ивановна.

Смех постепенно стихает. Только в дальнем углу подружки Вика и Лиля повизгивают от удовольствия.

— Игнатьева и Богатырева, будем ссорить ся, — предупреждает Анна Ивановна.

Все успокаиваются.

— Это неумная шутка, Кузнецов, — говорит Анна Ивановна.

— Он умнее не умеет, — подтверждает Игорь, который, впрочем, тоже смеялся.

— Кроме того, это нечестная шутка, — продолжает Анна Ивановна. — Ты должен извиниться.

Извиниться? Пожалуйста. Для любимой учительницы чего только не сделаешь. Кузнецов всегда готов.

— Извините, Анна Ивановна.

— Не передо мной.

Не перед вами? А перед кем же? Перед теми, что ли? Да пожалуйста.

— Извини, пожалуйста, меня, Володя, за то, что я сказал, будто ты любишь Аню. Извини меня, пожалуйста, Аня, за то, что я сказал, будто ты любишь Володю.

На лице Кузнецова столько скорби, столько безудержного горя, что класс снова начинает хихикать.

«Выгонять или не выгонять? — думает Анна Ивановна. — Пожалуй, не стоит. Если выгнать, получится так, будто все это слишком серьезно.

Если не выгнать, — скорее забудут. Оставят ребятишек в покое».

— Вот и хорошо, — говорит Анна Ивановна. — Так чему же равно «а» плюс «бэ»?

— Це, — дружно орет класс.

— Вот и прекрасно. Пойдем дальше...

До конца урока больше никаких происшествий не было. До конца дня — тоже.

Отстояла Анна Ивановна у стола еще пять часов в других классах, хотела заглянуть на минутку к своим горлопанам, но вспомнила, что у них сегодня всего четыре урока. Их давно уже и след простыл. Такой народ: в школу шажком, а из школы бегом.

* * *

— Это какой же Кузнецов? — спросил Сергей Михайлович. — Тот, который в прошлом году скелет в окно выставил прохожим кланяться?

— Да, — подтвердила Анна Ивановна. — И тот, который в позапрошлом году к кроликам ужа посадил. Бедные зверушки чуть не в обморок попадали. Правда, потом он им целый кочан капусты принес.

— От кроликов — к скелету, от скелета — к любви... — усмехнулся Сергей Михайлович. — Пока — шуточки, а что дальше будет?

— Сейчас как будто шуточки прекратились. Но вот вдруг письмо это... Не понимаю — к чему оно? Есть в нем что-то... — Анна Ивановна поморщилась. — Что-то гаденькое. Я уверена, что Аня такого письма написать не могла.

Сергей Михайлович взял письмо, повертел его в руках. Вид у директора сделался задумчивый и нездешний. Как будто мысленно он был не в учительской, а где-то далеко-далеко. По этому виду давно, чуть не двадцать лет назад, безошибочно определяла Анна Ивановна, что смотрит ее ученик Сережа не в учебник, лежащий на парте, а в книжку, прикрытую этим учебником.

— Давайте рассуждать, — сказал Сергей Михайлович. — Письмо отпечатано на машинке. Для чего? Скорее всего, чтобы автора нельзя было узнать по почерку. Но конверт надписывается от руки. Такого почерка, вы говорите, нет ни у кого из ваших. Значит, автор сознательно меняет почерк. Он делает все для того, чтобы скрыть свое имя. Но на конверте полностью подписывается: Аня Мельникова. Абсолютная чушь!

— Если предположить, что письмо писала Аня, — сказала Анна Ивановна. — Но все очень естественно, если его писал кто-то другой.

— Итак — фальшивка!

— Да, похоже, — согласилась Анна Ивановна. — Тем более, что в письме написано... как

там?... «Я его очень люблю, а он меня нет». Так вот, выражаясь словами автора письма, Володя не только «не любит», а очень даже «любит» Аню Мельникову.

— Тогда это не просто шутка, а подлость.

— Я тоже так полагаю, — сказала Анна Ивановна.

— В таком случае автора письма нужно искать, — твердо сказал Сергей Михайлович. — Хотя бы для его собственного блага. Сейчас он подлец маленький, вырастет — станет большой.

— Надо-то надо... — вздохнула Анна Ивановна. — Да вот не соображу сразу, с чего начать.

— А не было ли еще каких-нибудь происшествий, связанных с этой историей?

— Было, — сказала Анна Ивановна, — было еще одно происшествие. Я думала тогда, что это последнее.

* * *

Класс Анны Ивановны считал себя самым дружным классом в школе. Началось это давно, еще года два назад, когда они дружно сбежали с урока рисования. Дело было весной. Светило солнце. По водосточным трубам, пугая прохожих, скатывались сосульки. Лужи голубели под небом, в них купались воробьи, отошавшие за зиму. Было чисто, светло и весело.

Они побежали в парк, где было по-весеннему пусто и никто не мог их найти. У пруда они сложили в кучу пальто и портфели, но и без пальто было жарко, потому что булыжники, которые они бросали в пруд, стараясь обрызгать друг друга, оказались довольно тяжелыми. Потом Олег Кузнецов прокатился на обломке льдины. Потом он свалился в воду. Это было просто прекрасно, ибо его спасали все вместе и каждый чувствовал себя чуточку храбрее другого.

Потом, уже на другой день, Олег заболел воспалением легких, но это тоже вышло на пользу: когда стали выяснять, кто зачинщик, то им оказался тот же Олег, а с больного много не спросишь.

С тех пор класс почувствовал себя очень дружным. Старались изо всех сил.

Дружно ходили в кино.

Дружно давали списывать Кукину, чтобы тот не тянул класс назад.

Дружно приходили на воскресники.

Дружно воевали с параллельными классами.

Дружно обсуждали будущий поход по реке Луге.

Поход взбудоражил всех. Вот уже несколько дней на переменах только и было разговоров что о реке Луге. От этих слов пахло грибами, дымом костра; они представлялись в виде водопадов, голубых озер, песчаных островов; там удилища сгибались под тяжестью рыбы,

там, как в кино, под гитару пели у костра туристские песни. Там была свобода!

В этот день кричали и спорили так, что даже Кукин на минутку перестал списывать и туманно изрек:

— Там выносливость нужна. Вот!

— А ты, Саня, не волнуйся, тебя это не касается, — мгновенно отозвался Олег.

— Почему не касается?

— Тебя не возьмут, у тебя двойки.

— А у кого двойки, тот не человек, что ли? — угрюмо спросил Кукин.

Олег улыбнулся широко и дружески. Ребята притихли. Все понимали, что Олегу наплевать на Санины двойки. Дело было в чем-то другом.

— Саня, — невинным голосом спросил Олег, — от кого произошел человек?

Кукин помедлил. Он понимал, что готовится подвох. Только не понимал какой.

— Ну, от обезьяны... — неуверенно сказал Кукин.

— Так вот, лично ты еще не произошел! — скромно сказал Олег и обвел класс взглядом победителя.

Все засмеялись. Кукин подумал, подумал и сказал:

— А ты — дурак.

Все опять засмеялись, но Кукин все же понимал, что и теперь смеются над ним, а не над Олегом. Кукин оглянулся, но поддержки ни у кого не нашел. Все исправно скалили зубы. Кроме Игоря — тот не любил кузнецовских шуток.

— Остряк-самоучка! — тихо сказал Игорь, но его все услышали.

Олег посмотрел на Игоря сквозь очки. Не настоящие очки, а воображаемые. Просто сделал вид, что смотрит сквозь очки.

— Саня! — удивленно сказал Олег. — Нас обижают.

Саня медленно вылез из-за парты и подошел к Игорю. Сам не зная почему, он всегда слушался Олега. Такая уж у них была странная дружба.

Одной рукой Саня придавил Игоря к парте, а другой влепил ему шелобан по затылку. Игорь даже не сопротивлялся: у Сани на таких троих хватило бы силы.

Саня вернулся на место.

Игорь даже побледнел от злости.

— Клоун! — закричал он почему-то на Олега.

— Саня, — хладнокровно сказал Олег, — он просит добавки.

Саня начал было снова подниматься. Игорь отчеканил, глядя прямо в глаза Олегу:

— А ты, Кузнецов, ответишь на совете дружины. Кроме того, все станет известно Анне Ивановне!

— Интересно, кто же это ей скажет? Может быть, ты?

— Может быть, я!
 — А может, не может быть, а просто ты?
 — Да, просто я.
 — А ты знаешь, как это называется?
 — Я знаю, что ты все время за спиной Кукина прячешься.

— Я?! — изумился Олег. — Да я просто к тебе прикасаться не хочу. Может, я брезгливый...

— Может, — согласился Игорь. — Брезгливый трус!

Олег, обращаясь к классу, изумленно развел руками. Смотрите, мол, видали такого труса? Вика и Лиля хихикнули. Олег им нравился. Все, что он делал, он делал здорово.

— Ладно, — деловито сказал Олег. — На следующей переменке пойдем в уборную. Будем драться.

Игорь пожал плечами.

— Если бы мне не в комсомол вступать, я бы тебе давно морду набил.

— Хорошо, подождем, пока вступишь, — согласился Олег. — Только учти — мы при свидетелях договорились. Саня, садись! А то на нас с тобой будут жаловаться. Так, значит, так,

братцы... Вы знаете, как на Луге рыба клюет? Там, где камни под водой — окунь клюет, где трава — шука, а где глубоко...

— Кит, — подсказал Игорь.

— Кит не рыба, — сообщил Олег. — Пора знать, господин отличник.

— Без тебя знаю.

— А знаешь, так помалкивай, когда старшие говорят.

— Это ты старший?! Старший клоун!

— Саня!

Но на этот раз Сане было не до Игоря. Он потел над чужой тетрадкой — ему нужно было успеть списать до начала урока.

— Я ему после урока дам, — пообещал Саня и снова уткнулся в тетрадь, удивляясь, зачем нужно умножать и делить столько чисел, когда в задачнике стоит готовый ответ.

— Да хватит вам, мальчишки! Чего вы все время ссоритесь, прямо надоело, — сказала Лиля и посмотрела на Вику.

Вика немедленно открыла рот. Они с Лилей говорили и думали всегда вместе.

— Ой, девочки, а обед мы будем на костре готовить! Верно, Лиля?

— А спать будем прямо в палатках! — отозвалась Лиля. — Верно, Вика?

Все одобрительно загудели. Все насмотрелись уже по телевизору разных бородатых парней с рюкзаками, которые подминали под себя тайгу, распевая в промежутках походные песни. Всем хотелось быть такими же мужественными и бородатыми. Даже Саня оторвался на секунду от чужой тетрадки.

— Ружье надо взять, — посоветовал он. — Мясо будет. И еще...

Но что хотелось Сане взять еще, узнать так и не удалось. В класс вошла Анна Ивановна.

— Зачем тебе ружье, Кукин? — спросила Анна Ивановна. — В кого это ты стрелять собрался?

Саня растерянно замолчал, соображая, не сказал ли он чего-нибудь лишнего.

— В различных животных, — отозвался Олег за Саню.

— Вот, да... вот это... — пыхтя, подтвердил Саня.

— А также в растения... — добавил Олег серьезно.

— Вот, так... — согласился Саня под дружный хохот класса.

— Садитесь, — сказала Анна Ивановна. — Елизавета Васильевна заболела.

По классу прокатилась волна: улыбки, радостный шепот и вообще — полное одобрение.

Анна Ивановна усмехнулась.

— Вот счастье-то... Вон сколько радости! Заболел учитель — хорошо. А уж если бы помер, так и совсем лучше некуда? Так, что-ли?

— А чего хорошего? — отозвался Олег. — Умрет — другого пришлют.

Глаза Анны Ивановны сузились. На лице — ни следа улыбки. Она сурово посмотрела на Олега. Тот отвел глаза в сторону. Переборщил — сам понимает.

— Ляпнул? — спросила Анна Ивановна.

— Ага, — согласился Олег.

— Понял?

— Понял.

— Вот и прекрасно, — сказала Анна Ивановна. — Время у нас еще осталось. Решим две задачи к контрольной работе.

Класс зашевелился, ребята стали прятать одни тетради, доставать другие.

— А где моя тетрадь по русскому? — возмутился Игорь. — Кто взял с парты тетрадку? Опять ты взял, Кукин?

Кукин, кося взглядом на Анну Ивановну, пустил по партам тетрадь.

— Я просто так взял, свериться, — все так же глядя на Анну Ивановну, прошипел Кукин.

— Ох, Кукин... — сказала Анна Ивановна. — А ведь напрасно списывал-то. Не будет русского.

— Дак... зря... в общем... — с натугой проговорил Кукин.

— И не надоело тебе чужим умом жить? Никого ведь не обманываешь, себя разве только.

У Кукина на все замечания — один ответ. Вот и сейчас: не успела Анна Ивановна договорить, а он уже тянет басом:

— Я больше не буду, Анна Ивановна...

Анна Ивановна только рукой махнула:

— Да будешь... Доска почему не вытерта? Кто дежурный?

Кукин старается учителям глаза не мозолить, сидит всегда тихо. А тут, как назло, он еще и дежурный. Хочешь не хочешь, надо вставать.

— А я...

— Что ж, тебе времени не хватило?

— Забыл...

— Не успел, — поправила Анна Ивановна. — Ты же всегда в последнюю минуту списываешь.

— Ну да... — покорно согласился Кукин. — А на другой стороне чисто, Анна Ивановна.

— Садись.

Доска в классе поворотная: исписал одну сторону, можно не стирать — пиши на другой. Повернула Анна Ивановна доску, и сразу за спиной ее засмеялись. Сначала негромко, потом дружнее. Что-то на доске нарисовано очень смешное. Рисунок крупный — вблизи не разберешь. Анна Ивановна отступила назад. Нарисованы две головы — мальчик и девочка. Губы вытянули навстречу друг другу, будто собираются поцеловаться. Под девочкой написано «А», под мальчиком «В». Между ними жирный плюс.

Медленно повернулась Анна Ивановна лицом к классу. Смех стих, но лица сияют. Не каждый день выдаются такие развлечения.

Не успела Анна Ивановна ничего сказать, вскочила Аня.

— Анна Ивановна, я хочу пересесть на другую парту!

— Погоди, Аня.

— Когда мы с вами разговаривали, вы знали об этом рисунке? — спросила Анна Ивановна.

— Нет! — дружно прогудел класс.

— Но ведь не сам же он появился?

— Не сам, — согласились ребята.

— Тогда вот что, — сказала Анна Ивановна. — Художник этот пускай подойдет ко мне, когда наберется смелости. Сроку даю неделю. Не придет — я его сама разыщу, это я вам твердо обещаю. А мы с вами будем считать, что эта шутка окончена. Договорились?

— Договорились, — ответил класс вразнобой.

— Вот и прекрасно, — сказала Анна Ивановна, а сама в упор посмотрела на Кузнецова. Тот, конечно, понял, что на этот раз его преду-

преждают серьезно и окончательно. Это видно хотя бы потому, что он отвел глаза в сторону и принялся внимательно изучать белый, без единого пятнышка потолок.

— Кукин, к доске!

Кукин с готовностью вскочил.

— Стереть, Анна Ивановна?

— Нет, решать, Кукин.

С видом обреченного Кукин подошел к доске, и грустная его физиономия навела Анну Ивановну на мысль, что все улажено, все вошло в свое обычное русло.

* * *

— Вы думаете, рисунок на доске и письмо— дело одних рук? — спросил директор.

— Возможно.

— Но ведь этого художника, наверное, не так трудно отыскать?

— Раньше — да, сейчас — нет, — сказала Анна Ивановна. — Я не могу спрашивать открыто. Это лишний раз привлечет внимание к Володе и Ане. Представляете, Сережа, какое веселье поднимется в классе, если они узнают о письме? Этого ни в коем случае нельзя допустить. Кроме того, я все же не понимаю: для чего написано письмо?

— И все же попробуйте, Анна Ивановна... — попросил директор. — Рад бы вам помочь, но, знаете, допросы в кабинете — не по моей части. Да и не скажут они мне того, что вам.

— Да уж это так, — усмехнулась Анна Ивановна. — Теперь, Сережа, вы для них гроза номер один.

— Это мне наказание, — сказал Сергей Михайлович. — Я ведь тоже директора как чумы боялся.

Прозвенел звонок с урока — Сергей Михайлович направился было к двери, но путь ему преградила вошедшая, нет — вбежавшая! — Светлана Семеновна. Директор попытался было обойти Светлану Семеновну и скрыться — он знал, о чем сейчас будет разговор. Но сделать ему это не удалось.

— Здравствуйте, Сергей Михайлович! — сказала Светлана Семеновна тоном, каким люди говорят: «Ах, вот ты где мне попался!»

— Добрый день, Светлана Семеновна!

— Сергей Михайлович, когда вы мне дадите воспитательский класс?

— Скоро, — не слишком уверенно пообещал директор. — Мне бы хотелось подобрать для вас класс полегче. Знаете... на первых порах.

— А мне бы, наоборот, хотелось потруднее! — храбро выпалила Светлана Семеновна, но тут взгляд ее остановился на Анне Ивановне, и она сказала: — хотя... Если бы такой,

как у Анны Ивановны... Какие там чудесные ребята! И такие дружные! Анна Ивановна, отдайте мне свой класс!

— Берите, — сказала Анна Ивановна.

— Ой, правда, можно? Можно, Сергей Михайлович?

Директор нахмурился.

Анна Ивановна вздохнула.

— Шучу. Сегодня уж день такой шуточный.

— Ну вот... — разочарованно сказала Светлана Семеновна.

Директор снова попытался было незаметно улизнуть, но и на этот раз у него ничего не вышло.

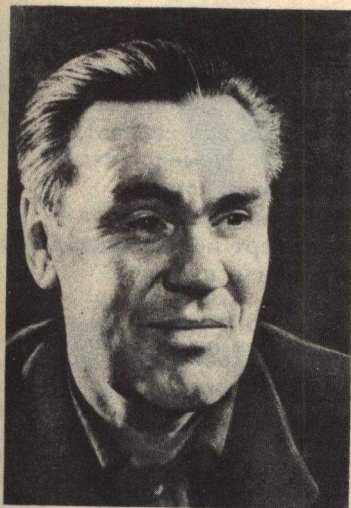
— Нет, Сергей Михайлович, вы мне все-таки ответьте... — настойчиво проговорила Светлана Семеновна и поспешила вслед за директором.

Анна Ивановна некоторое время сидела не двигаясь. Она пыталась сосредоточиться и еще раз обдумать случившееся. Но мысли были какие-то путанные, оставалось одно испытанное средство — заняться каким-нибудь делом. Но и дела никакого сейчас Анна Ивановна не могла себе придумать. Все мысли вертелись вокруг одного и того же.

Взгляд Анны Ивановны скользнул по лежащему на столе конверту, по стопке непроверенных тетрадей. Необычный почерк с наклоном влево! Откуда мог взяться такой почерк? В школе учат писать с наклоном вправо. Наклон влево — для маскировки. У кого из ее горлопанов могло хватить на это ума? Да у любого, пожалуй: уже не маленькие. Важно другое — у кого хватило, как они говорят, совести?..

Анна Ивановна сложила тетради в одну стопку и начала перебирать эту стопку, время от времени поглядывая на конверт. У нее было ощущение, что она занимается чем-то запретным и донельзя ей противным. Почерки, почерки... Округлые и удлиненные, твердые и нерешительные... За этими почерками тут же вставали перед Анной Ивановной ребячьи лица, разные, как и почерки. Вот неровные буквы с неплавным соединением... Это оттого, что держит ручку щепотью — проглядели в первом классе, потом уже не выправишь. А вот буквы, выписанные линиями, то четкими, то прерывистыми, словно младенец накарябал... Эта сменила обычную ручку на шариковую и пока еще не привыкла. Так что же, это ее неуверенная рука отстучала на машинке такую холодную пакость? Слишком много знала Анна Ивановна о каждом из своих горлопанов и потому не могла заниматься этим исследованием беспристрастно, глядя как бы со стороны. Сознание того, что она должна подозревать каждого, было нестерпимо.

Продолжение следует

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

А Светлов перед выступлением с эстрады (я этому тоже неоднократно был свидетелем) говорил, обращаясь к присутствующим: «Хотите услышать мои стихи? Пожалуйста! Только «Гренаду» не просите... Кроме нее, у меня, скажу по секрету, кое-что имеется, и тоже, представьте, в рифму!»

Нельзя было сдерживать улыбку, слушая из уст маститых поэтов горькие «обиды» на популярность собственных произведений, как бы заслонивших в их творчестве другие, не менее, а может быть, более совершенные создания.

Я не собираюсь сравнивать достоинства своего скромного «Голубя» с художественными достоинствами «Синих гусар» и «Гренады», но должен признаться: всякий раз, когда заходит речь о моем «Голубе», я тоже по-своему сладко «обижаюсь».

Какова история написания

стихотворения «Голубь моего детства»? Что породило «Голубя»? Ранние детские впечатления о красной партизанщине в Зауралье и моя страстная любовь к голубям, с которыми я не могу расстаться до сей поры. Идейная основа «Голубя» — революционно-романтическая, а форма — стихотворный поэтический рассказ. Я вообще неравнодушен к сюжетному стихотворчеству, я люблю, чтобы в стихотворении было действие.

Задача настоящей поэзии, по-моему, состоит в том, чтобы не ослеплять читателя внешним эффектом — хитрыми рифмами, красотой фразы, нарочитой угловатостью стиля — не оглушать шумом и треском общих рассуждений, а исподволь, просто рассказать о правдивых поступках лирических героев, поведать о счастье служения великому делу построения нового коммунистического общества.

... Для публикации в разделе «Страна поэзия» отобрано стихотворение «Голубь моего детства». Ну что же, так тому и быть! Не могу только удержаться не вспомнить в связи с этим двух моих старших товарищей по профессии, вернее — двух моих учителей: Николая Николаевича Асеева и Михаила Аркадьевича Светлова. От Асеева я не один раз слышал: «Опять прочитал о себе критическую заметку. О чем в ней речь идет? Ну, конечно, пишут о «Марше Буденного» и «Синих гусаках», как будто я больше ничего не написал!»

ГОЛУБЬ МОЕГО ДЕТСТВА

Прямо с лета, прямо с хода,
поражая опереньем,
словно вестник от восхода,
он летит в стихотворенье.

Он такой, что не обидит,
он такой, что видит место, —
он находит для насеста
самый лучший мой эпитет.

И ворчит, и колобродит,
и хвостом широким водит,
и сверкает до озноба
всеми радугами зоба.
Мне бы надо затвориться,
не пускать балунью-птицу,
но я так скажу: ни разу
птицам не было отказа!

С милым гостем по соседству
любю сердцу и перу!..

Встань, далекий образ детства,
белый голубь на ветру.

... Было за полдень. В ограду
на саврасом жеребце
въехал всадник с мутным взглядом
на обветренном лице.

Всадник спешил. Оставил
у поленницы коня

и усталый шаг направил
сразу прямо на меня.

И, оправя лопотину¹,
он такую начал речь:

«Понимаешь, парень, в спину
угодил мне картечь.

¹ Лопотина — по-сибирски,
верхняя одежда.

С. Васьков

Рисунки
Л. Коростышевского

Понимаешь... мне того...
плоховато малость.
Понимаешь... жить всего
ерунду осталось.
Воевал я не за этим!...»
Он придвинулся ко мне,
и я в ужасе заметил
кровь на раненой спине.
Я от страха — в палисадник,
пал в крыжовник и реву...
Только вижу: бледный всадник
опустился на траву,
только вижу, как баранья
шапка валится на чуб,
только слышу, как страданья
улетают тихо с губ.

Мне, конечно, стало горько,
стало тягостно до слез.
Я к нему из-за пригорка,
побеждая страх, пополз.
«Понимаю, говорю,
понимаю дюже...
Может, спину, говорю,
затянуть потуже?
Понимаю, говорю,
но куда ж деваться?»
(Говорю, а сам горю —
не могу сдержаться).
Теребя траву руками,
всадник веки опустил
и, тяжелую, как камень,
чуя смерть, заговорил:

«Ты чалдон, и я чалдон,
оба мы чалдоны...
Положи свою ладонь
на мои ладони.
Слышишь, сполохи гудут
по всему заречью —
беляки по нашим бьют
рассыпной картечью.
На семнадцать верст окрест
белые в селеньях,
так что, кроме этих мест,
нашим нет спасенья.
Я, родной мой, прискакал
на заимку эту,
чтобы красный дать сигнал,
если белых нету.
Мы бы стали по врагу
бить из-за прикрытья...
Понимаешь, не могу
дальше говорить я».
Было душно. К придорожью
медом веяло с гречих.
Всадник вздрогнул страшной дрожью,
отвернулся — и затих.

Я, конечно, понял сразу
то, что он не досказал.
И решил, как по приказу:
надо выбросить сигнал!
Я — домой. Комод у входа.
Открываю я комод.
Вижу: в ящиках комода —
свалка, черт не разберет!
В верхнем — пусто,
В среднем — тесно.
В нижнем? В ворохе тряпья
теткин шелковый воскресный
полushалок вижу я!
Мне не жалко полushалка —
разрываю пополам!
Полushалка мне не жалко...
На чердак бегу. А там
со своей подругой вместе,
боевой и злой на вид,
на березовом насесте
голубь мраморный сидит.
«Что ж, кричу, послужим, дядя!
Повоюем на лету!»
И, багровый клочок прилада
к голубиному хвосту,
я свищу: «Вали на волю!»
И пошел винтить трубач
по воздушному по полю
по кривой рывками вскачь!
То петлями, то кругами,
то в разлете холостом!
И багровый шелк, как пламя,
за его густым хвостом!
То на выпад, то на спинку,
то как ястреб от ворон!...
Вихрем прибыл на заимку
партизанский эскадрон.
Солнце падало. Смеркалось.
Скрылись белые за мыс.
Восемь раз разбить пытались —
восемь раз стекали вниз.
Над заимкой тучи плыли.
У заката на виду
люди всадника зарыли
под калиною в саду.
И поставили подсолнух
у него над головой.
И не дрогнул тот подсолнух
и стоял, как часовой.
А когда дневное лихо
заступили тьма и тишь,
эскадрон ушел по тихой
дальним бродом за Иртыш.
И не мог я наглядеться
на подсолнух ввечеру.
... О, далекий образ детства,
белый голубь на ветру!

СВЕЖИЙ ВЕТЕР

Олег Орлов

ПОВЕСТЬ

Рисунки С. Острова

НАТАХА

— Послушай, — спросил я Алешку, — что это за девочка сидит частенько на берегу? Там, где под ивовым кустом накинута большая куча камней и откуда лучше всего виден наш «Норд-Вест»... Мне кажется, что она чаще всего смотрит в нашу сторону, если только не сидит уткнувшись носом в книгу. Ты ее случайно не знаешь?

— Где это? — спрашивает Алешка, хотя прекрасно знает, о чем я говорю, да и девочка сидит в тридцати шагах от нас.

Я чувствую, что Алешке очень уж хочется сказать «нет». Но у него слишком честная натура, и он говорит, так и не взглянув в ту сторону и очень неохотно:

— Эта?

— Ага, — говорю я.

— Ну, Натаха... Знаю я ее. Из нашего бывшего «ДД»...

«ДД» означает детский дом, это мне уже известно.

— Так позови ее к нам, — говорю я.

— Девчонку?!

— А почему бы и нет? Для начала она могла бы вместо тебя чистить картошку (а картошку Алешка чистить страшно не любит), а тебя я переведу из юнг в штурманы, и ты получишь в полное распоряжение мой морской бинокль и карты Финского залива...

Это несколько колеблет Алешкину неуступчивость, и он машет бедной Натахе рукой.

Девочка, словно козленок, взмахивает с кучи камней, хватая книжку и быстро и легко, сияющая и счастливая, идет к яхте.

Алешка, стараясь быть мрачным и мужественным, знакомит нас.

«Ну и девчонка! — думаю я. — И что это, когда нет ни отца, ни матери, вырастают такие ладные и красивые ребята... Вот тебе и Алешка...»

У Натахи серые глазенки расставлены широко-широко, нос вздернут, но не очень, а в самый раз, рот большой, и лицо милое-милое — настоящая кинозвезда...

— Ты, Натаха, похожа на Мерлин Монро, — говорю я.

— Знаю, — говорит Натаха. — Я видела в кино. Только я не хочу быть кинозвездой, я хочу быть кинооператором. Фильмы снимать хочу...

— Деньги копит, — замечает мрачновато Алешка, — хочет настоящий киноаппарат купить, шестнадцатимиллиметровый... В Африку собирается поехать — львов снимать... Только укулов боится.

— Каких укулов?

— Чтобы, в Африку ехать, нужно двадцать укулов сделать от разных тропических болезней, — объясняет Натаха, — а укулов я еще маленькая боялась. Но если в Африку, я бы потерпела... А киноаппарат я уже с этой полочки покупаю и, если хотите, отсниму и вас и собаку вашу.

И, поглаживая Джерри, который к моему удивлению, не лает на нее и даже очень дружески помахивает своим пушистым волчьим хвостиком, продолжает:

— А ваш щенок меня знает. Когда он на кораблике один сидел, я его несколько раз колбасой кормила, чтобы приручить... — И Натаха смеется, показывая белые зубы.

Так вот почему Джерри не лает на нее... Ах, Джерри, Джерри, верный пес. Оказывается, тебя давно уже купили за кусок колбасы...

КИНОАППАРАТ

Если Натаха теперь появляется, то всегда неожиданно.

И всегда тащит она с собой какую-нибудь, на первый взгляд, чепуховину, а приглядишься, — по-особенному красивую ветку, или цветы подберет так, что залюбишься, или камень с прожилками и блестками, который, проходя, поддашь носком сапога, а Натаха нагнется и увидит и особый зеленоватый цвет, и красивый узор. Или маки отыщет и уверяет потом, что это настоящие горные маки, а выросли здесь случайно, по недоразумению.

И замечать умеет что-нибудь, мимо чего другой пройдет, не обратив внимания. То закат необычный, то туман не такой, как всегда, — сквозь него виднеются верхушки деревьев, как у японских художников, чьи картины видела она в Эрмитаже, а то волны у берега, — освещены солнцем и отливают так, что хоть сейчас снимай на цветную пленку...

Но вредный Алешка, глянув на Натаху, задумавшуюся и видящую что-то не здесь, а там, далеко, говорил: «Ну вот, опять у Натахи глаза мечтательные, как у дохлого судака».

Окончание. См. «Костер» № 5, 1970 г.

Натаха не обижалась.

Но вот однажды она принесла что-то завернутое в бумагу и очень бережно поставила на столик в каюте. Глазенки ее были задумчивы и радостны.

— Теперь я сниму на пленку все-все, — сказала она, — и это небо, и эту воду, и «Норд-Вест», и вас всех, и непременно тебя, самая красивая из всех овчарок на свете...

И Натаха развернула свой пакет.

В пакете был желтый кожаный футляр с ремнем, чтобы носить через плечо, а из футляра Натаха извлекла сияющую новизной кинокамеру.

Два ее объектива мерцали голубоватым светом, черная рукоятка удобная, как у пистолета, и когда Натаха покрутила завод, а потом нажала спуск, кинокамера мягко, чуть слышно зажуужала.

На ночь Натаха уложила свою кинокамеру, как никакие девчонки, наверное, не укладывали своих самых любимых кукол, она пожертвовала своим шерстяным свитером, чтобы сберечь кинокамеру от сырости, да еще сверху прикрыла ее моим плащом, а ночью она все время возилась на своей койке, никому не давала спать, а ей самой, верно, снилось, что она снимает африканских львов...

ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ

Решил я как-то провести на «Норд-Весте» нечто похожее на боевую тревогу.

Дело в том, что самым опытным моряком на «Норд-Весте» все-таки был я. И всякое может случиться, — вдруг я поскользнулся на мокрой палубе и окажусь за бортом, — что будет делать тогда команда? Сможет ли она подобрать меня в свежий ветер? Не растеряется ли?

А надо вам сказать, что подобрать в море упавшего человека нелегко.

Статистика гласит, что в Америке и Австралии, — где дальние плавания на крейсерских яхтах в большой моде, — несмотря на леерные ограждения, страховочные пояса, мигающие ночные буйки на спасательных поясах и прочие штуки, за бортом гибнет несколько тысяч человек в год.

На маленькой яхте, да еще днем, когда светло и команда вся наверху, подобрать упавшего за борт человека нетрудно. Но на больших яхтах, идущих иногда со скоростью тридцать и более километров в час, при большой инерции хода требующих много времени, чтобы лечь на обратный курс, да еще при сильном волнении и в темноте ночи — сделать это чрезвычайно трудно. «Один шанс на миллион», — говорят в таких случаях сами моряки. Да и случаи спасения так редки, что о них потом пишут в газетах и журналах как о чем-то совершенно чудесном.

... И вот я выждал ветра балла в три-четыре, когда Натаха загорала на полубаке, а Алешка одной рукой почесывал у Джерри за ухом, другой — придерживал томик «Трех мушкетеров», книгу, которую он, не успев прочитать сам, подарил на день рождения Натахе и которой теперь зачитался, отобрав ее у хозяйки, так вот в это мирное время я коварно достал ведро, выждал, когда Натаха, нагрев спину, подставила солнцу и без того загорелый живот, а Алешка совершенно был поглощен интригами миледи, и швырнул ведро в воду подальше и крикнул погромче: «Человек за бортом!»

К моему удивлению, никто не заметался на палубе в страшной панике. Натаха подняла голову и спросила наивно: «Правда? Настоящий человек?» Алешка вздохнул и перевернул страницу. Джерри не дрыгнул даже задней лапой.

Я рассердился и сказал:

— Это учение для вас, салаги, понятно? Вместо человека — за бортом наше ведро, но это не имеет значения, потому что, если вы в течение пяти минут не выловите без моей помощи ведро, изображающее для вас, ленивые и ни на что не годные сухопутные существа, человека, свалившегося за борт, я спишу вас всех на берег! Ну, живо! Человек за бортом!

Тут уж все немного зашевелились. Натаха схватила багор, Алешка отложил книгу и сел на руль, а Джерри, исполнившись усердия, забегал по палубе, интересуясь, с какой стороны и кто будет брать нас на abordаж.

— А спасательные средства утопающему я за вас бросаю буду? А репетовать команды, наверно, Джер-

ри полагается, а? О великий Нептун, с какой командочкой мне приходится плавать! — заорал я. — Меняй живо галс! Бросить утопающему круг! Следить за утопающим во все глаза...

— Ой, — сказал Алешка, — ведро...

— Конечно, ведро, — сказал я.

— А в ведре у меня черви для рыбалки, крючки и лески...

— Шляпа, — сказал я, — то-то я чувствовал ночью, что чем-то воняет. А это, оказывается, твои дохлые черви.

Возможность потери крючков, лески и червей вдохнула в Алешку энергию: он бросил утопающему ведро круг и спасательный пояс.

Натаха захихикала, услышав, что тонут Алешкины черви, которых она ненавидела, как все девчонки ненавидят всякую пакость вроде жаб, пауков и слизняков. Она умела хихикать очень ехидно и по этой причине очень обидно для неудачника.

Алешка насупился, собрал воедино все свои познания в морском деле и прошел довольно близко от ведра. Натаха попыталась зацепить ведро багором, но багор скользнул по ведру, оно черпнуло воды и погрузилось больше чем наполовину.

— Считай, что ты стукнула утопающего по затылку, — заметил я Натахе.

Что это было за спасение! Смех и слезы...

Мы то проносились мимо ведра на большой скорости, то ложились в дрейф далеко от ведра и начинали маневр сначала.

Сделав несколько заходов, они утопили-таки ведро, ударив его форштевнем «Норд-Веста». Но я, сказать по правде, не жалел ведра, потому что урок команде был преподан неплохой. Натаха уже не смеялась и даже очень горевала об утонувших крючках и лесках, Алешка же переживал потопление ведра, как будто не смог подобрать в море по-настоящему упавшего за борт человека.

— Ничего, — сказал я, — бывает и хуже. Теперь хотя бы выловите круг и пояс. Считайте, что это утопающие номер два и номер три.

Круг и пояс мои растапы достали быстро, но все-таки оба были расстроены.

Тогда я сказал им, что в общем-то все в порядке и что они действовали решительно — ведь это же было для них внове, а уж в следующий раз будет совсем хорошо...

Потом я вспомнил и рассказал им, как меня самого учили спасать упавшего за борт и что это было такое же точно ведро, и что я не только не выловил его, но поскользнулся на мокрой от дождя палубе и сам оказался за бортом, так что уж по-настоящему пришлось вылавливать меня самого. И что, несмотря на этот конфуз, я лучше всех потом сдал экзамены на яхтенного рулевого и научился подбирать «человека за бортом» после первого же поворота яхты, с первого же подхода и только с подветренного борта.

НА МЕЛИ

А хорошо сидеть вот так, вечером, в теплой сухой каюте «Норд-Веста».

На плите жарится и скворчит колбаса с макаронами, в меру поперченная, а крышка чайника вот-вот начнет бить тревогу.

Свет от желтых плафонов падает на этот маленький уютный мир низких коек, шерстяных одеял и висящей одежды; мир, где все под рукой в этой продуманной тесноте, будь то бинокль, нож, зюйдвестка, ракетница или штопор.

Дождь горстями дробы рассыпается по крышке рубки, но сюда, в каюту, не попадает ни капли.

Джерри дремлет или делает вид, что дремлет, вытянувшись на чужой койке; вода булькает за бортом, который изменяет и усиливает все звуки; гости, пришедшие на «Норд-Вест» покататься и застрявшие на нем из-за проливного дождя, дуются за подвесным столиком в карты, обвиняют Натаху в жульничестве и ждут не дождутся ужина.

И хорошо тогда вспоминать про всякие ужасные штормы и разные страшные морские истории.

Я-то попадал и в штормы и в кое-какие истории, но все это не было ни ужасным, ни страшным, а самое скверное, считаю, было тогда, когда «Норд-Вест» сидел на мели.

Со мной это случилось дважды, и вот как это было.

Однажды возвращался я, не помню уже откуда, в Ленинград. На яхте я был один. Ветер тянул, тянул да и скис, и закачался мой «Норд-Вест» в наступающих сумерках напротив того места, что называют «Лахтинским корытом» — за то, что в него можно попасть легко с южным ветром и в глубокую воду и не выбраться при северном ветре в мелкую.

Я посмотрел на закат, красно-черный, зловещий, не обещавший ничего хорошего. Но делать было нечего, приходилось ночевать в море.

Я нехотя спустил паруса и бросил якорь.

Вблизи не было ни души. Только много мористее медленно, точно ощупывая фарватер, выходил громадный танкер, странный своей длинной пустой палубой и сдвинутой к самой корме высокой надстройкой.

Я посидел, покурив в приятной тишине, заметил про себя расположение ближайших огней на берегу, прикинул расстояние до них, еще раз взглянул на кровавое солнце, тщетно пытавшееся разодрать иссиня-черные тучи, и лег спать.

Я сильно устал за прошедшие сутки, уснул быстро и начало шторма проспал.

Когда я приподнял голову от подушки и прислушался, яхту кидало очень сильно, и я собственным телом ощутил, как она, напрягаясь, дергает якорный канат.

Якорь у меня был хотя и тяжелый, но один, так как на прошлой неделе второй якорь я одолжил знакомым, уехавшим в поход и потерявшим до этого свой собственный, — надо же было выручать ребят — и до сих пор мне этот мой второй якорь не вернули.

Самым отвратительным, когда я выскочил наверх, были не ветер и не волна, самым отвратительным был туман, клочьями, серыми, как волчья шерсть, летевший над водой.

Никаких огней, конечно, не было видно, и это было хуже всего: я не знал, где лахтинский берег, близок ли он и долго ли «Норд-Вест» волочил свой якорь по грунту.

Кинулся к компасу: ветер был южный! «Эге, старина «Норд-Вест», пора сматываться отсюда», — пробормотал я достаточно громко, чтобы «Норд-Вест» услышал.

Я задрал люки, выбрал с десятков метров якорного каната и с трудом поднял грот-парус. Шкоты закрепил, руль бросил, зная, что «Норд-Вест» сам будет менять галсы, и перебежал на бак.

Якорь пошел быстро. Через две секунды я уже сидел на руле, а «Норд-Вест», отчаянно кренясь, весь в шумной, мерцающей пене, начал выползать на ветер.

Повторяю, как близко от меня берег, я не знал. Я делал очень короткие галсы, рассуждая так: «Если «Норд-Вест» и тянул довольно долго свой якорь в мягком грунте, то, выбираясь против ветра, я как бы возвращался по этой вспаханной им морской борозде, лишь немного отклоняясь влево и вправо; и уж если сам «Норд-Вест», дрейфуя, не сел на мель, то лучшее, что я смогу сделать — это выбраться тем же путем обратно».

Туман сделался более редким, ветер раздирал его, топил в волнах, уносил вместе с пеной ввысь и отбрасывал к невидимому берегу.

Так прошло около получаса, и я начал было успокаиваться, полагая, что отошел от опасной близости берега порядочно и что «Лахтинское корыто» кончилось, началась глубокая вода и можно пройти левым галсом подальше.

Так уж всегда бывает: только успокоишься — и на тебе: сюрприз...

«Норд-Вест», который шел под большим креном и с

хорошей скоростью, вдруг мягко лег на борт, прочертив килем по мелкому месту, и, беспомощный и неподвижный, тотчас же принял на себя большую волну.

Мель была справа, ветер по курсу дул слева, все более наваливая «Норд-Вест» на мелкое место.

Всюду, куда бы я ни тыкал футштоком, воды было меньше метра.

На яхте я был один, и помощи мне ждать было не откуда.

Выход был такой: убрать грот, развернуть «Норд-Вест» на мели, перевалив его на другой галс, поднять все паруса, рискуя лечь ими на воду, и сняться с мели с ветром.

Но хорошо все это сказать или написать, а попробуй-ка ты, человек, весящий каких-нибудь шестьдесят пять килограммов, развернуть яхту весом в две с лишним тонны, врезающуюся своим чугунным плавником в вязкий ил.

Потеряв счет времени, упирался я футштоком в дно так, что трещала спина, и раскачивал «Норд-Вест», стараясь перевалить его нос за линию ветра. Спина выдержала, но треснул футшток, и я полетел в воду.

Выбравшись, я скинул одежду, прыгнул в воду и принялся толкать нос «Норд-Веста» руками. Но и то, что мне удавалось сделать в какой-то миг, сильная волна или новый порыв ветра уничтожали начисто.

Сколько я себя помню, в жизни я плакал всего два раза: когда совсем маленьким упал с железной лестницы и сломал себе переносицу, и потом, позднее, когда немного подрос, был ни за что избит шпаной в парке и не имел еще сил рассчитаться.

Но вот сейчас у меня по щекам текли слезы бессилия. Я видел мой «Норд-Вест», надежный, выносливый, привычный, послушный, точно живое любимое существо, — беспомощный, гибнущий, и я ничего не мог поделать. Не хватало, быть может, небольшого усилия, толчка, второго человека, футштока, более длинного, чем мой сломанный, или двадцати лишних килограммов веса мне самому, чтобы сдвинуть яхту. Но всего этого не было, сам я выдохся и продрог, яхту все больше наносило на мель, и, проклиная ветер и волны, я орал что-то обидное в черно-серую тьму, и по щекам у меня текли слезы. Если бы кто-нибудь видел их, я бы сказал, что это брызги волн или пот усталости. Но я был один.

В ту ночь я вдруг отчетливо прочувствовал те сотни трагедий капитанов, терявших свои корабли: неповоротливые каравеллы в Магеллановом проливе, легкие бриги на австралийских рифовых барьерах, быстроходные фрегаты у коварных берегов Африки...

Я вдруг увидел их глаза, в которых качались уходящие в пенные водовороты мачты, мачты, как руки, вызывающие о помощи, глаза, устало вззирающие на то, как катятся, сшибая все на своем пути, многопудовые пушки, на мечущихся возле шлюпок людей, на молнии, освещающие черные, гнилые зубы рифов и черные, полные неведомых опасностей чужие берега...

Я услышал треск дерева и вопли страха, проникся на миг обреченностью этих людей, давно ставших тенями воображения, мне стало страшно и одиноко, и тогда я взял себя в руки.

Я спустился в каюту, достал из прорезиненных мешков сухую теплую одежду, быстро оделся, съел, чтобы подкрепить силы, две пригоршни сахара и пожевал сухого кофе. Затем вытянул из форпика запасной гик, который был метра на полтора длиннее сломанного мною футштока.

Это была последняя и отчаянная попытка спасти «Норд-Вест». И сам «Норд-Вест», казалось, понял это. Он напряг мышцы своих шпангоутов, сливая свои раскачивания с моими усилиями. Все отчаяние обреченности я вложил в силу рук. Сантиметр за сантиметром отводил я нос своего кораблика от мели, на ветер, к спасению. Минута, две... Пять минут. Я переживал порывы ветра и снова упирался гиком в проклятую мель.

Еще минута, еще сантиметр... Еще минута, и еще один крошечный сантиметр, ничего не значащий там, на твердых суши, но для меня значащий так много.

Вот уже ветер дует с носа, и дело пошло легче. Вот уж и ветер и волна работают не против меня, но в мою пользу, потому что «Норд-Вест» перевалил-таки за линию ветра и лег на правый борт...

Теперь скорей поднять грот и выбрать втугую шкоты, чтобы наклонить яхту еще больше. Будь у меня на борту еще человек, я бы послал его на мачту и это здорово помогло бы крену.

Эй, ветер, теперь можешь дуть сильнее, а я еще поставлю против тебя бизань — можешь нажимать своими влажными ладонями. Теперь ты не враг мне, твои усилия тянут «Норд-Вест» на глубокое место... Ну же, ну, дунь хорошенько.

«Норд-Вест» ползет, ползет, за его рулем уже закручиваются воронки. Еще размах, еще усилие, еще порыв ветра — и вот мы сползаем с мели. Мель нехотя выпускает нас...

Наверное, вырвавшаяся из когтей ястреба птица или лань, избежавшая капкана, не летит так стремительно, как летел «Норд-Вест».

Часа через два ветер стих, от тумана не осталось и следа, и когда с восходом солнца я подошел к дремлющим яхтам клуба, никто не поверил бы мне, что совсем недавно я так отчаянно сражался за «Норд-Вест» и едва не потерял его...

В другой раз я сел на мель со всей моей командой — с Натахой, Алешкой и Джерри.

Дело было так. Рано утром с хорошим ветром вышли мы из Петергофа и взяли курс на Зеленогорск.

Когда мы проходили мимо фортов, упросила меня Натаха подойти к какому-нибудь из них, потому что у нее осталось несколько метров киноплёнки, а форты она еще не снимала.

Вспомнив, что я никогда не бывал на пятом форту, где, по слухам, валялись на мелком месте две старинные морские корабельные пушки, которые давно уже хотелось мне осмотреть, да кроме того, знал я еще, что на этом форту очень давно, во времена Пушкина, скрывались уходившие по льду Финского залива рассеянные картечью Милорадовича декабристы, — я согласился.

Подходы к фортам неважные. Тут и там можно наткнуться на необозначенные вехами камни, ряжи и кусты дубовых свай двухсотлетней давности, ушедшие ныне под воду.

День обещал быть отличным. Солнце весело и тепло светило, невысокие волны, шедшие от Кронштадта, не мешали ходу «Норд-Веста». Чайки носились с криками, то увязываясь за кораблями и опускаясь на их кильватерную струю, чтобы подобрать выброшенные камбузные отбросы, то взлетали высоко и парили, качаемые боковым ветром.

Облака были редкие, в западной части горизонта.

Простор воды звал идти и идти вперед, и ничто не предвещало беды.

В полумиле от форта я из осторожности расставил шкоты, чтобы «Норд-Вест» сбавил ход. Алешка с удивлением посмотрел на меня, но ничего не сказал. Одну из корабельных заповедей — «рулевому советов не дают и вопросов глупых не задают» — он запомнил хорошо.

Натаха, примериваясь, нацеливалась на форт кинокамерой.

Мы приблизились к форту и прошли немного вдоль него, высматривая, где бы причалить. Вся его южная часть тянулась перед нами высокой стеной с редкими причальными кольцами такой величины и на таком уровне, что казалось: когда-то к форту причаливали корабли великанов из сказок Шехерезады. Нам-то, во всяком случае, здесь было не выбраться.

Обходить форт с запада не имело смысла — ветер был навалым, и я повернул, чтобы прощупать форт с востока.

Берег здесь был тенистый, и темная вода казалась глубокой. Это-то меня и сбilo с толку. Кроме того, высмотрев подальше вроде бы хорошее место для стоянки «Норд-Веста», я на минуту-другую отвлекся от воды.

Натаха, Алешка и Джерри всю главели на проплывающие мрачные красоты форта, да они бы и не обратили внимания на то, что волны здесь немного мельче и их бесцельная толчея, если внимательно присмотреться, говорила, что именно здесь — предательская мель, да еще какая мель! — от форта к востоку на четверть мили, мель каменистая и обозначенная вехой только в своей мористой части, вехой, из-за низкой воды почти лежащей горизонтально и потому с «Норд-Веста» вообще невидимой.

Мы совсем уже собрались причаливать, как «Норд-Вест» заскрежетал килем по булыжникам и лег правым лагом на воду так резко и под таким углом, что Джерри заскользил и заскреб лапами по палубе и, если бы не леера, свалился бы в воду.

Самое, пожалуй, скверное во всех и всяких посадках на мели, авариях и кораблекрушениях — их неожиданность, та мгновенная перемена радостного ощущения движения вперед, ощущения свободы корабля, того удивительного чувства, знакомого морякам, что вот сейчас именно откроется то незведомое и лучшее, поиском чего они посвятили жизнь, те зачарованные острова посреди суровых морей, — на внезапный плен, цепкий, коварный, подкарауливающий корабль, подобно спруту, ожидающему оплошавшего быстрого дельфина.

Из этих печальных опытов греки вынесли легенду о Сцилле и Харибде, а английские мореплаватели, современники Кука — специальный свод советов и предупреждений всем, плавающим в неисследованных морях...

Из своих печальных опытов посадки на мель я тоже вынес кое-что, а именно: первое — не садиться на наветренную мель, а уж если нет иной возможности, садиться на подветренную; второе — всегда тщательно просматривать карты тех мест, в которых предстоит плавать, обращая особенное внимание на то, каков грунт на мелких местах; третье — иметь на борту тузик или надувную лодку, чтобы можно было завести якорь на глубокое место; четвертое — опасаться мелей в высокую воду; и пятое — не садиться на мель вообще...

Алешка, который впервые оказался на мели, решив, что яхта уже попросту тонет, побледнел, Натаха, к чести ее, не потеряла присутствия духа или не поняла еще всего случившегося. Держась за ванты, она героически снимала на киноплентку лежащую на боку яхту, отчаянно скулящего Джерри, растерянного Алешку и меня в глубокой и печальной задумчивости.

Первым делом я вытащил и затолкал в кокпит Джерри. Потом послал Алешку посмотреть, нет ли воды в трюме.

Воды в трюме не было. Я принялся убирать паруса, а посуровевшие, ничего не спрашивающие и понимающие по моему виду, что дело и так обстоит неважно, Натаха и Алешка помогали мне.

Затем мы начали снимать «Норд-Вест» с мели.

Погода, как всегда бывает в таких случаях, словно поджидала, когда мы сядем на мель, чтобы переменить-

ся к худшему. Облака, что плавали редко по горизонту, сгустились и понеслись над мачтами «Норд-Веста». Ветер усилился, и волна, которая была вроде бы и не заметна на ходу, здесь, на мели, пошла и злее и выше.

Мы перепробовали все. Залезли на мачту на самые краспицы, чтобы еще больше откренить «Норд-Вест». Толкали футштоками. Ежась, соскальзывали в воду и пытались руками развернуть «Норд-Вест» килем на его жестком ложе. Ничего... «Норд-Вест» сидел, как осколок ореховой скорлупы между гнилыми зубами.

— Доставай большой якорь, — сказал я Алешке и начал разматывать бухту самого крепкого каната, какой имелся у меня про запас.

Мой большой якорь весил сорок пять килограммов. С его помощью, да нарастив еще полудюймовый канат, можно было надеяться медленно стянуть «Норд-Вест» с мели. Оставалось самое малое — завести этот якорь метров за сорок от яхты, причем ни тузика, ни надувной лодки на «Норд-Весте» не было.

К спинкам двух коек, которые были набраны из буксовых реек, быстро — а делать нам все приходилось на палубе, наклоненной под 45° — мы привязали спасательный круг, два пояса, надувной жилет, Джеррин матрас, набитый крошеной пробкой, да еще три пустых закупоренных больших оплетенных бутыли, и из всего этого сотворили устрашающего вида плот.

Когда мы спустили его на воду, Натаха поинтересовалась, не будем ли мы, подобно всем потерпевшим кораблекрушение, высаживаться на этот остров.

— Конечно, — ответил я.

— А он необитаемый?

— Уже лет сто пятьдесят абсолютно необитаем...

— Что ж, — сказала Натаха, — будем ловить рыбу и собирать разные ракушки. И жечь по ночам сигнальные огни, чтобы нас спасли...

— Угу. В крайнем случае, мы бросим жребий и одного съедим...

Мы оставили Натаху ужасаться этим каннибальским мыслям и начали спереди, на принайтовленных крестнакрест веслах, подвязывать якорь, а подвязав, отбуксировали плот подальше от «Норд-Веста» на глубину, где я и утопил якорь.

Вернувшись на яхту, подергав канат и убедившись, что якорь забрал, я скомандовал выбирать что есть сил.

Один, без ворота и лебедки, я бы, конечно, не стянул «Норд-Вест». Но нас было трое!

Медленно мы выбирали толстый, новый, ворсистый, намокий и пружинящий канат.

Для верности я, выбирая слабинку, обводил канат вокруг основания мачты, а потом уже крепил его за носовую швартовную утку.

...И «Норд-Вест» пополз. Он сползал по булыжникам, и у меня болью в сердце отдавался скрежет его плавника.

Отдыхая, я дважды еще посылал Алешку проверить, нет ли воды в трюме. Но в трюме было сухо.

Через час, мокрые, замерзшие, но счастливые победы, мы стянули «Норд-Вест» на глубокую воду.

А когда яхта вольно закачалась и нахально закивала волнам бушпритом, я решил добавить к своим опытам посадки на мель шестой пункт: «Сев на мель, не отчаивайся и сражайся всегда до конца».

СНОВА ИДЕМ НА ФОРТЫ

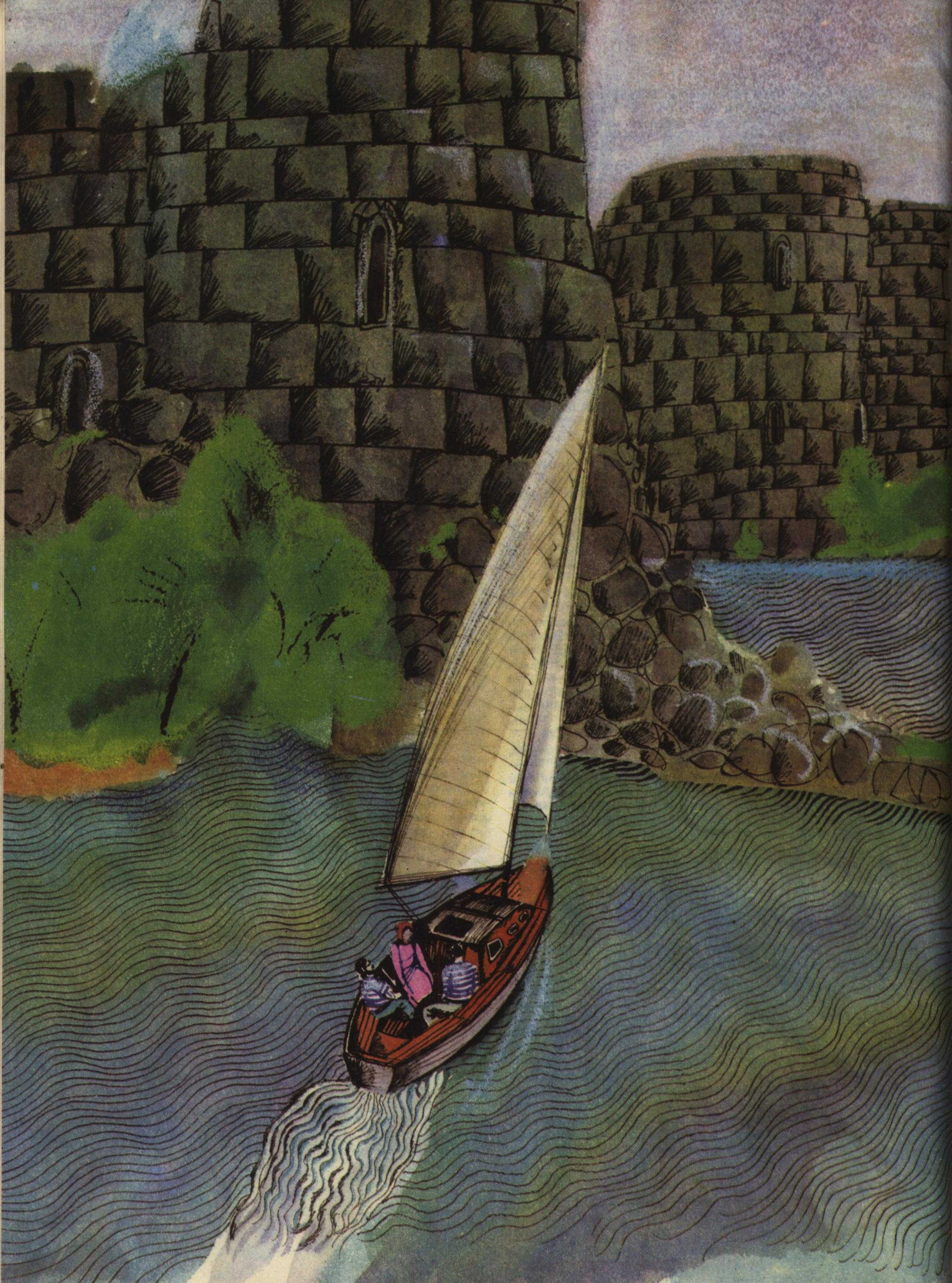
На «Норд-Весте» нужно было сменить грот-мачту.

А пока мачту снимали, очищали подгнившую часть от лака, вклеивали свежую вставку, «Норд-Вест» на неделю был обречен томиться в гавани.

Поэтому, когда Георгий Иванович предложил команде «Норд-Веста» проветриться и сходить с ним на «Кубе» на заброшенные форты половить там рыбу, покупать-

ся властью в чистой воде и пожить денька три на фортах настоящими морскими бродягами, Натаха, Алешка и я с Джерри с радостью согласились.

Удивляюсь я, как это ленинградцы до сих пор не пронохали, что живут совсем близко от таких романтических мест — старинных морских фортов, посещаемых только редкими катерами и яхтами.

В хороший ветер до них два часа ходу под парусами...

Они вырастают из волн моря один за другим. Первый, второй, третий.

Всего фортов семь. И если ветер западный, издали от них доносится запах цветов.

Все заросло там — казематы, куртины, стены, стволы старинных пушек...

И радость и странная тревога охватывают тебя, когда твое маленькое суденышко обходит медленно эти давно молчаливые островки.

Там угол серой стены глянет из-за зелени шиповника, усыпанного красными цветами, там черные дыры окон, там узкие бойницы, там кованое швартовное кольцо у каменных плит высокой стенки.

... И над всем этим уже сто лет, наверное, не маячат кивера часовых и не синеют дымки фитилей и артиллерийских жаровен.

Только птицы да крысы обитают здесь, раскачивая ветки одичавших вишен и осыпая камешки...

Все семь фортов непохожи друг на друга, большие и маленькие, высокие и низкие, а два из них, пятый и седьмой — прямо-таки тропические коралловые острова, окруженные вместо атолла кольцами каменных насыпей, образующих тихие лагуны.

А если не полениться и покопаться на фортах, обязательно найдешь что-нибудь занятное: старинную монетку, зеленую от времени матросскую пуговицу прошлого века, а то и бронзовый гвоздь, длинный и тяжелый, на шестигранной шляпке которого выпукло отгиснут парусный корабль...

Георгий Иванович был рад, что с ним идет такая опытная и молодая команда, и мы были рады тоже. Хотя и очень любил свое суденышко, но всегда интересно испытать и чужое — с тайным желанием найти его не таким быстроходным, поворотливым и чутким, как свое.

Мы взяли наши спальные мешки, спасательные пояса и два рюкзака с хлебом, консервами, чесноком, пивом и лимонадом — на воде аппетит всегда хороший, так что, отправляясь на три дня, еды забирай на неделю.

Отплыли мы после обеда, к фортам добрались к закату, и становиться на якорь пришлось уже в сумерках.

Когда Георгий Иванович достал свой игрушечный данфортский якорь, я спросил, нет ли у него якоря побольше и потяжелее.

Якорь потяжелее был, но он был запрятан в ахтерпике под инструментами и всяким нужным барахлом. Все-таки я настоял на том, чтобы Георгий Иванович достал настоящий якорь.

— Ночь будет тихая, — ворчал он, — а данфорт держит отлично...

— Может, и держит в солнечный день где-нибудь возле пляжа. Здесь же нужно кое-что понадежнее...

И, заводя с кормы еще и данфорт, я услышал, как Алешка поучал Георгия Ивановича моими наставлениями о том, что еще Петр Великий повелел держать на кораблях, ходящих по Балтике, семь якорей...

Это была моя школа, и теперь я был спокоен: на «Кубе» со временем будет не менее семи якорей...

Убрав и зачехлив паруса, мы наскоро принялись застряпню, и черный Джеррин нос задвигался, улавливая запахи разогретых консервов и поджариваемой яичницы.

В это время, как призраки, чуть восточнее нас, подошли с последними вздохами ветра «Тайна» — бригантина Рудика и «Волхов».

В густеющей темноте слышались оттуда негромкие голоса, звяканье цепей, скрипы блочных шкивов, плеск падающих в воду якорей.

Вспыхивали огоньки сигарет. Над большими световыми люками «Тайны» на паруса отбрасывались желтые квадраты — Рудик не жалел для своей кают-компании электричества.

Потом с палуб наших соседей потянуло вкусными запахами, на бригантине забренчала гитара, и наш морской табор зажил своей вечерней жизнью.

И вот тогда-то я и достал свой сюрприз для Георгия Ивановича — перед тем, как нам пришло самое время приняться за яичницу.

Это был кувшинчик с ромом под названием «Остров сокровищ»...

Дело в том, что Георгий Иванович знает бездну всяких интересных вещей про морскую старину, но лучше всего рассказывает их, если перед чаепитием пропустит стаканчик хорошего винца. И чем тоньше букет, тем занимательней будет история, это уж точно.

... От кувшинчика Георгий Иванович пришел в совершеннейший восторг, и после крошечного серебряного стаканчика, из которого он обычно смаковал такого рода напитки, он сказал:

— Да, отменный старый ром...

— Ром, достойный морских волков, — поддакивал я, нюхая край своей кружки.

Натаха и Алешка чокнулись лимонадом, на что Георгий Иванович в негодовании замахал руками:

— На кораблях не чокаются! Это дурной знак... В старые добрые времена звон кружек считался похоронным звоном...

Вот тут-то я и толкнул ногой Алешку, который был посвящен в мой план. Алешка вздохнул и сказал:

— Эх, красота... Жизнь — просто как у пиратов каких-нибудь...

Георгий Иванович фыркнул.

— Что вы знаете о пиратах, — как я и предполагал, он тотчас же клоннул на мою нехитрую приманку.

— Да, были времена, — издали повел я, — корабли были деревянные, зато люди — железные... Пираты, впрочем, не были настоящими моряками. Они были случайными людьми на море...

— Ну, ну, ну... — Георгий Иванович, как доверчивый карась, тронул червяка на моем крючке. — Не говорите. Пираты были отличными мореходами.

— Например?

— Например: Хоукинс, Дрейк, Кавендиш ходили вокруг света. Кавендиш был прекрасным картографом. Дрейк первый применил джиггермачту и усовершенствовал каравеллу до типа корабля, который после него назовут фрегатом... О, эти знали толк в парусах и море... А знаменитое карибское Береговое Братство! Целое государство, история которого еще ждет того, кто его опишет...

— Хм, хм, — подергал я снова свою наживку. — Пенсионное обеспечение пиратов — очень интересно... За выбитый глаз — двести пиастров, за правую руку — шестьсот. Копили денежки на старость и становились честными бюргерами. Кончали мирно жизнь в окружении любимых внуков... Все описания пиратской храбрости — фантазия позднейших романистов...

Тут уж я затронул святая святых Георгия Ивановича, он возмущился самым настоящим образом. Пираты были его любимым коньком, и уж тут, оседлав его, он дал ему шпоры.

— Пенсионеры! — воскликнул он. — Честные бюргеры! Благочестивые дедушки!!! Что вы знаете о них? О том, как «Железная рука» ушел на своем «Фениксе» от двух французских фрегатов, отстреливаясь, за неимением картечи, награбленными им золотыми дублонами; как Френсис Дрейк на своей «Золотой Лани» захватил однажды одиннадцать испанских галеонов, трюмы которых были полны серебра; Шарп взорвал себя, попав в безвыходное положение... О! А об их кровожадности, жестокости и смелости я мог бы кое-что порассказать. Один Бенито де Сото из этой компании чего стоит...

— Бенито де Сото? Испанец, наверное? — подергал я свою леску, чтобы крючок забрал поглубже.

— Нет, де Сото был португальцем... Если бы не позднее время, я бы рассказал вам его историю.

— Георгий Иванович... — занял Алешка.
— Георгий Иванович, — еще более жалобно запротестовала Натаха.

Георгий Иванович посмотрел на светящийся циферблат часов и выключил свой транзистор. Я чувствовал, что ему и самому очень хочется поведать нам о Бенито.

— Ну, если уж и дама настаивает, я не могу отказаться... — сказал он. — Но только — сколько успею до без четверти одиннадцать.

— А завтра вечером остальное? — спросила Натаха, устраиваясь на спасательном круге «Кубы» поудобней.

— На море нельзя ничего загадывать вперед... — суеверно, как и подобает старому шкиперу, отвечал Георгий Иванович.

— Ладно, не будем, — живо согласилась Натаха, — только рассказывайте подольше...

— Итак, история Бенито де Сото, часть первая...

Уж совсем смерклось.

Слева от нас очень уютно помигивали огоньки «Тайны» и «Волхова», и там, наверное, рассказывали свои истории.

Воздух был очень теплый, и спать никому не хотелось.

ШТОРМ

А ночью начался шторм.

Шторм на Балтике налетает всегда внезапно. Барометр почти бесполезен. Особенно, если шторм приходит ночью.

Когда есть возможность прослушать прогноз погоды для рыбаков и летчиков морской авиации и когда эти прогнозы обещают шторм, на стенах сигнальных мачт в яхт-клубах вывешивают два черных шара один над другим.

Тогда яхты испуганной стайкой жмутся у бонов, исключая ветром и волнами. Но здесь команды их могут быть спокойны: редко когда по авралу приходится заводить с берега дополнительные нейлоновые или стальные тросы, если крепчайший ветер начнет отжимать боны, грозя раздавить хрупкие сосновые борты яхт.

Порт — надежная крепость моряка.

Если шторм застанет в море и до берега далеко, — опытный капитан бросает плавучий якорь, который будет держать яхту носом к волне и ветру, убирает все паруса, проверяет крепость всех тросов и запоры люков и ложится преспокойно спать. Яхта будет только легко, как кусок пробки, нырять в волнах, дрейфуя помаленьку, гонимая ветром и волной, обратив к ним свой острый форштевень.

... Но берегись, капитан, если ты спишь спокойно у берега, а шторм налетел с моря. В старинных английских морских наставлениях к такому случаю говорится: «Страви пять глубин якорного каната и молись Иисусу и пресвятой деве Марии...»

И хорошо, если у тебя тяжелые якоря и крепкие цепи или якорные канаты. Ты стравишь их и не на пять глубин, а пока не опустеет канатный ящик, и тут уж надейся только на их крепость; бог и дева Мария не помогут...

А если цепи не выдержат, если опыта и искусства не хватит, — ветер выкинет легкое суденышко на камни, расшибет его, раздавит, как каблук давит ореховую скорлупу, и выплюнет наконец обломки где-нибудь на песчаных отмелях.

Опытный капитан всегда оставит между собой и берегом побольше глубокой воды, чтобы, услышав первые удары ветра, поднять паруса и выйти, вылавливая против ветра, уйти подальше в открытое море.

Недаром латиняне говорили: «Мореполаватель, во время бури бойся земли...»

Уже в четыре часа ночи я просыпаюсь. Спать чутко — армейская привычка. Джерри спит рядом и тоже просыпается вместе со мной. Но Джерри не знает, что может означать пение тонких тросов, туго натянутых вант и грохот фалов по мачте.

На море я всегда сплю одетым, нужно только обуться, а это дело двух секунд, но, и не выходя на палубу, я уже ощущаю по натянутому борту яхты силу ветра.

Вся остальная команда спит.

Сдвинув крышку люка, я высовываю голову. Кругом все в бело-желтой пене, ветер словно взбесился, «Куба»

танцует на коротких быстрых волнах, размахивая хлыстом мачты, и дергает якорный канат.

Я соскальзываю вниз и бужу Георгия Ивановича.

— Шторм, — говорю я ему, — нужно удирать отсюда! Алешку с Натахой я решаю не тревожить — пользы от них немного, пускай спят. Джерри тоже оставляем внизу.

— Может, отстоимся? — спрашивает Георгий Иванович, не попадая рукой в рукав своей оранжевой куртки.

— Нет, — отвечаю я. — У вас один полутоннальный якорь, а «Куба» весит не меньше трех тонн... На «Норд-Весте» я бы отстоялся, но «Кубе» лучше уходить...

— А выйдем? — осторожно спрашивает Георгий Иванович, опуская под подбородок ремешок фуражки.

— Нужно выйти. Я подниму грот, а вы выберете на ходу якорь. Ветер, судя по всему, только усилится. Через полчаса пойдет настоящая волна, и «Куба», раскачиваясь, потянет якорь. Грунт здесь каменистый. Если якорь поползет — прощай «Куба»...

Георгий Иванович кивает головой и молча начинает помогать ставить парус. Ух как он бьется и трепещет! Его мягкая ткань сделалась жесткой от брызг, ликтрос с трудом уходит в паз мачты.

— Есть! До марки, — говорит Георгий Иванович, вернее, кричит, потому что ветер засвистывает уже крепко. «До марки» это значит, что верхний угол паруса дошел до топа, верхушки мачты.

Я начинаю подбирать шкоты и глазами показываю Георгию Ивановичу на якорный канат. Он, придерживая очки, прыжками Паганеля устремляется на бак.

— Держитесь крепче! — ору я во всю мочь и еще добираю шкоты. «Куба», сильно дрейфуя, начинает уваливать вправо, натягивая якорный канат, начинает ходить на нем, словно большая рыба на леске...

Теперь как можно быстрее нужно переложить руль и сменить галс. Хорошо! Снова поворот. Левый галс! Я подвожу «Кубу» поближе к якорю и вижу, как мелькают руки Георгия Ивановича, перебирающие и отбрасывающие на палубу провисший канат.

— Якорь под нами! — кричит он.

Очень хорошо. Теперь «Куба» сама выдернет его лапы из грунта.

По легкости и быстроте хода я понимаю, что якорь чист. Георгий Иванович уже подтянул его к борту. Только бы старик не свалился в воду... Нет, держится крепко. Ждет, когда водой смоем с якоря грязь.

Наконец, якорь на палубе. Георгий Иванович наскоро крепит его первым попавшимся под руку концом. Ничего, потом разберемся. Главное — уйти как можно дальше от берега, от острых камней старых фортов.

Смотрю на часы. Пятый час утра. Светает.

«Волхов» болтается на волнах безжизненный, словно покинутый командой: там всегда спят крепко, из пушек не разбудить.

Искоса, не спуская глаз с дрожащей кромки паруса, оглядываю бригадину. Капитан — старый морской волк — почуял неладное. Над фальшбортом «Тайны»

виднеются три растрепанные ветром головы. Тяжеловато им будет выходить отсюда под парусами. Правда, у них есть мотор в семьдесят сил. Только эти моторы не желают заводиться, когда нужно...

Эй! Не зевай, рулевой! Большущая волна вкатывает на бак, перехлестывает через рубку и, журча, несколькими десятками ведер стекает в кокпит...

«Вот чем плохи быстроходные яхты, — думаю я, — они не всходят на волну, а прошивают ее насквозь своим острым носом. «Норд-Вест» сейчас бы нырял спокойно как уточка, только брызги летели бы в лицо. Да, славная посудинка «Норд-Вест»...»

«Волхов» качается все так же безжизнен и безмятежен.

На «Тайне», между тем, отчаянно бьется кливер и готовят стаксель.

Мы уходим очень быстро, и бригантина, такая большая вблизи, уже виднеется как маленькая лодочка, а две ее мачты кажутся не толще весел, поставленных торчком. Но «Тайна» движется, медленно ползет вдоль серой полосы форта. Да, тяжелоенько им придется...

Из рубки «Кубы» вдруг раздается Натахин голос:

— Поставить бом-бом-бам-тарарам-брамсели! Все наверх! Вот это да!

Ее смеющаяся рожица выглядывает из темного зева полукрытого входного люка. На ней моя старая куртка с коричневым меховым воротником, который так любит трепать Джерри.

— Натаха! — кричу я. — Без пояса на палубу не выходить! И Джерри не выпускать!

— Это что? Шторм?! — кричит во всю силу Натаха.

— Шторм! — отвечает наполовину радостно, наполовину испуганно Георгий Иванович.

— Красота! — и Натаха скрывается в рубке, утянув за собой Джерри. Впрочем, скрывается всего лишь на минуту, а затем показывается снова, но с кинокамерой в руках.

Загонять ее в каюту мне жаль. Я только обвязываю

ее на всякий случай коротким концом троса, пока она, растрепанная и счастливая, снимает под невероятными углами свои самые потрясающие кадры...

Как ни быстроходна была «Куба» и как ни изыщна, я, по правде сказать, пожалел, что не встретил этот шторм на своем надежном «Норд-Весте».

К половине шестого утра мы пролетели мыс Лисьего Носа, стали носом против ветра, убрали грот, который грозило разорвать в клочья, и поставили штормовой стаксель.

Но и под этим носовым платком мы неслись со скоростью трамвая, и дождевые шквалы, долетавшие так до нас, подстегивали «Кубу» в корму, и она, казалось, перепрыгивала, оскорбленная, с гребня на гребень.

Один раз во время шквала нас заложило так, что вода забурлила выше подветренных окон рубки, а с лица Георгия Ивановича, да и с моего, наверное, тоже, сбежали загар и румянец.

Но «Куба» выпрямилась. Балласт в несколько сот килограммов — все равно что пузо у Ваньки-Встаньки. Ровно в семь мы влетели в нашу уютную, такую родную, такую надежную гавань, где дуло уже не столь сильно, и благополучно отшвартовались.

К полудню — шторм уже начал выдыхаться — под зарифленным гротом пришла «Тайна».

А поздно вечером примчал развездной катер, собиравший раскиданные по заливу яхты, и привез гик, спасательный круг и крышку от люка — все, что осталось от чудесного краснодеревяного «Волхова»...

И когда проносили эти обломки и останки разбитого «Волхова» — было похоже, как будто несут оставшиеся вещи погибшего человека.

— Жаль «Волхов»... — сказала Натаха.

— Простофиля капитан, — сказал Георгий Иванович с видом знатока.

А я три раза сплюнул через левое плечо, чтобы и с нами когда-нибудь не случилось такого... Знающие люди говорят, что помогает...

СВЕЖИИ ВЕТЕР

Наконец, наступает настоящее жаркое лето. Такое жаркое, что палубы яхт, как часто их ни скатывай водой, нагреваются так, что горячо ступать босыми ногами, а там, где палубы прошпаклеваны варом, черные пузыри пучатся в швах и ноги, ступая по ним, прилипают к палубе.

Надводная часть корпусов сохнет, и когда спишь в каюте ночью, пугаешься иногда треска лопающихся вдруг где-нибудь волокон доски, словно кто выстрелил над ухом из ружья.

Команды пьют тогда неимоверное количество воды, кваса и лимонада и проклинают жару, штиль и свою судьбу не хуже колумбовых матросов.

И, как колумбовы матросы, они ждут ветра, хорошего, свежего ветра.

И вот где-нибудь в июле или в середине августа уже по легкой свежести утра чувствуется в самом воздухе что-то бодрящее, пришедшее издалека, с Гольфстрима, может быть, а может, и с Северного моря, принесшее с собой словно бы запах какой-то, едва слышимый, тревожащий, настораживающий носы яхтсменов.

И залив вдруг начинает слегка мерцать, поблескивать, волноваться по-особому. И чайки носятся весело. И легкие шелковые колдунчики — ленточки на вантах, определяющие направление ветра, — начинают вздрагивать, виться еще не горизонтально, но живо и обнадеживающе.

Идет свежий ветер...

Ух, что тогда поднимается по яхт-клубу!

И вот уже пустуют причалы и яхты одна за другой

выходят в залив, меняя галсы и клонясь то левым бортом от ветра, то правым бортом.

А ветер идет с залива, настоящий, ровный, свежий ветер, и гнуты и шумят уже не только плескучие и податливые ивовые прибрежные кусты, но и могучие тополя начинают ходить зелеными волнами, захваченные поднимающимся ветром.

Чувствуется, что он не на час-другой и не на день. И пойдут яхты нырять и по одиночке и стайками, все дальше — на Кронштадт, на Петергоф и в Зеленогорск, и к Толбухину маяку, и разлетаются по всей Розе Ветров — так называли в старину раскрашенную компасную картушку, у которой стрелки румбов расцветали лепестками розы...

Какое это очарование — свежий ветер, когда тепло и солнечно! И цвет воды на заливе меняется, и цвет неба становится иным — синей и гуще. И все, все меняет он разом.

Как хорошо лежать на нагретой палубе под ровно и туго надутыми парусами или, свесив голову, смотреть с носа, как ровно выбивает из-под борта светлую, прозрачную волну, теплую, мягкую, ласковую, так что хочется пошлепать ее ладошкой, как живую, или окунуть в нее босую ногу.

Свежий ветер создает особое настроение, он сдувает лень и томление ожидания, он манит идти и идти вперед, и дальше, и дальше, к Таллину, к Риге, через Зунд и Каттегат, в Атлантику, туда, где близ тропиков дует все время свежий ветер, пассат.

Свежий ветер будит в морях тоску по дальним плаваньям, зовет с собой и манит далеко-далеко, этот ровный свежий ветер...

ПОСЛЕДНЯЯ СТРОКА

Иосиф Львов

«Лузановка, 5 августа 1925 г.
Исключительная встреча. Замечательные ребята».

Дневник Г. Котовского

Это было сорок пять лет назад.

На одном из лучших одесских пляжей, в Лузановке, около сотни палаток приткнулись почти у самой воды, подставив бока морскому бризу.

Бывшая пионерка Дина Михайловна Болоховская вспоминает о тех днях:

— Часто мы устраивали походы к деревенским ребятам. Нас было три отряда. Один направлялся в Дофиновку, другой — в Сычавку, третий — в Чебанку. У каждого пионера за спиной, кроме скатанного одеяла, была еще и связка полешек для костра, так как на побережье Черного моря лесов нет.

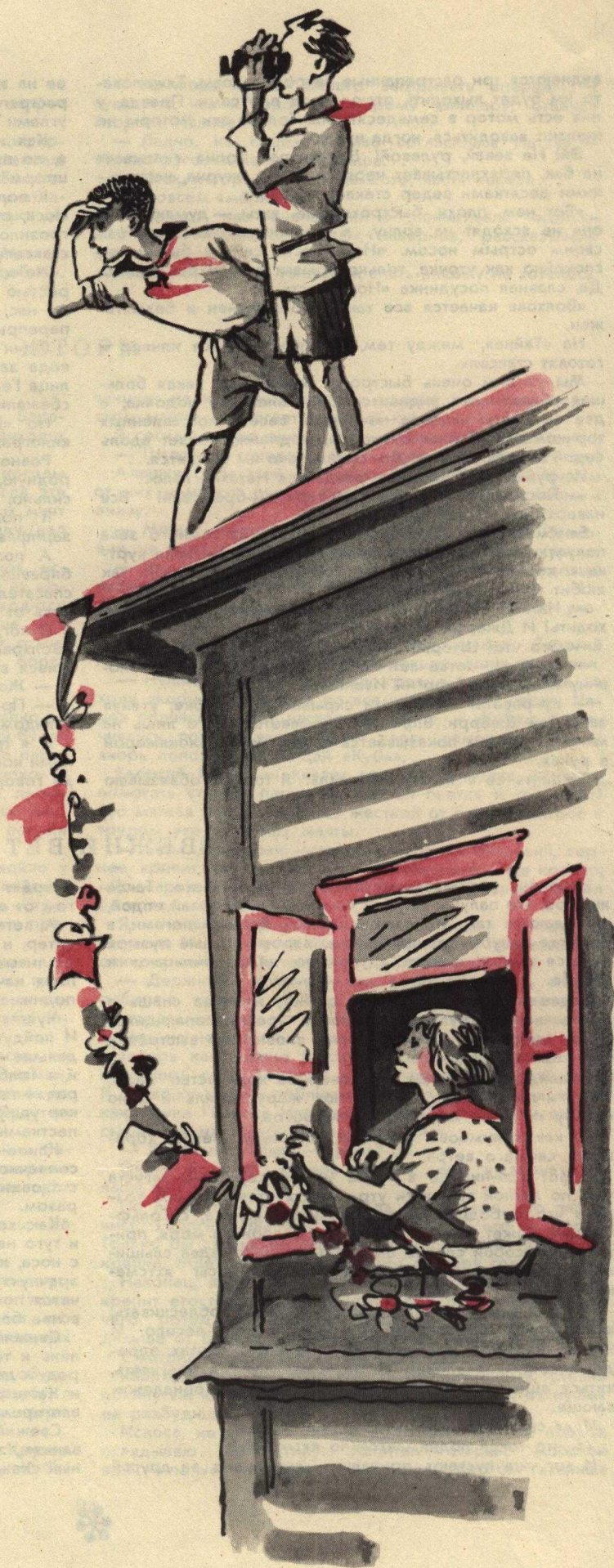
И вот, когда мы пришли в Чебанку, то выяснилось, что там в военном совхозе отдыхает вместе со своей семьей легендарный герой гражданской войны Григорий Иванович Котовский.

Мы набрались храбрости и навестили его. И пригласили приехать к нам в лагерь.

Продолжает Сергей Федорович Алексашин:

— Мы чуть не ошалели от радости, спешно начали готовить торжественную встречу. Мальчишки забивали колышки, подтягивали веревки палаток, посыпали песком дорожки. Девочки плели гирлянды, готовили букеты для столов, стирали и гладили блузки.

К нам прибежала чуть не вся пионерия, отдохавшая на Черноморском побережье Одессы. Пришли и комсомольцы. У входа в лагерь повесили алый транспарант с надписью: «Доб-

ро пожаловать, дорогие гости», украсили ворота красными флажками.

Моим соседом по палатке был Володя Эльбрух. Я уже стал засыпать и вдруг слышу:

— Серега, а Серега, не спишь?

— Нет, — отвечаю, — а что?

— Про бинокль не забыл?

— Все в порядке. Бинокль папа сегодня сам принес.

Проходит минута.

— Серега, ты видел Котовского? Какой он?

— Ну, какой, какой? Высокий такой, здоровый, с золотой шашкой на боку.

Еще минута проходит.

— А лошадь у него как зовут?

— Орлик.

— А чем она знаменитая?

— Умная.

Несколько секунд длится пауза. И опять:

— Серега, не спишь?

— Ну, чего тебе еще?

Так полночи и проговорили мы о Котовском.

Утром на дорогу, ведущую в Чебанку, выслали дозорных.

Сережа с Володей забрались на крышу дома и по очереди в бинокль обзевались даль. Как им завидовали остальные дозорные! И техника оправдала себя: Володя первый заметил вырастающую точку на дороге.

Кубарем скатились дозорные с крыши.

— Едут! Едут!

Начальник лагеря, чеканя шаг, направился навстречу гостям и, остановившись в трех шагах, отдал рапорт:

— Товарищи шефы, товарищ командир 2-го кавалерийского корпуса, почетный пионер Одесской пионерской организации Григорий Иванович Котовский! Пионеры, отдыхающие на Черноморском побережье в Одессе, для торжественной встречи дорогих гостей построены!

Котовский принял положение «смирно» и, взяв под козырек, словно принимая парад своего корпуса, воскликнул:

— Здравствуйте, мои юные друзья! К борьбе за дело партии, за дело Ленина будьте готовы!

В ответ грянуло дружное:

— Всегда готовы!

Когда возбуждение первых минут встречи улеглось, Григорий Иванович осмотрел весь лагерь, обошел его, заглянув чуть ли не в каждую палатку. Он подробно расспрашивал ребят,

как они отдыхают, как учатся, а потом, коварно прищурившись, спросил:

— Чего в лагере не хватает?

И сразу посыпалось:

— Футбольных мячей.

— Волейбольных тоже.

— Книг.

— Шахмат.

— Подождите, давайте организовано. Кто у вас тут горнист? Сыграем сбор, соберем всех ребят и выясним.

Мальчуган лет двенадцати поднялся, вскинул сверкавший медью горн, надул щеки и во всю мощь своих легких начал выводить хриплые звуки.

— Постой, постой. Тебя как зовут?

— Гриша.

— Вот что, тезка, у тебя что-то не получается. И мелодия не та, — развел Котовский руками. — Дай-ка мне горн.

Над лагерем зазвучал четкий и стройный сигнал. Ребята, услышав такое, даже рты раскрыли.

— Дядя Гриша, — крикнул кто-то из самых маленьких, — вы что, тоже были пионером?

На него замахали руками: какие пионеры при царском режиме?

Котовский рассказывал:

— Как говорил писатель Чехов, «в детстве у меня не было детства». Когда мне минуло два года, умерла мама. Нас осталось пятеро детей, мал-мала меньше. Отец служил механиком на винокуренном заводе, домой приходил поздно, уходил рано. Простудился на работе, заболел воспалением легких, а потом туберкулезом, и умер. Мне было тогда тринадцать лет.

Снова вспоминает Сергей Александрин:

— Наступило время завтракать. Мы все вместе направились к столам, сколоченным из грубо отесанных досок, тут же под открытым небом врытым в землю. Завтрак на этот раз был необычный, праздничный: ломтик белого хлеба со сливочным маслом и брынза. «К брынзе не мешало бы подать мамалыгу», — шутило заметил Котовский. И объяснил, что это национальная пища молдаван, «хлеб для бедных», и рассказал, как ее готовят из кукурузной муки.

К полудню ртутный столбик термометра показывал 28 градусов. Самое время окунуться в прохладные волны моря.

После купания все снова собрались на центральной площадке. Пионеры показали гостям свое искусство: хоровые, танцевальные и вокальные номера, гимнастические упражнения.

Потом зажгли костер, и опять пошли разговоры и расспросы.

— Григорий Иванович, — попросил горнист, — вы хорошо играете на трубе. Сыграйте нам что-нибудь.

— На горне, пожалуй, много не сыграешь. Вот бы кларнет достать.

— Сейчас достанем!

Двое ребят во всю прыть бросились бежать и тут же вернулись вместе с руководителем лагерного оркестра Аркадием Владимировичем Радловым.

Радлов, человек уже немолодой, с достоинством поклонился и протянул Котовскому начищенный корнет.

— Так и есть, перепутали. Просил кларнет, а принесли корнет. Ну, ничего.

Григорий Иванович попробовал действие клапанов, приложил мундштук к губам. Медь в его руках ожила, заговорила. Полюлись веселые звуки «болгаряску».

— Григорий Иванович, — обратился к Котовскому руководитель оркестра, — не обессудьте за нескромный вопрос: в каком музыкальном училище учились?

— Музыкальное училище?

Что вы, я к нему близко не подходил. А музыку полюбил с малых лет. Еще в сельскохозяйственном училище играл в духовом оркестре, руководил хоровым кружком. А потом — тюрьмы, каторга, скитания, — но музыку не оставил. Она мне часто помогала и выручала. Хотите, расскажу?

В августе 1919 года, недалеко отсюда, в районе Вапнярки — Бирзулы 45-я Советская стрелковая дивизия, куда входила и наша бригада, попала в кольцо. Обстановка создалась тяжелая. Надо было с боями отходить и пробиваться на север, на соединение с регулярными частями Красной Армии. А личный состав — почти весь — молдаване, выходцы из Бессарабии и левобережного Приднестровья. Вдруг не захотят они отойти от родных мест куда-то на неведомый север?

И вот, в свободную минуту, я взял кларнет и стал наигрывать молдавские напевы. Бойцы по одиночке и группами на-

Участники духового оркестра при Кокорозенской сельской музыкальной школе

Григорий Котовский — второй слева в первом ряду

чали подходить ближе. Слушали внимательно.

Тут я им на их родном языке и объяснил, что наш отход на север является временным и что скоро вернемся с победой.

Когда мы выступили в поход, среди бойцов не было ни одного отставшего.

— Расскажите нам еще что-нибудь про гражданскую войну. Как били де-никинцев, петлюровцев и прочих бан-дитов, — просили ребята.

— Били как полагается, — усмех-нулся Котовский. — Об этом расска-зывать долго.

И посоветовал посмотреть кино-картину, которая скоро выйдет на экран.

Фильм этот повествует о действи-тельных событиях. И участвуют в нем не только профессиональные арти-сты, но и бойцы и командиры кавалерийского корпуса.

— Вы тоже снимались в картине?

— Да, в роли командира бригады.

Играю, так сказать, самого себя.

— Как называется этот фильм?

— «ПКП»

— «ПКП»? — недоуменно повторили

сразу несколько голосов. А что это значит?

— Это расшифровывается так: «Пилсудский купил Петлюру».

Ребята засмеялись.

— Я вам расскажу. Когда белополяки захватили часть Украины, они стали грабить украинцев и увозить в Польшу целыми эшелонами хлеб, сахар, скот и все, что попадало под руку. Пыхтели паровозы, и за ними тянулся длинный хвост вагонов с награбленным народ-

ным добром. На каждом вагоне, рядом с белым общипанным орлом — гербом панской Польши — выведены были буквы «ПКП».

Стоят рабочие у вагонов с загадочными литерами и гадают, что бы это значило. Оказавшийся поблизости подольский мужичок медленно, вразвалку подходит к рабочим и, почесав затылок, певучим украинским голосом вступает в разговор.

— Хлопці! Я зрозумів. Розшифрував. Тут намалевано, що Петлюра продався Польщі.

— Что-то у тебя не получается, батя, — возразили рабочие.

— Як це не виходить? Дурень-голова. Слухайте. Коли одна людина продає, то друга купує. Так?

— Допустим, что так.

— А хто голова у Польщі?

— Ну, Пилсудский.

— Ось виходить: ПКП — Пилсудский Купив Петлюру!

Долго не отпускали пионеры Котовского. Заставляли рассказывать еще и еще. И Котовский рассказывал. И как в девятьсот пятом году во главе небольшого отряда «народных мстителей» наносил он «визиты» помещикам и купцам, отбирал у них деньги и раздавал беднякам. И как совсем недавно со своими бойцами разгромил в Тамбовской губернии банду Матюхина. За эту боевую операцию правительство наградило 185 красноармейцев и командиров орденом Красного Знамени, 58 человек получили ценные подарки, а Котовский — почетное оружие, боевую шашку с орденом Красного Знамени на эфесе.

Давно был спущен лагерный флаг и горнист сыграл отбой ко сну. А лагерь все не стихал. Напрасно вожатые подходили к палаткам, призывали к тишине.

А наутро всех охватила тревога. Дозорные рассказывали: ночью ка-

Вот она — эта шашка

кой-то человек, проходивший через лагерь, говорил, что в Чебанке беда с Котовским, но какая именно, не мог объяснить.

И вот телефонограмма из Одесского Губкома комсомола: «Сегодня ночью в с. Чебанка выстрелом в упор предательски убит легендарный герой гражданской войны, почетный

пионер нашей организации Григорий Иванович Котовский».

На следующий день пионеры проводили свою делегацию на похороны Котовского.

Рядом с тремя орденами Красного Знамени и почетным революционным оружием делегаты положили красный галстук и пионерский значок.

Как сложилась судьба бывших пионеров лузановского пионерлагеря? Вот несколько имен и судеб:

Иван Рожнов, Борис Эльбрух, Григорий и Николай Гавриловы пали смертью храбрых на фронтах Отечественной войны.

Михаил Николаевич Палумбо — полковник в отставке, сейчас на пенсии; Владимир Николаевич Палумбо — подполковник, тоже на пенсии; Александр Сорока — летчик, майор в отставке; Алексей Кузьмич Пантелеймончук работает на Севере; Сергей Федорович Алексахин — военнотрудовой сверхсрочной службы; Дина Михайловна Болоховская — старший инженер-конструктор Гипростальпроекта.

Может быть, еще кто-нибудь откликнется, прочитав эти строки?

НАШИ ДРУЗЬЯ „УТТЕРЕ“

По-венгерски пионер называется «уттере», что означает «прокладывающий путь». Их девиз: «Пионеры, вперед! Непоколебимо вперед за трудовой народ, за Родину!»

... Нам посчастливилось побывать в поселке, который праздновал 25-летие своего освобождения.

Подъезжая к поселку, мы услышали стрельбу и увидели идущих солдат и пионеров. «Играют в «Зарницу» — подумали мы.

Это поселковые пионеры вместе со своими друзьями военными в точности повторили операцию взятия поселка. А затем в школе состоялся торжественный сбор дружины, и гости из соседнего поселка передали хозяевам книгу-эстафету. В ней ребята рассказывают о своих находках, встречах с замечательными людьми, о своих успехах в школе.

Везде, где нам удалось побывать, венгерские пионеры интересовались делами советских ровесников: как помогают старшим, как заботятся об октябрятах, с кем дружат, где проводят лето.

В Будапеште, в пионерском лагере Чиллеберц, построенном более двадцати лет назад, нас встретили необыкновенно радушно. И сразу же повели смотреть работу пионерского почтового отделения.

В зале было как в настоящем почтовом отделении. Нам даже предложили отправить письмо или открытку домой. За барьером — рабочие столы, на них бланки телеграмм, марки, конверты.

Потом мы побывали на детской железной дороге, где тоже работают только пионеры. Правда, машинист — взрослый, так полагается.

Летом в лагере отдыхают

1600 ребят. Олимпиады, конкурсы, дела пионерских дружин совсем как у нас.

В каждой школе мы видели письма и посылки ребят Москвы, Ленинграда, Воронежа, Ивано-Франковска. Советские пионеры присылают своим венгерским друзьям пластинки, фотографии и открытки с видами ленинских мест. Из этих материалов в школах можно создать выставку.

Нам очень понравились встречи с пионерскими звеньевыми и отрядными вожатыми. Знающие люди. Звеньевой, например, может научить ребят новой песне, подробно рассказать о знаках различия и ритуалах пионерской организации, об ориентировании в походе.

Везде «уттере» просили передать горячий привет из Венгрии ребятам Советского Союза. С удовольствием выполняю это поручение.

Г. Барина

ЖИЗНЬ И СТИХИ

Л. Либединская

Рисунки В. Орлова

Одной из самых больших радостей моей жизни была и есть поэзия Александра Блока. Его стихи сопровождали меня с детских лет, может быть, потому, что их любила моя мать. Ей выпало счастье лично знать этого замечательного русского поэта, встречаться с ним на литературных вечерах и концертах. С детства строки его стихов живут в моей душе. Стихи Блока утверждают: вслед за ночью обязательно наступит день. А из рассказов матери, за строками его пленительных стихов, проступал образ живого человека...

... Снег, перемешанный с дождем, косо летит в свете газовых фонарей над прямыми петербургскими улицами. Кричат лихачи, газетчики, победно ревет рожок первого автомобиля, а он идет, прямой и одинокий, среди рушащегося и еще не понимающего близости своей гибели мира. На его красивом загорелом лице то же торжество правды, что и в стихах...

Я часто думаю о том, что мы — счастливые люди. Родись мы на столетие раньше, мы не знали бы поэзии Блока. Насколько беднее была бы наша жизнь!

В шестнадцать лет, заполняя анкету «Признания», разосланную читателям юношеского журнала, Блок на вопрос: «Что я больше всего ненавижу?» — ответил: «Цинизм». Эту ненависть пронес он через всю свою жизнь.

А Корней Иванович Чуковский пишет, что одной из главных черт в характере Блока было «бесстрашие правды». Не это ли «бесстрашие правды» делает такой прекрасной и достоверной каждую строчку блоковских стихов? Не потому ли так горячи и современны чувства, волновавшие поэта? Не потому ли «тайный жар» его стихов помогает нам жить?

Путь поэта был труден и сложен: от юношеских романтических «Стихов о Прекрасной даме» к стихам о России, к знаменитой поэме «Двенадцать». Переломным в жизни и творчестве поэта стал революционный год 1905-й.

Об этом времени здесь и пойдет речь.

*Милый друг, и в этом тихом доме
Лихорадка бьет меня.
Не найти мне места в тихом доме,
Возле мирного огня.*

Да, они были очень уютные; эти две комнаты в тихом доме отца, на Петербургской стороне. Расположены комнаты в стороне от остальной квартиры, и попасть к молодым можно лишь из передней. Большая спальня выходила окнами на набережную. За окнами речная гладь — то синяя, то серая, а на закате и восходе — розовая. Маленький кабинет окном в светлый казарменный коридор. Нижние стекла заклеены восковой бумагой, на ней яркими красками нарисованы рыцарь и дама.

Мебель в кабинете старинная, вся из бекетовского дома, доставшаяся Александре Андреевне в наследство после смерти родителей. Бабушкин письменный стол, дедовский диван, на котором, по семейным преданиям, сидел еще Достоевский, пестрый восточный ковер на полу. Все с детства привычное, родное.

Порою, когда Блок за полночь сидел над конспектами и книгами или над заветными тетрадками со стихами, ему вдруг казалось, что детство не кончилось, что вот-вот раздадутся за дверью шаркающие бабушкины шаги. Что за окнами не дымный Петербург, наполненный гудками заводов и скрытым гулом машин и станков, а медвяные шахматовские липы, рябое зеркало пруда, колющий шиповник и холодный туман...

Он откидывался в кресле, протирал рукой усталые покрасневшие глаза, прислушивался. За стеной мирно спала Люба. Покой...

Покой? Нет! Недаром спустя несколько лет он напишет: «И вечный бой. Покой нам только снится».

О том, что в мире неблагополучно, Блок чувствовал очень давно. Об этом ясно говорят его стихи, письма и дневники юношеских лет. Подчас, помимо своей воли, он зорким глазом художника ловил приметы грядущей катастрофы. Но как был он далек от революционных чаяний! Его суждения удивляют своей наивностью, незрелым пониманием того, что творится вокруг.

Даже попав в студенческую среду, которая в те годы кипела политическими страстями, он проявлял поистине непонятное равнодушие к жизни своих товарищей.

В 1900 году, когда Блок учился на втором курсе юридического факультета, в университете начались волнения. Студенты стали бойкотировать лекции и экзамены некоторых профессоров. Блок как ни в чем не бывало явился на экзамен. Он просто не знал о бойкоте.

В автобиографии Блок писал:

«От полного незнания и неумения обращаться с миром со мной случился анекдот, о котором я вспоминаю теперь с удовольствием и благодарностью: как-то в дождливый осенний день (если не ошибаюсь, 1900 года) отправился я со стихами к старинному знакомому нашей семьи, Виктору Петровичу Острогорскому, теперь покойному. Он редактировал тогда «Мир Божий». Не говоря, кто меня к нему направил, я с волнением дал ему два маленьких стихотворения...

Пробежав стихи, он сказал:

— Как вам не стыдно, молодой человек, заниматься стихами, когда в университете бог знает что творится!

И выпроводил меня со свирепым добродушием. Тогда это было обидно, а теперь вспоминать об этом приятнее, чем обо многих позднейших похвалах».

Да, таким он был в самом начале девятисотых годов, весь погруженный в свои переживания, окутанный лаской и уютом семьи.

Еще в августе 1903 года Блок писал о себе, что «страдает крайним индивидуализмом» и «не чувствует участия народа и общества» в своей духовной жизни.

Но вот в январе 1904 года разразилась русско-японская война. Нестерпимой болью откликается в сердце Александра Блока весть о гибели броненосца «Петропавловск». Ему кажется, что над ним раскололись небесные своды. Он словно просыпается. Начинает оглядываться кругом. И по-новому видит улицы огромного капиталистического города.

Из своего замкнутого мира он как бы шагнул прямо в петербургскую ночь. И увидел людей. Так значит, существует не только он и его Прекрасная дама? Существуют люди, которым плохо и трудно жить. Эти люди страдают, и виновата в их страданиях установившаяся от века, жестокая российская действительность.

В соседнем доме окна желты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу все с моей вершины;
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

Эти стихи не сочинены, они увидены. Рядом с казармами, где жил Блок, находилась тюлевая фабрика, за рекой — заводы Нобеля и Лесснера.

Согнутые спины — вот открытие, сделанное поэтом:

Как тяжело лежит работа
На каждой согнутой спине!

Теперь в его стихах появляются люди, раздавленные непосильной тяжестью жизни. Мать заперла дома детей, а сама легла на рельсы, под поезд, — ей нечем их прокормить. Больной чело-

век надорвался под тяжестью ноши, упал и умер в пути. Женщина разможила голову о стену...

Он много ходит по городу. Жизнь рабочего Петербурга раскрывается перед ним. Все время открытия, одно за другим. Упала пелена с его глаз. Зловонные колодцы петербургских дворов, крыши, чердаки, трущобы — это тоже открытия. Робость, покорность, уныние... Неужели нет силы, которая изменит эту жизнь?

Самое страшное, что люди притерпелись к окружающему ужасу и не замечают его. Кому есть дело до ежедневных сообщений на столбах газетной хроники, где в двух-трех строчках сообщается о несчастных случаях, убийствах и самоубийствах?

Может быть, именно та отрешенность от повседневной жизни, в которой Блок прожил свои детские и юношеские годы, позволила ему с такой резкостью и яркостью воспринять «непроглядный ужас жизни», когда он взглянул на него?

Блок не понимает, как могут люди спокойно смотреть на то, что творится у них на глазах...

В эти же годы начались крестьянские восстания. Во многих губерниях силой отбирали у помещиков урожай, жгли дворянские усадьбы. Конечно, это отразилось и на безмятежной шахматовской жизни...

Отныне, где бы ни был поэт, чтобы ни делал — бродил ли по окраинам Петербурга, или возвращался в шахматовскую усадьбу, проходил ли по бесконечным, как улицы, университетским коридорам, читал ли сводки с фронта русско-японской войны, — везде искал он признаки надвигающейся бури. Он понимал: мир не может остаться таким, как он есть. Необходима радикальная ломка. Должен раздаться, не может не раздаться стук разрушения.

Это предчувствие грозы, все нарастая, прони-

зывает стихи Блока тех лет. Городская нужда, рабский труд — вот что приходит на смену романтическим стихам о Прекрасной даме. Порою кажется, что «Стихи о Прекрасной даме» и стихи из цикла «Город» писали два разных человека.

Традиционно-привычные метафоры ожили, зашевелились, воплотились в реальные образы. На смену былой певучести приходят разорванные строки, сломанные ритмы. Вместо привычных с детства мягких интонаций Жуковского, Тютчева, Фета, врываются народные некрасовские интонации.

Да и меня без всяких поводов
Загнали на чердак,
Никто моих не слушал
 доводов,
И вышел мой табак.

В городских туманах слышит он гул восстания и всем сердцем ждет его. Тревога, носящаяся в воздухе задолго до 9-го Января, прокрадывается в его комнату, освещенную мирным светом настольной лампы, наполненную привычным покоем.

Начались забастовки на заводах и фабриках. По улицам, возле Гренадерских казарм, стали ходить выборные от рабочих. Из окон своей квартиры Блок видел: один из таких выборных махнет рукой, проходя под светящимися окнами фабрики, и, словно по мановению руки, все огни фабричного корпуса мгновенно гаснут.

Он чувствовал в этом неведомую, но несокрушимую силу, которая рано или поздно должна победить.

Блок ждал событий, волновался. Глядя на сына, волновалась и Александра Андреевна.

Ночь на 9-е января выдалась морозная, яркая. Полный месяц высоко летел в зимнем ледяном

небе. Раздался стук в дверь. Денщик разбудил Франца Феликсовича.

— Командир полка требует господ офицеров в собрание.

Франц Феликсович ушел. Александра Андреевна не находила себе места. Будить сына? Нет, подождать немного...

Она быстро оделась и вышла на улицу. Весь полк был в сборе и выстроился возле казармы.

— Алексей Иванович, санитарные повозки готовы? — донесся до нее громкий голос заведующего хозяйством. У Александры Андреевны упало сердце. Санитарные повозки? Значит, возможна стрельба, раненные, кровопролитие? Надо скорее разбудить Сашу!

Она поспешно вернулась домой, постучала к сыну, сбивчиво рассказала о случившемся. Осторожно, чтобы не разбудить жену, Блок стремительно оделся и вместе с матерью вышел на улицу.

На набережной, у Сампсониевского моста, возле всех переходов через Неву, стояли кавалерийские посты. Один из переходов охранялся отрядом гренадер под командованием Франца Феликсовича. Узнав об этом, Блок побледнел. Однако промолчал, боялся обидеть мать.

— Пойми, он ненавидит все это, но служба... — виновато прошептала она, без слов угадав мысли сына.

Он ничего не ответил.

Горели в ночи костры, разожженные уланами. Замерзшие уланы приплясывали, и странно было видеть в напряженной морозной ночи танцующие фигуры. Живой, багровый огонь казался зловещим.

— Все мы люди одинаковые, что рабочий, что солдат... — услышал Блок и резко повернулся на голос.

Возле моста рабочий уговаривал конного солдата уйти с поста. Солдат отмалчивался, но чув-

ствовалось, что всеми помыслами сочувствует рабочему.

«И у этого служба...» — с горечью подумал Блок.

Хлопнула дверь одного из подъездов. На улице появился еще рабочий. Одет чисто, по-праздничному. Он долго крестился на церковь, направляясь к Дворцовой площади. Но все подходы были перекрыты, и он тщетно метался от одного часового к другому.

Так и запомнилось Блоку на всю жизнь: мечется человек, ищет выхода. Розовый нарядный шарф призывно мелькает в сером рассветном воздухе.

«Найдет выход!» — мелькнула мысль.

И вдруг, словно опровергая эту мысль, от Петровского парка докатился ружейный залп. За ним — второй, третий.

Александра Андреевна побледнела.

— Домой, Саша, домой!

За обедом Блок, не стесняясь присутствием отчима, открыто ругал военных. Франц Феликсович, опустив над тарелкой свой длинный, как у дятла, нос, смущенно молчал, стараясь не слышать (или делал вид, что не слышит?). Посмотришь на него и подумаешь — главное это котлеты, что лежат на тарелке.

Кончился обед. Звякнув шпорами и щелкнув лакированными сапогами, Франц Феликсович исчез из дома.

— Францик вспыльчивый, — виновато оправдывала мужа Александра Андреевна. — Он может страшно накричать, но он отходчивый.

Блок угрюмо молчал, но, может быть, впервые в жизни его огромные серые глаза с таким холодом и отчуждением взглянули на мать.

Милый друг, и в этом тихом доме
Лихорадка бьет меня!

Он никогда не забудет эту страшную зиму.

Черные силуэты детей, подстреленных на деревьях Александровского сада. Казачьи патрули, по-хозяйски разъезжавшие по городу...

Это была зима окончательного пробуждения. Зима, которая помогла ему выбрать путь, тяжелый и тернистый. Путь признания революции и уверенности в ее торжестве...

Блок целые дни ходил по улицам, слушал митинги.

Он говорил умно и резко,
И тусклые зрачки
Метали прямо и без блеска
Слепые огоньки.

А снизу устремлялись взоры
От многих тысяч глаз,

И он не чувствовал, что скоро
Пробьет последний час.

... Не знаю, кто ударом камня
Убил его в толпе,
И струйка крови, помню ясно,
Осталась на столбе.

... И промелькнуло в беглом свете,
Как человек лежал
И как солдат ружье над мертвым
Наперевес держал.

Все виденное с документальной точностью воплощалось в стихи.

Блок участвовал в демонстрации и даже нес красное рабочее знамя.

Шли на приступ. Прямо в грудь
Штык наточенный направлен.
Кто-то крикнул: «Будь прославлен!»
Кто-то шепчет: «Не забудь!»

Недаром Блок утверждал, что душа России и его душа — нераздельны. Все происходившее в России происходило и в его душе. Все, что он писал в это время, как бы овеяно дыханием бури, пронесшейся над родиной.

Понеслись, блеснули в очи
Огневые языки,
Золотые брызги ночи,
Городские мотыльки.

Здание дымом затянуло,
Толпы темные текут...
Но вдали несутся гулы,
Светы новые бегут...

... Скок по камню тяжело звонок,
Голос хриплой меди тонок,
Расплеснулась, широка,
Гулкой улицы река.

На блистательные шлемы
Каплет снежная роса...
Дети ночи черной — где мы?..
Чьи взывают голоса?..

Нет, опять погаснут здания,
Нет, опять он обманул,—
Отдаленного восстания
Надвигающийся гул...

Революция вывела Блока из теплого, дремотного мира на шумную метельную улицу. Он увидел сытость сытых и голод голодных. Увидел тех, кто обманывает и грабит народ.

Какой душевной храбростью и стойкостью надо было обладать, чтобы бросить в лицо той среде, которая породила и воспитала его, гневные строки:

Они давно меня томили:
В разгаре девственной мечты
Они скучали, и не жили,
И мяли белые цветы.

И вот — в столовых и гостиных,
Над грудой рюмок, дам, старух,
Над скукой их обедов чинных
Свет электрический потух.

К чему-то вносят, ставят свечи,
На лицах — желтые круги,
Шипят пергаментные речи,
С трудом шевелятся мозги.

Так — негодует все, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:
Ведь опрокинуто корыто,
Встревожен их прогнивший хлев!

Теперь им выпал скудный жребий:
Их дом стоит неосвещен,
И жгут их слух мольбы о хлебе,
И красный смех чужих знамен!

Жить дома становилось невыносимо. Отчим, как правоверный царский служака, стоял на стороне царя, его слуг, его войска. Особенно не любил он студентов, считал их отверженцами и бунтарями. Когда по вечерам в кабинете Блока собирались друзья, он со всей истовостью благонамеренного обывателя предупреждал молодежь, чтобы они не смели вести политических разговоров.

А как было не вести такие разговоры, когда самый воздух России пронизан грозowymi разрядами нарастающего народного гнева!

Александра Андреевна всей душой сочувствовала сыну. Она умоляла мужа выйти в отставку. Франц Феликсович то сердился, то впадал в уныние. Он любил жену и боялся потерять ее уважение. Но любовь к службе пересилила. Выйти в отставку он так и не решился. Александра Андреевна плакала. У нее участились тяжелые сердечные припадки. Мир в доме был разрушен.

Как не бросить все на свете,
Не отчаяться во всем,
Если в гости ходит ветер,
Только дикий, черный ветер,
Сотрясающий мой дом!

Осенью 1906 года Блок с женой оставили родительский дом и переехали на отдельную квартиру, сначала на Лахтинскую улицу, а потом на Галерную.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ СЕРИИ

СЕРИЯ ВТОРАЯ

“ВЕСЕННЯЯ ВСТРЕЧА”

1. Киноклуб отвечает на письма
2. Новый фильм. Наша афиша
3. Хвалим-ругаем
4. Знакомьтесь: Пеппи — длинный чулок.

СЕРИЯ ТРЕТЬЯ
ЛЕТНЯЯ ВСТРЕЧА

«Пишут пионеры города Днепропетровска средней школы № 107. Мы уже не один раз смотрели фильм «Армия Трясогузки снова в бою». Нам очень понравилась песенка, которую пели ребята. Очень просим, напечатайте ее в журнале!»

Песня называется «Там, за рекою». Ее написали поэт Вольт Суслов и композитор Вениамин Баснер.

Фильм «**АРМИЯ ТРЯСОГУЗКИ С НОВА В БОЮ**» (авторы сценария А. Власов и А. Млодик) получил премию Центрального Комитета комсомола.

Шел в степи отряд кавалеристов,
Подобрал мальчишку в поле чистом.
На коня вскочил мальчишка быстро,
Улыбнулся, песню затянул:

Припев. Там, за рекою,
Там, за голубою,
За синими озерами,
Зелеными лесами
Ждут нас тревоги,
Ждут пути-дороги.
И под огнем свою найдем,
С которой не свернем!

Дали парню важную работу:
Набивал он ленты к пулемету.
А врагов в степи кругом без счета.
А патронов — каждый на счету!

Припев.

Налетели атаманы к ночи.
Не успел к «максиму» пулеметчик,
Повалился, пулями прострочен,
Но запел, ударил пулемет!

Припев.

Шел мальчишка сквозь огонь и воду.
Через горы шел и через годы,
Через грозы, битвы и походы,
И летела песенка, звеня.

Припев.

Нам еще скакать лавиной грозной!
Нам еще взлетать дорогой звездной!
Быть героем никогда не поздно.
Это нам «в поход» поет труба!

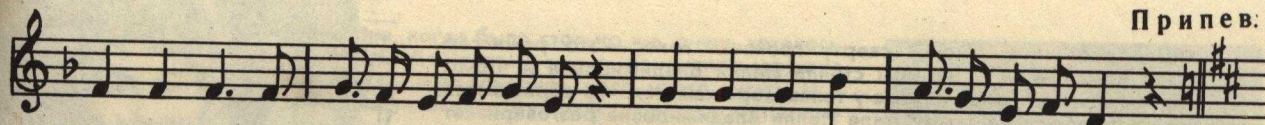
Припев.

Шел в степи отряд кавалеристов, подобрал мальчишку в поле чистом

КЛУБ КИНО ДЛЯ ВСЕХ,

Припев:

На ко ня вско чилмалышка бы стро, у лыб нул ся пес ню за тя нул.

Так за ре ко ю, там го лу бо ю, за си ни ми о зе ра ми, зе ле ны ми ле са ми

Ждут нас тре во ги, ждут пу ти до ро ги, и под ог нем сво ю найдем, с которой не свернем!

«Меня зовут Хохлова Таня. Я живу в поселке Магнитка. Мне очень хочется стать диктором в телестудии или на радио. Но я слышала, чтобы быть диктором, нужно быть еще и актрисой. Правда ли это?»

«Я очень хочу стать диктором, но не знаю, где мне учиться.

Оля С., Астрахань».

«Что нужно знать и уметь диктору?»

Я. Владимир, Московская область».

Познакомьтесь с диктором Ленинградского телевидения Нелли Владимировной Широких. Она ведет передачи «Светит звездочка», «Для малышей», «Дружные ребята». Снимается в телефильмах «Куклы на экране» вместе с обезьянкой Жаконей, медвежатами Тяпой и Ляпой.

Слово нашему корреспонденту Павлику Херувимову, ученику седьмого «в» класса 117 ленинградской школы.

У нас в седьмом «в» должен был начаться урок литературы. И я даже побаивался, что меня вызовут. Тут входит наша учительница и прямо с порога:

— Херувимов, подойди к столу.

Так и знал, думаю. А Надежда Павловна мне про задание редакции рассказала. Конечно, я обрадовался! Полный вперед! — на студию телевидения.

А на студии вначале растерялся. Почти на каждой двери первого этажа надпись «студия» и номер. Во-первых, попробуй открыть такую здоровую дверь, а потом и боязно, на некоторых надписи: «идет передача», «микрофон включен».

Нелли Владимировну я нашел только в шестой студии.

КТО ХОДИТ В КИНО

Шла репетиция. Иногда сверху грохотал голос — это режиссер давал команды. А у камеры стояла Нелли Владимировна и что-то выразительно ей читала. Дома у телевизора кажется, что обращаются прямо к тебе, а на самом деле Нелли Владимировна разговаривает с камерой, за которой стоит оператор.

Мне сразу понравилось, как оператор легким поворотом ручки опускает и поднимает камеру, вертит в разные стороны. Тут же на соседней камере и я попробовал, но какая-то девушка как схватит меня за руку:

— Ты что шалишь, сейчас передача начнется.

И тут раздались звонки, будто в школе. Я к двери быстрее — а ее уже заперли. А на противоположной стене, на огромном матовом стекле засветилось: «микрофон включен».

Я совсем перепугался: вдруг сейчас стою где-нибудь не там и меня видно по телевизору. Но все три камеры повернуты в сторону Нелли Владимировны. На одной зажегся красный огонек. Тогда Нелли Владимировна улыбнулась и начала:

— Здравствуйте, ребята!

А чей-то знакомый голос ей отвечает:

— Здравствуйте, Нелли Владимировна.

Смотрю, на корточках сидит мужчина, голову пригнул и говорит голосом Жакони. А Нелли Владимировна на него ноль внимания и все обращается к его руке, которую он над головой держит, а на руке, кто бы думали, — Жаконя. Только тут я понял, что это знаменитый кукловод, заслуженный артист Владимир Владимирович Кукушкин. Неужели, думаю, ни разу не взглянет Нелли Владимировна на него? Вот попробуй-ка слушать одного, а отвечать другому.

А после передачи я иду рядом с диктором Широких по длинному-длинному коридору.

— Мне в детстве, — говорит Нелли Владимировна, — трудно давалась буква «ш». А сейчас — все нормально. Тренировка. Ну-ка скажи: «В шалаше шуршит шелками старый дервиш из Алжира и, жонглируя ножами, штуку кушает инжира».

И в это время закричали:

— Диктора в студию! Срочное сообщение ТАСС.

Все заволновались, а Нелли Владимировна вернулась, села за столик. Ей стали подкладывать листочки. Она один читает, а ей другой несут. Причем каждый листочек отрывают от такой длинной ленты, а лента выходит из аппарата, похожего на пишущую машинку, его телетайпом называют. А по телевизору, если смотреть, то кажется, ничего трудного тут и нет. Читает диктор спокойным голосом, и слушают люди важную новость. И не видно на экране, как редактор рвал ленту телетайпа, как листочки подкладывал и как все поздравляли Нелли Владимировну, когда она без единой ошибочки огромный текст прочитала. Только сейчас я понял, что такое текст «читать с листа» — без подготовки значит.

И еще я видел, как диктор озвучивает кино. Перед ним такой огромный телевизор на тележке с колесиками — называется монитор. Кино на экране показывают немое, а диктор смотрит и читает, смотрит и читает, и в эфир кино идет с его голосом. Тоже можно фамилии напутать — сказать, что это Петров, а Петрова еще не видно, — или медленнее, чем надо прочитать. И потом заметил я, что никогда не сядет Нелли Владимировна на скрипучий стул. А если вдруг чихать или кашлять захочется, как тут быть?

— Терпеть! — говорит, а сама смеется.

А как такое стерпеть?!

Дверь с красной табличкой «дикторская». Входим. А там семиклассники 193 школы. (Я и не знал, что столько ребят работа диктора интересует). Волнуются. А Нелли Владимировна, — не волнуется, — говорит, — ребята.

Один мальчик покраснел, как галстук, и спрашивает:

— А вы, когда передачу ведете, волнуетесь?

— Всегда. Только стараюсь, чтобы Тяпа и Ляпа этого не заметили, да и телезрители тоже.

Другой мальчик покраснел еще больше, взял бумажку и на одном дыхании произнес: «Как и почему вы стали диктором, сколько лет работаете на телевидении, какие трудности встречаются в этой работе, нравится ли она вам?»

Вот это да, думаю.

Нелли Владимировна серьезно выслушала и спрашивает:

— Тебе сколько лет?

— Тринадцать.

Диктор
работает

Читает
«с листа»

Читает
«под
кино»

А если
чихнуть
захочется?

Можно ли
волноваться
на
передаче?

ДАВНО

**Как Н. В.
стала
юристом**

**И как потом
стала
диктором**

**Ответ
на Танин
вопрос**

— Вот и мне, когда было столько же, очень хотелось стать артисткой. Действовал еще и мамин пример; она у меня артистка. Мне говорили, надо много читать. И я читала. Потом увлеклась музыкой, окончила музыкальную школу.

Но в театральном институте я не училась. Я окончила юридический факультет. И сейчас мне хочется сказать: умеете, ребята, оставаться верными своей мечте. Я жалела, что сделала не тот выбор.

Позже я стала диктором телевидения — прошла по конкурсу в 1955 году, вот как вы по конкурсу попадаете в драматический кружок. И почти пятнадцать лет работаю на студии.

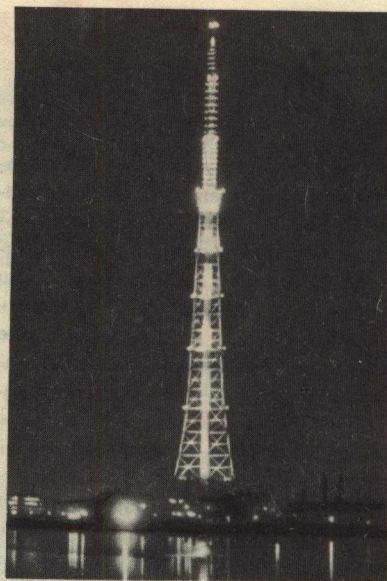
— Нужно ли диктору быть еще и актрисой? — спросил я.

— В передачах попадаешь в самые разные ситуации. А везде надо вести себя легко и естественно. Так что приходится быть и актрисой.

И Нелли Владимировна показала нам фотографии, снятые к разным передачам. Вот она гоняет с малышами мяч по огромному Кировскому стадиону. Вот в роли учительницы, врача, даже электромонтера.

В общем, ребята из 193 школы задали столько вопросов, что мне почти ни одного не осталось. Но я ни-сколечко об этом не жалею.

Фото В. Дроздова

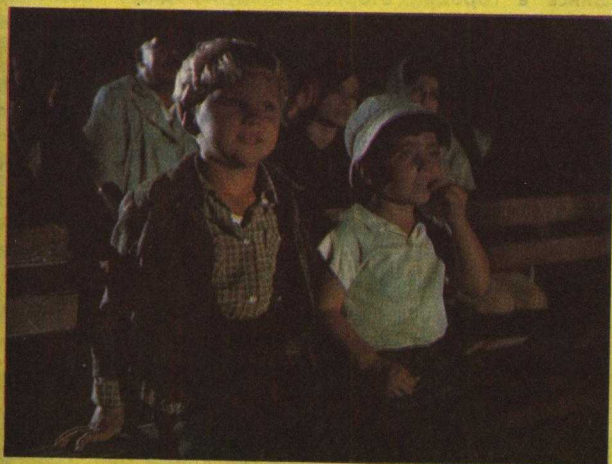

В этом месяце
на экраны выходит
новый цветной детский фильм
„МОЙ ДОБРЫЙ ПАПА“

(в журнале „Костер“ печаталась
повесть В. Голявкина,
по которой поставлен фильм)
Главного героя ПЕТЮ сыграл
ленинградский школьник
КОСТЯ КОРНАКОВ

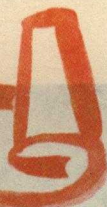

Его брата БОБУ —
четырехлетний бакинец
СЕРЕЖА АРУТЮНОВ
ПАПУ — **АЛЕКСАНДР ДЕМЬЯНЕНКО**
МАМУ — **ЛЮДМИЛА ГУРЧЕНКО**
Песни, которые исполняет Петя,
написали
АНДРЕЙ ПЕТРОВ и ЯКОВ ГОЛЯКОВ
Режиссер фильма **ИГОРЬ УСОВ**
Автор сценария
ВИКТОР ГОЛЯВКИН

КИНОКЛУБ ЖДЕТ ВАШИХ ОТЗЫВОВ О ФИЛЬМЕ

ИЛИ СОВСЕМ НЕДАВНО

Радио, книга и мультфильм познакомили вас с Малышом и Карлссоном, который живет на крыше. Кинофильм — с девочкой Скролан, боцманом, Червеном и Мюзакком. Наш журнал — с Эмилем из Леннеберги и с Мио. Но все ли вы знаете еще одну героиню шведской писательницы Астрид Линдгрен — девочку по имени Пеппилотта-Виктуалина-Рольгардина, а попросту — Пеппи Длинный чулок, дочь капитана Эфроима Длинный чулок, прежде Грозы морей, а теперь Негритянского короля? А ведь именно сказка о Пеппи сделала Астрид Линдгрен знаменитой писательницей.

По просьбе дочки, когда той было шесть лет, Линдгрен придумала сказку о девочке, которая показывает детям, как нужно жить на свете.

Надо сказать, что путь Пеппи Длинный чулок в литературе оказался нелегким. Девочка, не похожая ни на кого, не понравилась редакторам. Хорошо, что писательница верила в свою Пеппи.

И наконец, одно из издательств согласилось напечатать сказку.

А потом сказка о Пеппи на конкурсе детской книги была удостоена Андерсеновской премии — высшей международной награды. Ее издали в десятках стран. Перевели по меньшей мере на двадцать языков, и на русский тоже.

Теперь Пеппи появилась на экране. Шведский режиссер Олле Хеллбом вместе с кинематографистами из ФРГ создал цветную многосерийную картину.

В роли Пеппи дебютировала школьница Ингер Нильсен. Теперь она одна из самых популярных кинозвезд, потому что нет такого мальчика или такой девочки, которым бы не понравилась героиня фильма.

Эта ярко-рыжая девчонка в разноцветных чулках, в стоптанных башмаках и с обезьянкой на плече появляется в маленьком городке с двумя благовоспитанными полицейскими, двумя благовоспитанными злодеями

хвалим-ругаем хвалим-ругаем хвалим-ругаем хвалим-ругаем хвалим-ругаем

КОММЕНТИРУЕТ КИНООПЕРАТОР АЛЕКСАНДР ЧЕЧУЛИН

На фотографии, которую сделал Сережа Спытов, его любимая собака. Собака хорошая, фотография — не очень. Потому что она случайная. Мальчик просто снял собаку на фоне случайного дома, при случайном освещении. Он, видимо, ничего не ждал, не выбирал, не подкарауливал. Посмотрите: разве не мешает вам раскрытая дверь позади собаки, или дробная линия забора, или прислоненные к ней какие-то предметы? Помоему, они отвлекают внимание, нарушают восприятие силуэта. О собаке — герое фотографии — они нам ничего не рассказывают.

Если вам подарили фотоаппарат, то, конечно, прежде всего нужно научиться наводить на резкость и правильно определять выдержку. Но этого совершенно недостаточно. Как недостаточно уметь писать, чтобы стать писателем. Нужно научиться видеть. Видеть, как падают лучи солнца, как прекрасны человеческие лица. Как светится паутина утром в лесу, как плавают листья в осенних лужах. Не думайте, что уметь фотографировать, значит, снимать легко. Уметь фотографировать — это уметь видеть.

хвалим-ругаем хвалим-ругаем хвалим-ругаем хвалим-ругаем хвалим-ругаем

и одной особо благовоспитанной дамой, занимающейся воспитанием детей. Пеппи ездит на белом в серых яблоках коне и всю жизнь в городе переворачивает вверх дном.

Полицейским, злодеям и даме-воспитательнице пришлось несладко. А вот детям Пеппи раздала все игрушки, какие только нашлись в городе.

Она может то, что не может никто другой. Например, есть гвозди. Или поднять на руках лошадь. Если кто-то обидит слабого, Пеппи посадит обидчика на такое высокое дерево, что ему оттуда никак не слезть.

Пеппи Длинный чулок начала путешествие по экранам мира. Во время Второго Международного Московского кинофестиваля на его детском конкурсе картина появилась в Московском Дворце пионеров. Взрослые присудили ей специальный приз — «За лучший комический фильм». А детское жюри — в него входили пионеры московских школ — признало Ингер Нильсен «Лучшей девочкой фестиваля» и наградило ее черным котенком.

Через некоторое время вы сможете тоже познакомиться с Пеппи.

Б. Миронков, А. Костриц

СЛЕДУЮЩЕЕ ЗАСЕДАНИЕ
КИНОКЛУБА —
В АВГУСТОВСКОМ НОМЕРЕ
«КОСТРА».

ПОЖАР НА МОРЕ

РАССКАЗЫВАЕТ
ЛЕОНИД АЛЕКСЕЕВИЧ
ПЛЕСОВСКИХ,
ПЕРВЫЙ ПОМОЩНИК КАПИТАНА
ТЕПЛОХОДА «ЧЕРНЯХОВСК»
— «Черняховск» наш — морское
торговое судно, моряки попросту
называют его сухогрузным. Такие су-

нас никого в море не было. Форсированным ходом пошли на вызов...

К полуночи мы увидели горящий пароход. Его экипаж на шлюпках уже отошел от своего судна на почтительное расстояние. Спасавшиеся прихватили с собой вещи — один даже клетку с какой-то птицей (кажется, с канарейкой). Тушить пожар, спасти

прекращающимся огнем! Работали так, как будто беда нагрянула в наш дом: не жалея сил, без единой передышки.

Мы отстояли машинное отделение, потушили пожар в каютах. Турецкий пароход был взят на буксир. Направились в порт Миндела. Наши моряки вернулись на свои места. Но на этом

Моряки с «Черняховска» после тушения пожара

да перевозят зерно, станки и разные другие грузы. Рейсы длятся три-четыре месяца. Походишь на таком судне — увидишь весь мир...

Последние три года мы плаваем по одному маршруту — работаем на Южно-Американской линии. Возим технику, оборудование для заводов и сельского хозяйства из Советского Союза и стран Европы. Обрато из Южной Америки порожняком не идем — захватываем грузы для своей страны.

Тем, кто плавает не первый год, такая жизнь кажется довольно однообразной: заходишь хоть и в далекий порт, но уже знакомый, десятки раз виденный. И десятки раз — одни и те же грузы с борта на причал, с причала на борт.

Может, кто и считает, что плавание торговых моряков не то, что военных, что торговому моряку не свойственны самоотверженность, мужество. Но это совсем не так. Судите сами...

Январский рейс прошлого года. Очередной раз шел «Черняховск» с грузом в Южную Америку. Вдруг в ста милях южнее островов Зеленого Мыса наш радист принял сигнал бедствия. Просил о помощи капитан турецкого парохода «Превезе». Ближе

свое судно они и не пытались, настолько были перепуганы случившимся. Кроме того, турецкие моряки знали: судно «Превезе» застраховано, капитан с лихвой получит возмещение убытков, не прогадает и судовладелец.

Наш капитан отдал приказ высаживаться на «Превезе». Что значит высадиться на горящее в море судно? Даже те, кто первый раз плавал на «Черняховске», прекрасно представляли себе размеры опасности. Но и самые молодые матросы ни минуты не колебались и по первому слову вызывались идти в аварийные партии.

Спасательные работы пришлось проводить быстро: ведь на нашем судне тоже находился огнеопасный груз.

Даже новички у нас были подготовлены к тому, чтобы оказать помощь судну, терпящему бедствие: заделать пробоину, потушить пожар.

...«Черняховск» подошел почти вплотную к горящему пароходу, и первые спасатели из нашей аварийной партии перебрались на «Превезе». Трудно ориентироваться на чужом, да еще горящем, корабле, трудно тянуть шланги по коридорам и трюмам и при этом бороться с не-

не кончили тревожения героической ночи! Пожар разгорелся снова. Теперь уже горела продовольственная кладовая и камбузный уголь. Пришлось высаживаться на турецкий пароход еще раз. Помещение продовольственной кладовой будто ад. Стенки раскалены, вместо воздуха — пар, под ногами — горячая вода. Две-три минуты — больше пробыть невозможно. Сменяя друг друга, по одиночке пробирались туда смельчаки. Володя Петров, Саша Тростников и их товарищи продолжали бороться с огнем, обливали раскаленные докрасна переборки...

Думаете, у них был страх за свою жизнь? Малейшие колебания? Думаете, кто-нибудь пытался остаться в стороне? Нет. Тушили пожар целых два дня и две ночи. Наконец, судно было спасено и отбуксировано в порт.

Мы взяли курс на Рио-де-Жанейро. Только и было у нас теперь разговоров, что о недавнем происшествии, о поведении своих и чужих матросов. Кто-то даже пошутил: «Турков спасли, теперь за греками дело...»

Шутка оказалась пророческой: недалеко от бразильского берега мы опять получили сигнал SOS: горело греческое судно «Флора». Капитан Фритзалос, правда, сообщил, что пока они справляются с пожаром сами, но просил не терять с ним связи. Других судов поблизости не было, а ни одна береговая станция почему-то сигнала бедствия не приняла.

Довольно скоро греки убедились, что им самим пожара не потушить, и стали просить прийти им на помощь. Мы шли встречными курсами и потому потратили всего два часа, чтобы подойти к «Флоре». Еще два часа ушло на переговоры с капитаном. Тем вре-

менем пожар охватил надстройку парохода, и она запылала гигантским факелом.

Высадиться на «Флору» со шлюпок даже по штурм-трапу оказалось не просто. Волнение достигало шести баллов. Шлюпки швыряло, как ореховую скорлупу. Но вот на борт «Черняховска» поднялась спасенная команда «Флоры», наши моряки гостеприимно разместили пострадавших, всех накормили, с некоторыми даже поделились одеждой...

Прежде чем начать спасательные работы на самом греческом судне, капитанам обоих судов полагалось подписать соглашение о спасании, контракт. Но греческий капитан медлил. Мне запомнилось, как стоял греческий капитан на своем горящем судне и, видно, что-то прикидывал в уме...

Наконец, Фритзалос рискнул подписать контракт. Теперь наша спасательная партия поднялась на борт его парохода уже на законном основании. Одиннадцать отважных советских добровольцев были готовы бороться с огнем!

— И вы хотите такими силами тушить пожар? — спросил капитан Фритзалос. — У меня было двадцать пять человек, и то мы ничего не смогли сделать.

Капитан демонстративно ушел на корму, как бы не желая принимать никакого участия в этой безнадежной истории.

Однако нашим ребятам понадобилось всего пятьдесят минут, чтобы справиться с основным очагом пожара. Действия спасателей были на этот раз еще уверенней: помогал недавний опыт. Работали в асбестовых костюмах. Дышать было нечем. «Наконец-то я понял, что у меня есть сердце», — горько пошутил потом Сережа Никифоров, молодой здоровый парень...

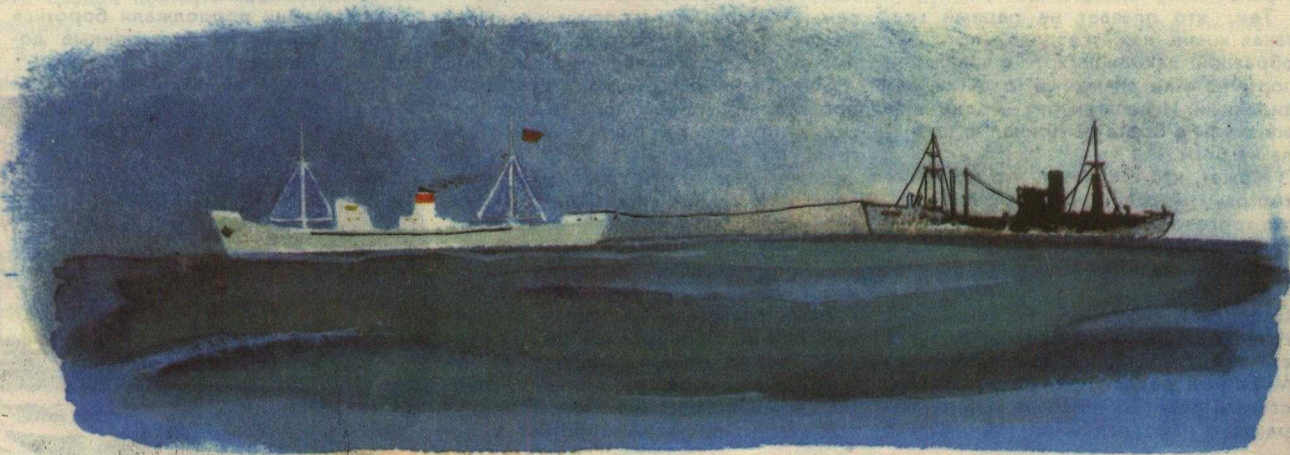
Пожар ликвидировали. Измученные спасатели смогли расположиться отдыхать только в трюме. А на корме «Флоры», где оставалась невредимой надстройка, обосновались капитан Фритзалос и его моряки. Им и в голову не пришло пригласить нас обсушиться и обогреться. Да, надолго запомнилась нам эта невеселая ночь. Промокшие, иззябшие, обессиленные вконец люди не могли даже удерживать буксировочного троса в руках. А команда «Флоры» безразлично взирала на наши старания. Один матрос, правда, проронил сквозь зубы: «Ваш бизнес, вам заплатят...» О товарищеской взаимопомощи эти люди и не помышляли.

Наутро «Черняховск» продолжил свой путь.

В Рио-де-Жанейро весь наш экипаж был приглашен на торжественный вечер встречи с местными моряками. Представитель портовых властей восторженно сказал: «Капитан, вы поставили рекорд. История не знает таких самоотверженных людей, как советские моряки...»

Как героев, встретили моряков теплохода «Черняховск» и в родном ленинградском порту...

Записала беседу Л. Пожидаева
Рисунки Р. Попова

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова

Год издания 14-й

ЮНГА САША КОВАЛЕВ

В 103 школе о юнге Саше Ковалеве говорят как о живом. В школьном музее хранятся Сашины письма и рисунки.

...В мае 1944 года группа торпедных катеров Северного флота направлялась к берегам, занятым противником. Сквозь заградительный огонь стремительно шли катера навстречу врагу — под берегом прятались корабли фашистов. С предельно короткой дистанции бы-

ли выпущены по фашистам торпеды.

За смелость и выдержку, проявленные в этом бою, юнга Ковалев был награжден орденом Красной Звезды.

А потом еще двадцать боевых походов и еще одна награда — медаль Ушакова.

Однажды в бою снарядом пробил выхлопной коллектор мотора. Из пробоины хлынула кипящая вода. Торпедный катер стал те-

рять скорость. Медлить нельзя было ни секунды. Юнга бросился к коллатору и закрыл пробину своим телом. Горячая вода с силой давила на грудь, но Саша сдержал ее напор. Подбежали другие моряки и заделали пробину. Катер благополучно вышел из-под огня противника. Но раненый и обожженный юный герой погиб. Ценой своей жизни он спас катер и товарищей.

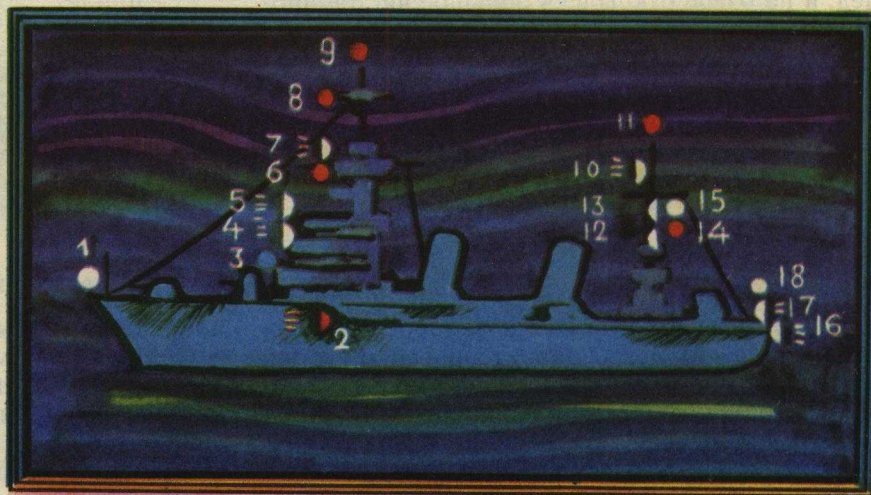
Л. Кролевская

В мартовском номере мы обещали поместить в газете рисунок военного корабля с включенными огнями. Вот он — включены все ходовые и сигнальные огни. Целое созвездие горит над стылгой водой.

Впрочем, так не бывает: все огни сразу не включаются. У каждого свое назначение, свой смысл.

- 1 — штаговый якорный огонь, несется, когда корабль стоит на якоре,
- 2 — левый отличительный, несется, когда корабль на ходу. Правый отличительный — зеленого цвета,
- 3 — дежурный (синего цвета), его несет дежурный корабль,
- 4 — нижний топовый, несется, когда корабль на ходу,
- 5 — нижний буксирный, его включает корабль, который ведет на буксире другое судно,
- 6 и 8 — аварийные, их включает корабль, который не может управляться,
- 7 — верхний буксирный,

- 9 и 11 — клотиковые, для переговоров в ночное время по азбуке Морзе,
10 — верхний топовый,
12 — верхний кильватерный, его включают для удобства держания строя сзади идущим кораблем,
13 — флагманский, означает присутствие на борту старшего начальника, флагмана.

- 14 и 15 — гафельные, их включают, когда надо показать, что идет военный корабль (например, при входе ночью в порт и т. д.),
16 — гакабортный ходовой, несется, когда корабль на ходу,
17 — нижний кильватерный,
18 — гакабортный якорный, несется, когда корабль стоит на якоре.

Капитан Быстроходов предлагает три новых вопроса:

Бывают ли у подводных лодок руки?
Где находятся остатки фрегата «Паллада»?
Какая рыба может проглотить добычу больше,
чем она сама?

Ответ на вопрос в «Костре» № 2

Килька — рыба из семейства сельдевых. Шпрота — ее торговое название. Правда, оно используется лишь при определенном способе приготовления рыбы.

лмнопрстуфхцщъьэюяё абвгдежзиклмнопрстуфхцщш зиклмнопрстуфхцщш

ДЕВЯТЬ БЕЛЫХ ЛЕБЕДЕЙ

СКАЗКА

Сергей Воронин

Рисунки Е. Захарова

Как всегда, так и в этом году, на Чудское озеро пришла весна. И на всем его необъятном просторе начал таять снег. И побежала вода, скатываясь по гладкому льду в трещины. Стала их размывать. Ей помогало солнце. А тут еще подоспел теплый южный ветер, он погнал лед, и на озере открылось большое чистое пространство, в котором отразились голубое небо и легкие облака.

И сразу же над водой закружились чайки. К ним подлетела стая уток и стала нырять, плавать, чиститься. И вдруг замерла. С неба донесся трубный клик лебедей.

И вот они все ниже, ниже — большие белые птицы. И, распрямив крылья, почти не шевеля ими, опустились на воду. И поплыли, гордо поглядывая вокруг. И утки посторонились, чтобы не мешать им плавать, а чайки еще веселее закружились и еще громче закричали, приветствуя прилет лебедей.

Среди прилетевших больших птиц было два самых красивых лебедя. Они родились в прошлом году и прилетели опять сюда, чтобы сделать гнездо и вывести птенцов. Лебедя звали Белопух, а его подругу Легкокрылая.

Белопух уверенно плыл по широкому протоку, заросшему тростником и водорослями. Он знал маленький островок, затерянный в густых зарослях. Время от времени он высоко подымал голову и зорко осматривался. Он видел маленьких птичек камышевок, слышал крик уток, шумные всплески на воде, у берега, больших щук. И, не находя в этом ничего опасного, плыл дальше, ведя Легкокрылую к своему островку.

Островок, действительно, был маленький. С круглый стол, не больше. Но его вполне было достаточно, чтобы на нем построить гнездо.

— Анг-анг... — сказал Белопух, и Легкокрылая поняла, что он здесь родился и здесь хочет вывести с ней вместе птенцов.

— Анг-анг... — ответила Легкокрылая, и Белопух понял, что островок ей понравился, что здесь никто не увидит их гнезда. После чего сразу же Легкокрылая принялась стаскивать на островок старые камыши, почерневшие палки тростника. А Белопух отправился на разведку. Надо было осмотреть все вокруг, чтобы ничто не угрожало их дому, не помеша-

ло им выводить птенцов. Но главное, чтобы поблизости не было людей.

Одним концом проток выходил в Чудское озеро, — оттуда приплыл Белопух со своей подругой, — другим концом соединялся с большой бухтой. На дальнем берегу этой бухты стояла деревня. Белопух об этом знал и все же решил проверить, так ли уж она далеко, не может ли быть от нее какой опасности.

Над камышами крутилась мошкара. Играя, гонялись друг за другом бабочки. С веткой во рту плыла ондатра. Беспечно плескалась рыба. «Вроде бы, ничего опасного нет...» — подумал Белопух, раздвигая грудью заросли. И вдруг раздался выстрел! И сразу же у берега что-то захлестало, завозилось. Белопух резко пригнул голову к воде, чтобы его не заметили. Он даже перестал дышать. Замер. И только когда все стихло и уже где-то в стороне от него слышался треск, осмелился посмотреть и увидел уходящего человека в высоких резиновых сапогах. В одной руке у него была большая щука. Через плечо висело ружье.

«Плохо, очень плохо, — встревоженно поду-

мал Белопух. — Правда наше гнездо далеко отсюда. Но было бы лучше, если бы оно находилось подальше».

Вернувшись к островку, он ничего не сказал Легкокрылой, чтобы не встревожить ее, и стал помогать строить гнездо.

Оно было большое, вместительное, устланное по дну сухим примятым камышом. Легкокрылая снесла в него семь крупных зеленоватых яиц и села на них, чтобы высидеть птенцов. А Белопух стал зорко охранять ее. Он никого, даже пичужек, не подпускал близко к гнезду. И когда однажды, по неопытности, к нему приблизилась молодая ондатра, то он ее так ущипнул за хвост, что та заверещала и чуть не захлебнулась от страха. И уж, конечно, больше никогда не приближалась к жилищу Белопуха.

Случалось, что Легкокрылой становилось скучно все время сидеть в гнезде, тогда Белопух начинал ее развлекать. Кувыркался в воде, ложился на спину и смешно тряс лапами. Бывало и так, Белопух подплывал к ней, вытягивал свою длинную шею и негромко начинал ей напевать: «Анг... анг... анг...» Каждое «анг»

он произносил по-разному и получалось: «Я тебя очень люблю... Скоро у нас будут птенцы... И тогда мы уйдем отсюда в Чудское озеро. Его называли так потому, что это — чудо! Оно большое, как море. И там ничто не будет нам угрожать. Мы там будем плавать. Качаться на волнах. И с нами будут наши дети».

Слушая песню Белопуха, Легкокрылая терлась о его шею своей белоснежной шеей и отвечала ему ласково и устало: «Конечно, мне бы хотелось хотя бы здесь поплавать. Так надоело сидеть неподвижно. Но ничего, скоро у нас будут птенцы... Только я чего-то все время боюсь...»

«Ну, чего тут бояться. Мы в хорошем укрытии», — успокоил ее Белопух, а сам подумал о человеке, убившем щуку.

Птенцы вывелись в грозовую ночь. По всему громадному черному небу металась молния. Грохотал гром. Хлестал ливень. Легкокрылая спрятала под крыло голову, но даже и там видела всполохи молний. Поднялся ветер. И вот в эту страшную непогоду она почувствовала, как у нее под животом, в горячем пуху, зашевелился первый птенец. «Анг... анг...» — сказала она Белопуху, сидевшему с ней рядом, — что означало: «Один уже есть. Тепленький. Живой». Белопух еще ближе придвинулся к ней, чтобы хоть как-то уберечь ее от дождя и ветра.

Вскоре, за первым, вылез из своего яйца второй птенец и сразу же забился под крыло матери. Потом к нему прибавился третий. И к утру, когда уже гроза стихла, и ушли облака, и поднялось солнце, все семь птенцов сидели под крыльями матери.

Тогда Легкокрылая встала и осторожно переставила ноги, чтобы никого из них нечаянно не придавить, и сошла с гнезда. И тут Белопух, с нетерпением ожидавший этого дня, увидел своих детей. Это были пушистые комочки, и каждый комочек широко открывал желтый рот.

«Анг... анг...» — произнес Белопух, что означало: «Какие вышли славные ребятки!» — и стал поправлять на их спинках пух, гладить их клювом, в то время как Легкокрылая потягивалась неподалеку на воде, махала крыльями, плавала. Она не торопилась в свое гнездо, зная, что главное ею сделано.

Грело солнце, и птенцы, радуясь его теплу, вставали на свои слабенькие ножки, трепыхали крылышками и пищали, требуя еды.

«Потерпите немного, — говорил им ласково Белопух, — вот обсохнете, и я вас поведу в столовую. Я давно уже приглядел хорошее местечко». И замер... До него стали доноситься чавкающие звуки. Кто-то шел по протоку, направлялся прямо к гнезду. Если бы не птенцы, то и Белопух и Легкокрылая скрылись бы в гуще зеленых камышей, но разве можно бросить детей? А чавкающие шаги все ближе... И Белопух, и Легкокрылая совсем припали к воде, чтобы стать незаметнее, и лишь об одном думали, — чтобы никто из птенцов не запищал.

И хотя было очень страшно, Белопух все же краем глаза наблюдал, и увидел в просветах камыша идущего человека, того самого, кото-

рый убил щуку! «Мы погибли!» — подумал Белопух и хотел уже кинуться на человека, но, к счастью, тот прошел мимо, — он глядел в другую сторону и не заметил их. И вот все тише, тише шаги, и совсем пропали. «Анг! Анг!» — облегченно произнес Белопух, и тут же опять насторожился. Кто-то снова направлялся к его

гнезду, шумно раздвигая камыши. Белопух взглянул на Легкокрылую — ее глаза были полны ужаса, и решил — кинулся навстречу опасности, чтобы отвести от гнезда страшного человека. И чуть не ударился о длинные, твердые ноги... лося. Да, это был старый лось, переходивший проток с берега на берег.

Нет, не сразу они вышли на Чудское озеро, а когда птенцы уже подросли и научились сами отыскивать себе пищу. А до этого еще не раз Легкокрылая носила их на своей спине, не одну еще ночь они провели под ее крыльями. Но вот подросли и теперь, быстро перебирая лапками, плыли за своим отцом, озабоченно вертевшим головой по сторонам. Позади всех плыла Легкокрылая. Ей хорошо было видно всех своих детей, и она радовалась, как умело и старательно перебирали они ножонками.

Вышли они из протока туманным утром, чтобы никто их не мог заметить. И когда поднялось солнце и туман рассеялся, они были уже в самом Чудском.

Громадное, с легкой зыбью гладких волн, озеро привело в восторг молодых лебедей, — они тут же стали гоняться один за другим, брызгаться, носиться по воде, как маленькие стремительные катера, и качаться на волнах вместе с отцом и матерью, — о чем не раз мечтал Белопух.

Далеко-далеко, там, где небо сливается с водой, двигались пароходы. Летали над водой чайки. Волны одна за другой шли из неведомой

дали. Лебеди все дальше уходили в море. Белопуху хотелось, чтобы его дети почувствовали простор, полюбили эту большую прозрачную воду и чтобы всегда, пока будут живы, прилетали сюда, на свою родину. «Анг... анг...» — щелкал он клювом, и птенцы понимали его, и все больше влюблялись в синий солнечный простор, и качались, то взлетая на волну, то опускаясь с нее, и просили отца плыть дальше, к тому месту, где вода сливается с небом.

«Туда даже не долетишь, — отвечал им Белопух, — да и зачем туда лететь, если и здесь хорошо? К тому же пора и возвращаться. Наш корм у берега, на мелководье. Домой! Домой!»

С этого дня они уже часто выходили на большую воду. И каждый раз все больше нового открывали для себя птенцы. Они узнали, что Чудское озеро не всегда бывает ласковым, бывает и суровым, когда большие волны с белым гребнем несутся одна за другой. Случалось и так, что в озеро совсем нельзя было выйти. Там бушевала буря, метался ветер. Зато как радостно было после бури, когда на озере тишина, плыть и плыть в светлый простор, поднимаясь и опускаясь на гладких волнах.

Однажды ранним утром, когда солнце еще только начинало освещать Чудское, Белопух сказал своим уже выросшим детям: «Анг! Анг!» — и вот что означали негромкие эти звуки: «Слушайте, дети, теперь вы уже большие. Вам нужно уметь летать. Наступает пора готовиться к большому полету. Вы должны быть сильными и выносливыми. Учитесь летать!» — и с этими словами Белопух стал с силой бить своими большими крыльями, шлепать по воде широкими лапами и неожиданно побежал, разбрызгивая воду, все быстрее, быстрее, и вдруг полетел!

«Анг... анг... — произнесла Легкокрылая. — Смотрите, как летит отец. Так же и вы должны уметь летать. А ну-ка!...»

И все семеро уже больших лебедей, белых и прекрасных, один за другим забили крыльями по воде, зашлепали ногами, — о, какие они под-

няли волны! — побежали, все быстрее, сильнее махая крыльями, оторвались от воды и пошли вверх, все выше, выше... И за ними летела Легкокрылая.

«Киллькли!» — донесся до них голос отца. Белопух подымался все выше, выше, в небо, и к нему летели его дети. И тут перед ними открылся такой простор, что все семеро радостно закричали.

«Киллькли! Киллькли! Как хорошо, что мы родились здесь, где такое прекрасное чудо-озеро! Оно громадно! Оно все в солнце! Это наше озеро! Наша родина! Киллькли! Киллькли!» — все радостнее звенели голоса молодых лебедей. И Белопух и Легкокрылая слышали их, и твердо знали: куда бы их дети ни улетели на зиму, весной они непременно вернутся сюда, где родились, выросли, стали большими, красивыми птицами.

ПОГРАНИЧНИКИ

Фото
В. Мариковского

Вова Омельченко и Валя Виноград живут на Дальнем Востоке, недалеко от границы. Вместе со взрослыми они уже не раз задерживали диверсантов. Вова и Валя носят повязку с буквами ЮДП. Сейчас они на посту наблюдения вместе с сержантом Петром Лоскутниковым.

В бинокль с поста видно вышку. Говорят, что она, как хороший доктор, выслушивает границу. Пограничникам помогают работать самые лучшие современные приборы.

Сегодня на заставе обычный день. Вон пошли по дозорной тропе пограничные наряды, вот занимаются радисты, вожатые поисковых собак... Медвежонок Топ что-то кланчит у солдата. Сахар, наверное. Когда мишку принесли из уссурийской тайги, он дичился, а теперь перезнакомился со всеми.

И вдруг запела труба: тревога, тревога, тревога!

Нарушитель хитер, изобретателен, коварен. Вперед, Рекс! Беги скорей по следу! Валя и Вова тоже бы бросились за тобой, да нельзя, они на посту.

Тревога была учебной. Но застава всегда, в любую минуту готова к команде «В ружье!». Граница есть граница.

Весь этот месяц я дежурю у редакционного телефона. Отвечаю на все вопросы и записываю новости, которые нам сообщают из разных мест.

Звоню. Я снимаю трубку:

АЛЛО!

Мне отвечают.

Я говорю:

ИНСТИТУТ! ЧТО НОВОГО?

ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЗАЩИТЫ РАСТЕНИЙ

Если на ферме заболевает теленок, или утка, или песец, как измерить им температуру? Ведь они не станут держать под мышкой градусник!

А в нашей лаборатории биофизики изобрели автоматический термометр, он работает от обычной электросети и состоит из шнура, иглы и полупроводникового датчика величиной с булавочную головку. Стоит только иглой с датчиком прикоснуться к животному или растению, как тут же узнаешь его температуру.

Наше изобретение особенно полезно на зверофермах, скотных дворах и птичниках, где ветеринарам и зоотехникам часто приходится измерять температуру своих подопечных.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Уходим в плавание. В гавани уже ждут нас три корабля с флагманом «Лимняя», что значит «Озерная». До поздней осени мы пробудем на Онежском озере.

Наши корабли не пассажирские, они — лаборатории, а все ученые, которые плавают на них, — озероведы. Мы замеряем скорость и направление течений, изучаем растительный и животный мир, химический состав воды, солнечную радиацию, берем пробы донного грунта.

Что такое озера для нас, ученых? Это громадные естественные хранилища пресной воды, а ее на земле становится все меньше и меньше. А вода древнего Онега пока столь чиста, что, отъехав от берега к середине, можно заправлять ею аккумуляторы, словно дистиллированной. Вот мы и изучаем это озеро, чтобы потом советовать, как лучше использовать его в хозяйстве. Задумали, например, построить на берегу лесозавод и лесопилку. Озероведы взглянули на карту течений этого района и говорят: нельзя здесь строить. Быстрое течение разнесет по всему озеру отходы производства. Посоветовали перенести завод в глубину залива, где вода совершенно спокойна.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ ТЕКСТИЛЬНОЙ И ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Из стеклянной трубки направляем на ткань невидимый глазу луч газового лазера, и он мгновенно прожигает ее, оставляя безупречно ровный край. А нельзя ли с помощью луча выкроить из ткани платье?

Можно. Вместе с Институтом точной механики и оптики мы создали аппарат, который заставил луч газового лазера двигаться над раскройным столом в любом направлении, выкраивать одежду самых сложных фасонов.

В специальном устройстве зашифрованы не только чертежи будущего платья, но и разумное использование ткани. Другое устройство остановит аппарат, если он неисправен.

Во время опытов инженеры выкраивали детали одежды из шерсти, капрона, ткани с лавсаном и хлопка. А можно раскраивать лазером кожи, пластики, резать изоляционные материалы и фанеру, делать всевозможные отверстия, сваривать детали из полиэтилена.

Луч работает со скоростью 80 метров в минуту и с точностью до 1 миллиметра.

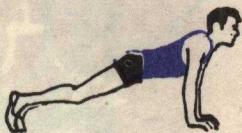
Стойка на голове

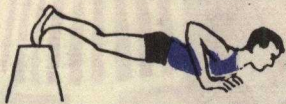
Отжимание

Отжимание полезно включать в утреннюю зарядку, разминку перед соревнованиями, в тренировку. Это хорошее упражнение для развития силы.

Начинать отжимание лучше всего от какого-нибудь предмета: скамейки, невысокого забора, стола. Сумел выполнить 15—20 отжиманий — значит, руки окрепли. Тогда выполняй упражнение по-новому: отжимайся от пола. Через некоторое время тебе и таким способом будет нетрудно отжаться раз

двадцать. Чтобы еще увеличить нагрузку, помести ноги на возвышении или попробуй быстро хлопнуть в ладоши после выпрямления рук.

Выполняя упражнение, делай вдох, когда руки согнуты, а выдох — в положении с выпрямленными руками.

Упражнения по развитию ловкости и координированности движений выполняют особенно охотно гимнасты, акробаты, прыгуны в воду. Но и легкоатлетам, в первую очередь прыгунам с шестом и десятиборцам, они очень полезны.

Как сделать стойку на голове?

Разучивать это упражнение надо вдвоем с товарищем, который будет страховать тебя.

Из упора присев упрись руками чуть впереди себя и поставь голову так, чтобы голова и руки образовали треугольник. Затем оттолкнись двумя ногами и выйди в стойку, держа колени прижатыми к груди (положение группировки). Хорошо, если при этом товарищ придержит спину. Как только туловище примет вертикальное положение, он подает команду — и тогда выпрямляй ноги. Теперь страхующий придерживает за голени. Стойка должна быть совершенно прямой!

Памятник при жизни

В столице Финляндии Хельсинки стоит памятник. Он воздвигнут не полководцу, не знаменитому поэту и не государственному деятелю. Памятник этот поставлен при жизни «королю бегунов» Пааво Нурми за то, что он в свое время был самым быстрым человеком на земле. 30 раз Нурми устанавливал мировые рекорды, а в 1924 году на Олимпийских играх в Париже завоевал сразу 5 золотых медалей.

Секрет прост

Новозеландского тренера Артура Лидьярда спросили, в чем секрет победы его питомца Мэррея Хэлберга в беге на 5000 м на Римской олимпиаде.

— В психологической подготовке, — ответил тренер. — Перед стартом я внушил своему воспитаннику, что ему предстоит бежать не долгих 5 километров, а всего лишь... стометровку, повторенную 50 раз!

Анкета — 70

Наша школа «Спринт» — заочная. Учителя-тренеры и ученики — юные бегуны встречаются друг с другом на страницах «Костра» либо поддерживают связь по переписке. Для этого всем юным спринтерам присвоены корреспондентские номера. Письмо без корреспондентского номера может не дойти по назначению!

Желательно, чтобы вы сообщали в редакцию о своих успехах не реже 3—4 раз в год. В 1970 году вам поможет в этом специальная анкета. Помимо основного листка, анкета имеет отрезные бланки трех рапортов.

Основные листки и первые рапорты от большинства из вас мы уже получили. Эти сообщения были отчетом о занятиях ячеек школы «Спринт» зимой и весной.

Составляя второй рапорт, расскажите о том, как закончили учебный год, как и где провели лето, в каких соревнованиях участвовали.

Срок отправления — до 15 сентября.

Третий рапорт поможет нам подвести итоги спортивного года, узнать, в какой помощи вы нуждаетесь.

Его надо послать не позже 15 декабря.

Отправляйте рапорты точно в срок.

Отвечайте на вопросы четко и немногословно.

Аккуратные и своевременные сообщения помогут отобрать кандидатов на очередной слет юных бегунов и на сбор активистов школы «Спринт», который состоится в октябре этого года в Артеке.

КОНСУЛЬТАЦИЮ ДАЕТ ГРОССМЕЙСТЕР

По просьбе арчебековцев международный гроссмейстер Юрий Авербах продолжает рассказывать о борьбе короля с пешкой против одинокого короля.

— Рассмотрим случай, когда пешка двигается «под охраной» своего короля. Например — белые: Крб4, п.с4; черные: Крс6. Тут черный король преградил пешке путь, белый — рядом с пешкой. Удастся ли ему освободить ей дорогу?

1.с5 Крс7 2.Крб5 Крб7.

Такое противостояние королей называется оппозицией. В подобных окончаниях выгодно занять оппозицию (то есть сделать создающий ее ход). Не займи своим ходом черный король оппозицию, а пойдя 2... Крд7?, белый прорвался бы вперед — 3. Крб6! — и обеспечил бы пешке путь в ферзи

АРЧЕБЕК

Вывод: если король, поддерживающий пешку, стоит ней рядом (или позади), она в ферзи не проводится. Другое дело, если он впереди. Но об этом — в следующий раз.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „С ДОБРЫМ ШАХОМ!“

«Здравствуй, шахмат-адмирал Ферзьбери!»

Я — Сеня, Сеня Ковров. Мой друг Вася заставлял меня ходить той

фигурой, до которой я дотронулся, и не дает переходить. А почему? А если я не хочу ходить той, до которой дотронулся? А если я хочу перейти? Объясни ему, Ферзьбери. Пусть не придирается!»

С добрым шахом, доблестный рыцарь Сеня Ковров!

Твой друг прав. В шахматах есть правило: тронул — ходи. А переставил фигуру на другую клетку и от-

пустил руку — все! Ход сделан и менять его нельзя.

Но если уж тебе так тягостно выполнять это правило, то есть выход: сражайся сам с собой. И тогда ты всегда сможешь переходить. Спросишь сам у себя разрешения, а потом сам себе разрешишь, и все будет в порядке: на тебя никто не обидится, и ты ни на кого. Разве что на самого себя.

Шахмат - адмирал Ферзьбери

УГОЛОК ЗАЯДЛЫХ СПОРЩИКОВ

Вчера в «Уголке» побывал неоднократный чемпион Советского Союза по шашечной композиции мастер спорта Д. М. Калинин.

— Это вашим спорщикам, — сказал он, оставляя листок с тремя позициями.

А. — (См. диаграмму).

Б. Белые: а5, а7, с5; черные: с3, с7, е5.

В. Белые: дамка f8, простые а1, f4, h4; черные: простые b2, с3, f2, f6, h6.

А утром пришли арчебековцы и увидели оставленный листок.

— Вот так позиции! — разочарованно протянул Коля Фирсов. — Тут даже поспорить не о чем: во всех трех черные шашки сейчас превратятся в дамки.

— Да, тут все ясно: черные в дамках, а белым надо спасаться, — подтвердил Сережа Гурецкий.

— Ребята! А ведь черные в дамки не пройдут! — закричал вдруг Андрей Галеев. — Ни в А), ни в Б), ни в В). Не пройдут!

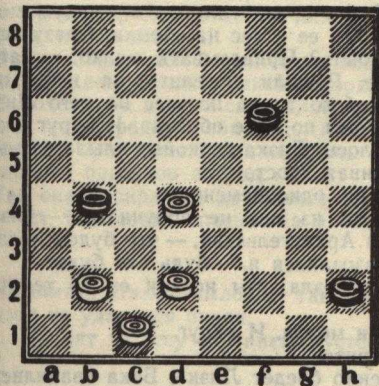
Все на него набросились:

— Ты что? Руки мои держать будешь, что ли? Мне только один ход сделать — и у меня будет дамка!

— Как это, хотел бы я увидеть, ты не дашь мне поставить черную дамку?!

Но Андрей стоял на своем и уверял, что он берет в во всех трех позициях, играя белыми, не пропустить ни одну черную шашку в дамки и выиграть.

Спор еще не кончился. Подключайтесь!

ПРИКАЗ № 6

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Шахматистам — А) найти выигрыш в этюде Коли Фоминых (Ершовка) — белые: Крс2, Лб4, пп.б2,б5; черные: Крс3, п.е2; Б) дать мат в 3 хода в задаче Саши Салова (Няндомы) — белые: Кра5, Фд5, Ла4, Кб7; черные: Кра7, Лг2,Ка8; В) дать мат в 4 хода в задаче Володи Зверева (Ленинград) — белые: Крс8, Лh1,Сс4, п.а6; черные: Кра8, Ch2, Ch5, пп.а7, е6,г3.

§ 2. Рыцарям — дать мат в 2 хода в задаче Сережи Емельянова (Ленинград) — белые: Крг5, Ла8, Ка7, пп.д7, г6; черные: Крг7.

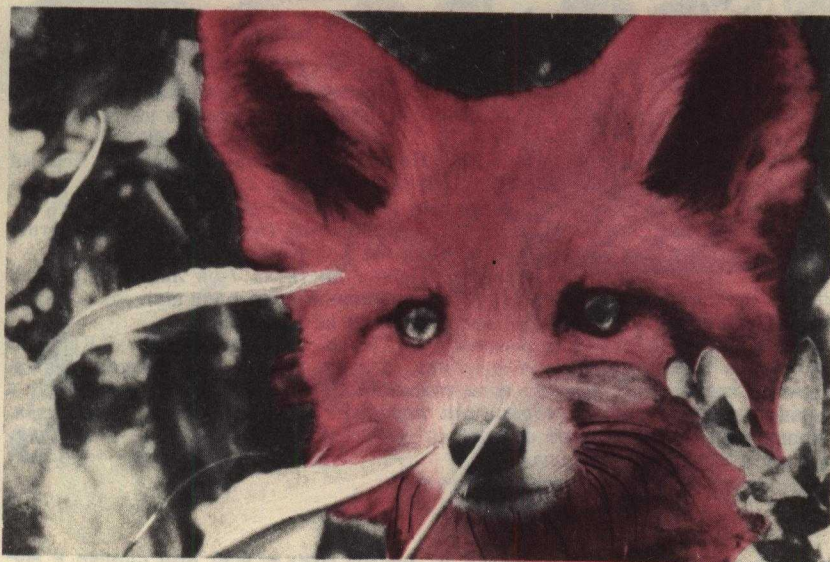
§ 3. Шашистам — разобраться в «Уголке заядлых спорщиков».

§ 4. Срок — до 1 октября. Помечайте на конвертах: АРЧЕБЕК. Указывайте свой адрес!

§ 5. Рапорт присылайте один раз. Поправки и дополнения не принимаются!

§ 6. Михаил Белоусов выдал задачу польского композитора Мариана Врубеля за свою („Костер“ № 2). За позорный поступок Михаила Белоусова из АРЧЕБЕКА исключить!

Шахмат - адмирал Ферзьбери

ЛИЗКА

О. Ерышев

Из прибрежного ивняка на поляну вышла молодая лиса. Черный влажный нос вздрогнул и уткнулся в траву. Запахи привели лисицу к потухшему костру. Осторожно ступая по теплой золе, она обошла его, но ничего интересного не обнаружила, фыркнула и обиженно тявкнула.

— Стоп!

Кинооператор Володя Полянин останавливает камеру. Снят последний эпизод документального фильма Куйбышевской студии телевидения «Зеленый дом».

Я достаю из кармана размякшую от жары конфету и протягиваю лисе. Узким горячим языком она слизывает шоколад. Потом упирается лапами мне в бок и сует нос в карман.

А ведь всего год назад я вез ее, месячную от роду, в этом же самом кармане, согревая и придерживая рукой, когда машину начинало слишком сильно трясти на неровной лесной дороге.

Тогда, готовясь к съемкам, мы с Володией с утра до вечера бродили по осеннему лесу, плавали в утлой лодчонке по бесконечным озерам, сидели в камышах, наблюдая за птичьими стаями.

А ночевать приходили к егерю Сергею Васильевичу. В комнате пахло грибными лесами, горькими травами, и порой казалось, что засыпаешь ты где-то в развалившейся копенке.

— Петрович, тебя там спрашивают.

Спросонья ничего не могу понять.

Егерь усмехается:

— Зверя для вашего кино притащили. Смотри не испугайся.

У крыльца два мальчугана. Старший протягивает мне шапку-ушанку с каким-то грязно-желтым комочком:

— Отец вчера на пашне нашел, велел к вам нести.

— Лиска это маленькая, — сказал младший. — Мамка ее молоком напоила, вот она и дрыхнет.

Он хотел ткнуть лисенка пальцем, но я отвел шапку:

— Не надо. Пусть спит. А вам спасибо. Поедем в город — гостинцы привезем.

Дома, в городе, я поставил перед лисенком блюдце с молоком, постелил коврик. Молоко он вылакал, а от коврика отказался — искал нору. Я сажал его под тумбочку, под тахту, под шкаф. Он выскакивал, взъерошенный и возмущенный.

— Найдет, где пристроиться, — решил я, погасил свет и улегся.

Лисенок принохивался, пыхтел, фыркал.

— А ведь это он на охоту вышел, — подумал я, засыпая, — лиса — хищник ночной.

Меня разбудил голос бабушки. Я бросился на кухню.

У раскрытого холодильника шевелилась связка сарделек.

— Он вырвал их у меня, — сказала бабушка.

Спасая завтрак, я схватил связку, воришка не собиравшись ее отпускать и повис в воздухе. Но тут сарделька, в которую он вцепился, оборвалась, и вместе с ней лисенок исчез за холодильником.

— Один — ноль, — сказала бабушка, — один ноль в пользу... Слушай, а как зовут этого жулика?

— Лиска маленькая, — ответил я, вспомнив слова мальчика.

— Ну, Лизка так Лизка, — не расслышала бабушка. И лисенок получил имя.

Первое время Лизка дичилась людей и днем забивалась в какой-нибудь темный уголок. Однако вскоре одиночество ей наскучило.

Лизка стала встречать меня в дверях с радостью собачонки, лезла на руки. И все же лисьих привычек не оставляла.

Как-то утром, надевая домашние туфли, я услышал хруст. Смотрю — раздавленное яйцо. Потянул с кресла костюм — на пол упали еще два. Иду на кухню. Там, развалившись, дремлет Лизка. Вся морда в желтке, а у самого носа кусочек скорлупы.

— Лизка, — говорю я. Не открывая глаз, она приветливо шевелит хвостом.

— Что же ты наделала?

Она лениво приподнимает голову и смотрит круглыми невинными глазами.

За ночь Лизка перетаскала из картонки около семи-десяти яиц. Штук пять-шесть съела, а остальные припрятала.

Прошел год. Лизка превратилась в красивую молодую лису. И мы взяли ее в лес на съемки. Сразу встал вопрос: как с ней быть? Привязывать жалко, сажать в клетку — тем более. Решили поселить на небольшом островке. Я без особого труда перенес на него Лизку. Улучив момент, побрел по воде обратно. И вдруг в спину мне что-то ткнулось. Лизка спокойно плыла за мной, старательно выруливая хвостом.

На берег мы вышли одновременно.

— Робинзон Крузо из нее не получился, — съязвил мой ассистент Толя Архангельский, — что будем делать?

— А ничего, — разозлился я, — будь что будет.

Вечером Лизка исчезла. Мы искали ее до темноты, звали, кричали.

Утром завтракали молча. И вдруг...

— Братцы! Смотрите.

Из кустов медленно бредет Лизка. Бока ввалились, к хвосту прилипли репы. Она не доходит до костра, ложится и, жалобно повизгивая и прижав уши, ползет.

— Что, Елизавета, трудно без привычки в родной стихии?

Лизка скулит.

— Вот так, — наставляет ее Володя, — без нас тебе и мышонка не поймать. Держи уж из общего котла.

Лизка кладет голову на лапы, но не спит, а думает о чем-то.

На другое утро она явилась в лагерь с курчонком в зубах.

Толик умилится:

— Вот умница, все в коллектив несет.

— Тихо, коллектив, готовь казну, — шепнул Володя. И мы увидели чистенькую, аккуратненькую старушку, которая не спеша приближалась к нашей стоянке.

Старушка оглядела наши постные физиономии и кивнула на Лизку.

— Трех молодок при мне задушила. Одну я отбила, а двух утонула, тварь.

— Сколько мы вам должны за всех троих, хозяйшка?

— Должны! Да разве я за этим шла. Прибьют ее у вас, когда эдак озорничать будет.

И старушка ушла, даже не взглянув на задушенного курчонка.

Над Лебяжьим озером целый день не умолкает птичий гомон. Чайки, кулички всех мастей, хохлатые крикливые чибисы, болотные курочки, маленькие цепкие камышевки, гуси...

Неизвестно почему, но именно у озера Лизка стала ежедневно сопровождать нас к местам съемок. Пыхтя и фыркая, тащилась за нами топкими озерными тропами, прыгала по кочкам, терпеливо переплывала глубокие места. Если же случайно теряла нас из виду, то выбиралась на сухой островок и несколько раз высоко подпрыгивала.

Мы пытались снять утиное семейство. Семеро вполне оперившихся утят-хлопунов дисциплинированно кружили по плесу за своей мамой.

Володя уже собрался нажать кнопку кинокамеры, как вдруг утка тревожно крикнула, ударила по воде крыльями, и выводок исчез в камышах.

Мы переглянулись, и тут только услышали шум, доносившийся с другого конца острова. Сотни взлетевших чаек, описывая круг за кругом, медленно приближались к нам.

— Готовь камеру, — шепнул я и увидел, как вдоль острова, отбиваясь на ходу от разъяренных птиц, пробегает Лизка. Что натворила она? Утащила ли птенца или просто так забрела во владения чаек? В зубах она ничего не тащила.

Вид у Лизки самый разнесчастный, надо бы ее выручать, да жаль упускать такой эпизод.

Впрочем, она и сама справляется. Прижав уши, огрызается на очередную обидчицу, потом делает несколько прыжков, припадает к земле, вновь огрызается и вновь несколько прыжков вперед...

Так она добирается до нашего шалаша.

— Ну, Елизавета, спасибо за массовку.

Снимать Лизку было не так уж трудно. Но один эпизод не удавался никак.

... Уходят из лесу охотники, пустеет их стан. И лиса,

которая на протяжении всего фильма внимательно следит за людьми, выбирается из кустов, подходит к потухшему костру, рассматривая незнакомые вещи, вдыхая непривычные запахи...

Лизка ничего этого делать не хотела. В лагере она вела себя как хозяйка. Она ко всему привыкла.

И тогда мы впервые привязали Лизку и ровно сутки не кормили.

Она рвалась, возмущенно лаяла, наконец, свалилась на траву и лишь смотрела на нас с укором. Мы отворачивались, но характер выдерживали. Потом был сварен и охлажден крепкий мясной бульон. Володя установил кинокамеру. Я взял котелок и обильно полил бульоном траву. Потом отвязал Лизку, отнес в кусты и пустил по аппетитному следу.

И вот Володя убирает камеру, а я отдаю Лизке оставшийся бульон прямо в кастрюле. Съемки закончились, и на рассвете мы уезжаем в город. Вместе с Лизкой.

Наш «Зеленый дом» уже давно вышел на экран. И мы приехали в знакомые места просто так, побродить, повспоминать.

Лес встретил нас солнцем и снегом.

Лизка, опьяненная свежестью воздуха, мечется меж деревьев и кустов, зарывается в сугробы, бросается то ко мне, то к Володе, стараясь лизнуть в лицо.

На шее у нее огромный красный бант, чтобы случайно не приняли нашу Лизку за дикую лису.

Впереди небольшая горка. Лизка вспрыгивает на нее и вдруг замирает, вытянувшись и распушив хвост, вглядываясь во что-то невидимое нам.

— Вот это кадр, а, Петрович?! — восхищенно шепчет Володя.

На фоне сверкающего снега Лизка пламенеет, как костер. Мы останавливаемся очарованные.

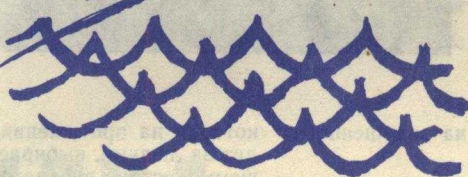
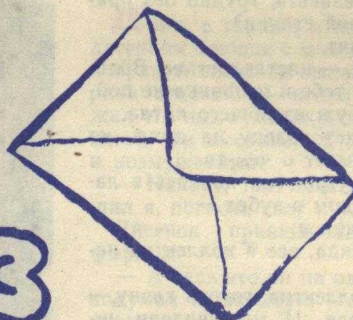
Но костер гаснет. Валится в снег.

Выстрела я не слышал и не слышал, как ругался прибежавший егерь Сергей Васильевич, как составляли они с Володей акт, отбирали у кого-то ружье.

Я опустился на колени рядом с Лизкой и никак не мог понять, почему снег вокруг становится ярко-красным.

ПИСЬМО ЛЕТИТ ЧЕРЕЗ ОКЕАН

И Коле, и Сереже, и всем их друзьям из дома № 2 по улице «Правды» сверстники здорово завидуют. Особенно в те месяцы, когда в Николаев приходит большой футбол. Потому что ворота дома Коли и Сережи как раз напротив главного городского стадиона.

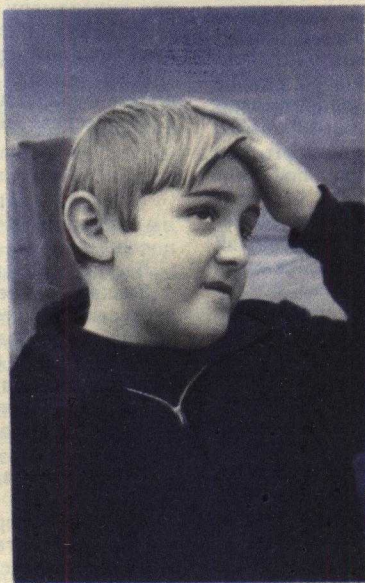
Это на его зеленом ковре местный «Судостроитель» — полуфиналист прошлогоднего розыгрыша Кубка СССР — одну за другой сокрушает команды соперников. Впрочем, иногда любимец мальчишек портового города Николаева и проигрывает. Но, во-первых, виноваты в неудаче, по мнению мальчишек, обычно судьи, а во-вторых, «баранки» на своем поле у «Судостроителя» бывают не так уж часто.

Отличное соседство, особенно если посчастливится найти еще и свой лаз в заборе. Это приятелям удалось в начале прошлого лета.

Однако радость открытия померкла спустя несколько дней, когда Коля с Сережей, оказавшись во время летних

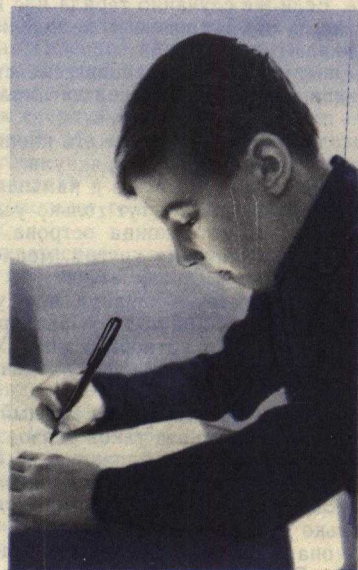
каникул дома, увидели у ребят-тишек с улицы Маяковского красочно оформленный билет

участника футбольного турнира «Кожаный мяч». У таких же, как они, 12-летних!

«АЛЬБЕРТУ ШЕСТЕРНЕВУ.

Мы все надеемся, что Вы не пропустите к нашим воротам ни бельгийца Ван Химста, ни сальвадорца Мартинеца, ни других. Коля Минчо».

«АНАТОЛИЮ БЫШОВЦУ.

Мне очень понравился гол, который вы забили в Киеве туркам. Будем болеть, чтобы Вы забили пять мячей в Мексике. Сережа Монахов».

— В штабе сегодня выдали! — похвастался один из обладателей поблескивающего глянца билета.

С этого и началась славная биография дворовой команды 6-го ЖЭКа Центрального района. Потому что спустя час Коля Минчо и Сережа Монахов уже начали формировать боевую футбольную дружину из сверстников, с утра до ночи гонявших мяч во дворе и близ него.

Первым долгом поговорили с Петей Рудаковым, несомненным рекордсменом по количеству часов, проводимых с мячом. Потом зашли к Вове Квасильчуку, футбольные достоинства которого вполне характеризуются прозвищем «Мунтян»...

Кому где играть, распределили довольно быстро. Жаркие споры возникли, когда встал вопрос: как назвать команду? Кто-то предложил:

— А что если «Корабел»?

Как и положено, сначала терпели неудачи. И кто знает, узнали бы читатели «Костра» о николаевском «Корабеле», не появившись у него настоящий тренер. Самый что ни на есть настоящий тренер, конечно, общественный, Александр Артемьев. Из своих двадцати семи лет семнадцать дядя Саша играет в футбол. Он и приобрел мальчишек района к турниру «Кожаный мяч».

Вскоре шефство над командой взяли динамовцы. Появились бело-голубые майки с эмблемой «Д», ну и пришлось переименовать «Корабел» в «Динамо». А потом долгие поиски хорошего вратаря тоже увенчались успехом — как раз в эти дни в их двор приехал из села Саша Кучер, из всех вратарей вратарь!

— Саш, а Саш! Кто научил тебя так играть? — допытывались хлопцы у сразу полюбовавшегося им новичка.

— Та кто ж, сам учився, — смущенно улыбался Сашко.

И вот настал день, когда «Динамо» выступило... Где бы вы думали? На самом «Судостроителе». Разумеется, не на главном его поле. И как выступило! «Луч» был повержен по всем статьям. Та же участь постигла и других участников городского турнира — «Союз-2», «Спартак», «Метеор», «Энтузиаст». И лишь в финальном поединке уступили «Соколу».

— Почти все «соколята» старше динамовцев на год, а это у ребятишек солидная форма, — поясняет Александр Артемьев.

Финал принес побежденным и большую, прямо скажем, неожиданную радость: на игре присутствовали тренеры группы подготовки команды мастеров «Судостроитель», и тут же всех динамовцев пригласили посещать занятия группы.

... Прошло с тех пор меньше года, но как изменились Коля, Сережа, Саша, Петя! С мячом они уже на «ты» — ведь регулярно занимались в зале всю зиму.

Об одном жалеют: нельзя им теперь сражаться в «Кожаном мяче». Нельзя по простой причине — обучаются в группе подготовки мастеров. Какая же это «дворовая команда»?

Но по-прежнему собираются вместе не только на тренировках. Основная практика — все равно во дворе!

Как-то после очередной баталии, когда обсуждались шансы сборной СССР в Мехико, Сережа Монахов предложил друзьям:

— Давайте напишем письмо нашим футболистам.

Понравилось. Но, обсудив, решили: пусть полетят в Мехико сразу четыре письма. Вратарь — вратарю, защитник — защитнику, полузащитник — полузащитнику, нападающий — нападающему.

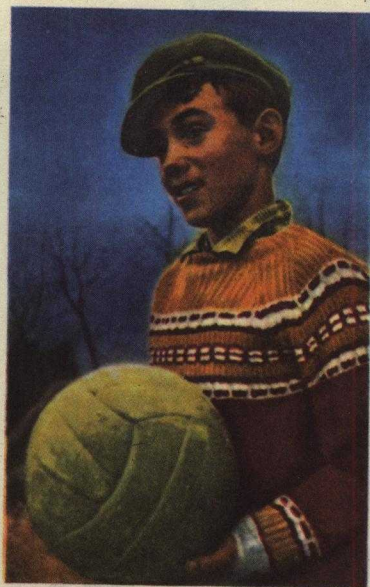
М. Эстерлис

Фото А. Кремко

«ВЛАДИМИРУ МУНТЯНУ.

Очень обрадовался, когда вас назвали в прошлом году лучшим футболистом страны. И теперь тоже не подкачайте! Вова Квасильчук».

«ЕВГЕНИЮ РУДАКОВУ.

В прошлом году видел по телевизору, как вам здорово удалось сыграть в Белфасте с ирландцами. Вот так бы и в Мехико! Саша Кучер».

ПИКО, ХУАНИТО И ДРУГИЕ

Семьдесят сборных команд разных стран мира вступили два года назад в борьбу за звание чемпионов мира по футболу. Теперь их всего шестнадцать. Именно столько финалистов каждые четыре года разыгрывают в заключительном туре драгоценный трофей — кубок Жюля Римэ, как его еще называют, — «Золотую богиню».

«Золотая богиня» — завзятая путешественница. Ведь после мирового чемпионата ее увозит с собой команда-победительница. Богиня побывала в Уругвае, Франции, Италии, Бразилии, ФРГ, Швеции, Чили, Англии, а нынче временно остановилась в Мексике. Ее дальнейший маршрут определится 21 июня, когда раздастся финальный свисток IX чемпионата мира.

В эти знойные июньские дни на стадионах четырех мексиканских городов — Мехико, Пуэбла-Толука, Гвадалахара и Леон — футбольные полпреды 16 стран сражаются за право... сразиться в финальном поединке 21 июня на стадионе «Ацтека» в Мехико.

Хозяин чемпионата — Пико, забавный орленок, одетый художником Уаманом в форму сборной Мексики. По-русски

Пико означает «Клюв». Вместе со смешным маленьким футболистом Хуанито орленок Пико приветствует гостей мексиканской столицы прямо-таки на каждом шагу.

Почетная роль при жеребьевке на чемпионате досталась десятилетней мексиканской девочке Монике Марии, дочери

председателя оргкомитета чемпионата Гильермо Канедо. В зале отеля «Мария Исабель» Моника, тянувшая жребий, по которому финалисты распределялись в четыре подгруппы, во многом определила судьбу всех команд.

Альф Рамсей, тренер нынешних чемпионов мира — англичан, один из немногих в этой самой что ни на есть «футбольной» стране, кто сразу же выразил удовлетворение жеребьевкой. Он сказал: «Поскольку на пути к выигрышу «Золотой богини» все равно придется побеждать самые сильные команды, гораздо лучше встретиться с ними не в конце, а в начале турнира, когда наши игроки еще не устали и никто из них не получил тяжелых травм.

ОЧЕНЬ ПРОСТОЙ КОНКУРС

Кто станет участником финала?

Счет этого матча!

Ответы присылать до 15 июня только на открытках!

К победителям конкурса поедут на постоянное жительство Пико или Хуанито.

Анвар Аджиев,
народный поэт Дагестана

Рисунки
И. Савкевич

РОГАТАЯ ГОРА

Стоит гора, горбата, —
такой суровый вид!
— Смотрите-ка, ребята,
куда орел летит! —

Стальная телебашня
венчает гору ту;
внизу — леса и пашня,
зеленый луг в цвету.

А башня над горою,
как рог, пронзает высь,
и облака гурьбою
со всех сторон сошлись,

и в пасмурное утро
вкруг башни на горе
нанизаны, как будто
шашлык на шампуре.

Ребята, подбегая,
расспрашивают нас:

— Что за гора такая? —
А им усач Муртаз:

— Гора посмотрит рогом
и видит без преград
Москву в краю далеком
и славный Ленинград.

И жизнь на белом свете
ей лучше всех видна...
— А нас, — спросили дети, —
заметит ли она? ..

— Да будь вас больше сотни,
увидит и впотьмах!
Но вы, друзья, сегодня
все у нее в гостях...

Орел все кружит мерно,
орел боится сесть,
орел узнал, наверно, —
глаза у башни есть!

ДРАКА ДРУЗЕЙ

Два друга,
два соседа
все тешатся забавой, —
козленок-непоседа
и буйволенок бравый.

Их звонкие копытца
бьют по двору попарно...
Но ждет овес в корытце
и светится янтарно.

Прекраснейшая пища,
о ней зимой мечталось;
проглядывает днище,
чуть-чуть овса осталось.

Но вот на буйволенка
козленок мрачно глянет

и от дружка
долбленку
к себе копытцем тянет.

А буйволенок — смелый,
глядит совсем сердито.
Овес пахучий, спелый...
— Не уступлю корыто!

Встав в боевые позы,
еще жуют губами,
но взгляды шлют угрозы
и вот
столкнулись лбами!

Коль биться — так уж биться!
Вспугнули галок с крыши...

А между тем к корытцу
спешит
теленочек рыжий.

— Ты мне не друг отныне!..
— Ведешь себя позорно!..

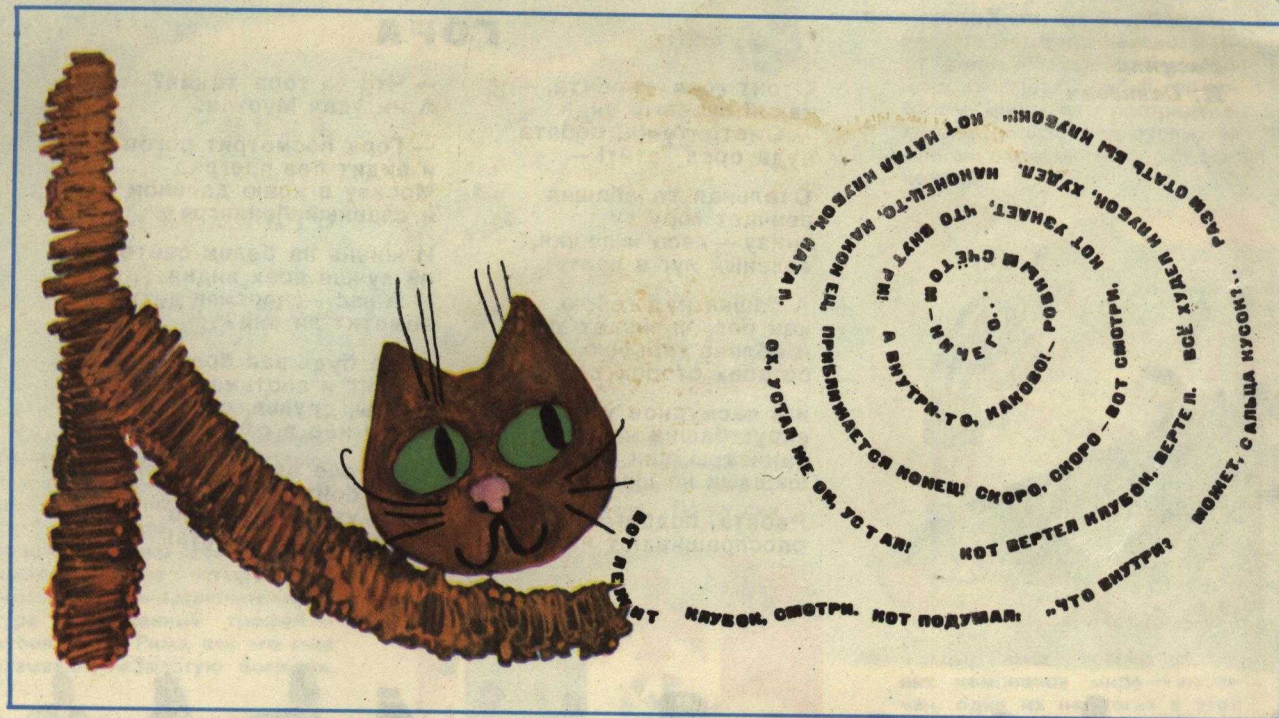
А тут гусак с гусыней
хватают ловко зерна.

Рога в рога упрутся,
клочками шерсть по ветру!

Когда друзья дерутся,
то радуется недруг.

Перевел с кумыкского
О. Шестинский

Каждый месяц в редакции нашего журнала выставляются новые работы художников, чьи иллюстрации вы можете видеть

НА
ВЫСТАВКЕ
«КОСТРА»

на страницах «Костра». На первой выставке были представлены рисунки художника Георгия Ковенчука. Среди них вот эти:

АИСТ

Сафар Барноев

Барабанит аист с утра.
В крепком клюве звенит нагара!
Это значит — небо светло!
Это значит — лето пришло!

Барабанит аист с утра,
Говорит: „Послушай, дружок,
Может быть, запишешь меня
В музыкальный школьный кружок?“

1 Нагара — узбекский музыкальный инструмент вроде барабана.

Перевел М. Еремин

Рисунки Т. Мухамедова, З. Лелявской

ВИНОГРАД

Адхам Каримов

Поздней осенью спеши
Утром в сад.
Созревает там в тиши
Виноград.
Полусахар, полумед —
Не зевай,
Поскорее прямо в рот
Отправляй.
Будешь ловок и силен.
Говорят,
Все болезни гонит вон
Виноград.
Застывает как янтарь
На губах.
Будет солнце по январь
В погребах.
И на завтрак он хорош,
И в обед.
Ешь побольше, доживешь
До ста лет.

Очередную остановку „Уголёк“ сделал в Ташкенте. Здесь его принимал „ГУНЧА“ — любимый журнал малышей Узбекистана.

БЫЧОК БЫЧКУ ПИСЬМО ПИСАЛ

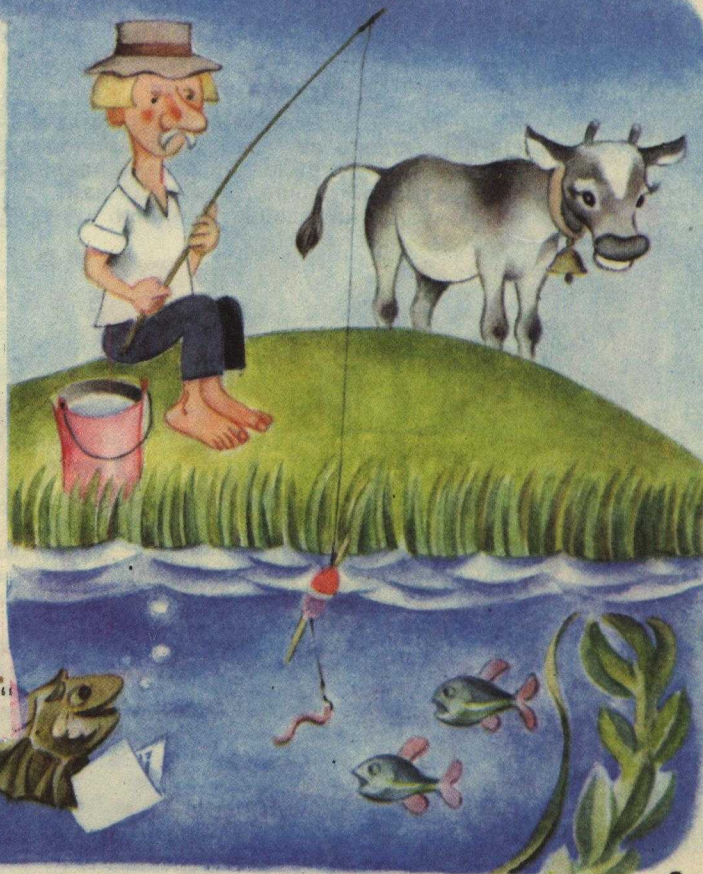
Семен Коган

Бычок бычку
Письмо прислал,
А в том письме
Он так писал:

„Ты как-то, брат,
Не так живешь,
Не хочешь знаться
С нами,
Ты на лугу
Траву жуешь
И хлопаешь ушами,
Терпеть не можешь
Червяков,
В воде не ищешь
Крошек,
Ты не боишься
Рыбаков,
Зато боишься
Мошек.
Быть может,
Это все вранье,
Что пишут
В наших книжках?
Ответь мне
На письмо мое.
Жму плавники,
Братишка!“

Бычок бычку
Письмо прислал,
А в том письме
Он так писал:

„И я, признаться,
Не пойму
Того, что пишут
В книжках.
Наверно, нелегко
„Му-му!“ —
Кричать в воде,
Братишка.
К тому же
Та вода горька —
Я это точно знаю.
И ты не бойся
Рыбака:
Ведь это —
Мой хозяин.
И зря ты пишешь,
Мой дружок,
Что не хочу
Я знаться.
Ты приходи
К нам на лужок
Немного пободаться!“

САЛОМ

Галиб Юлдаш

Люди повсюду, и стар, и млад,
При встрече друг другу
„Салом!“ говорят.

Если приветствует встречного встречный,
Значит, что встречному встречный рад.
Нужно промолвить „Алик!“ в ответ.
(По-русски—„Здравствуй!“, или „Привет!“)
Бывает, что эти слова забывают.
Конечно, меж вами забывчивых нет.

2

ШИРМОЙ НОН — СЛИВОЧНЫЕ ЛЕПЕШКИ

Печь горячая была,
А мука была бела.
Приходите, угощайтесь,
Я лепешек напекла!

ЛИМЕРИКИ

(Ирландские народные стихи)

Чудной старик

Как в нашей деревне жил дедушка древний;
Он пил молоко вместо пива в харчевне,
И с кошкой пускался он в пляс незначай,
И в фетровой шляпе заваривал чай,
Чем смущал население деревни.

Худая девочка

Вы девочку тоньше нашли бы едва ли!
Холодный крошон принесли ей в бокале.
Она наклонилась... О, бедная мисс!..
И вмиг унеслась по соломинке вниз!
И больше ее не видели...

Перевел Е. Вензель

Рисунки Б. Семенова

4

ЗАГАДОЧНОЕ УЗЕЛКОВОЕ ПИСЬМО

К вождю индейского племени пришел человек издалека и молча подал ему плетеный пояс. На поясе висели веревки с узелками. А к веревкам были привязаны самые разные предметы.

Три дня вождь сидел в своем вигваме и курил трубку, а на четвертый составил ответ и подал посланцу другой пояс с веревками, узелками и предметами. Посланец прочитал ответ, поблелел и удалился.

Хорошенько подумайте, что может означать число узелков на каждой веревке, и тогда вы тоже сумеете прочесть эту дипломатическую переписку.

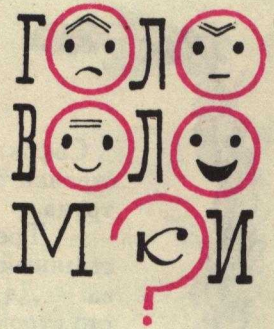
ОТВЕТЫ

«Костер» № 5.

«Помогите археологу». На плите изображен слон.

«Надпись на придорожном камне». «Кто не потрудится в пути, тому до цели не дойти».

«У кого резинка!» Мальчики стоят в таком порядке: Саша, Толя, Витя, Дима. Резинка у Толи.

ЧЕТЫРЕ АКТЕРА

В школьном спектакле заняты четыре актера: Женя, Игорь, Леня и Саша. В пьесе — четыре действующих лица: Женя, Игорь, Леня и Саша.

Ни один из актеров не играет героя, носящего его имя.

Актер, играющий роль Саши, взял у актера, играющего роль Жени, свою шапку и отдал ее актеру Лене.

Игорь взял у Саши свою куртку и отдал ее актеру, играющему роль Саши.

После этого Саша поменялся с актером, играющим Женю, башмаками, переодевание было закончено, и спектакль начался.

Кто кого играл?

БАЛЛАДА ОБ ОДНОМ КАПИТАНЕ

Один капитан,
Один капитан
Решил до утра вздремнуть.
А ранним утром один капитан
За борт решил взглянуть.
Один капитан,
Осмотрев пароход,
Увидел в его борту
Пробоину
В виде огромных ворот.
И рупор поднес ко рту.
И сказал капитан,
Капитан один:
«Я вынужден стать на ремонт.
Но хотел бы я знать,
Какая из льдин
Пробила наш левый борт?»

Софокл сказал однажды, что три строчки стихов стоили ему трех дней труда.

— Трех дней!—воскликнул посредственный поэт, услышавший эти слова. — Да я за это время написал бы сто строк!

— Да, — отвечал Софокл, — но они жили бы только три дня.

Один плохой поэт как-то раз прочел Вольтеру свою оду, носившую громкое название «К потомству», и спросил его мнение о стихотворении.

— Я думаю, что оно не дойдет по адресу, — ответил Вольтер.

Случилось Вольтеру быть зимой у одного тщеславного стихотворца, который принял его в нетопленной комнате, долго читал свои длинные и скучные стихи и, наконец, спросил, что Вольтер о них думает.

— Милостивый государь, — ответил ему озябший Вольтер. — Если бы было побольше огня в ваших стихах или побольше стихов ваших в огне, то мы бы не озябли.

СОДЕРЖАНИЕ

Заветам Ленина верны обращение к пионерам секретаря ЦК ВЛКСМ Т. Куценко	1
Восемь дней в неделю повесть Ю. Томина	3
Страна Поэзия Сергей Васильев	15
Свежий ветер повесть О. Орлова	17
Последняя строка вспоминает И. Львов	26
Дружба	30
Жизнь и стихи Л. Либединская	32
Киноклуб	38
Пожар на море рассказывает Л. Плесовских	43
«Морская газета»	45
Девять белых лебедей сказка С. Воронина	46
Пограничники репортаж	50
Алло! Институт!	51
Школа «Спринт»	52
Арчебек	53
Лизка очерк О. Ерышева	54
Письмо летит через океан	56
Пикто, Хуанито и другие	58
Стихи Анвар Аджиев	59
На выставке «Костра» художник Г. Ковенчук	60
Уголёк журнал для малышей	61
Головоломки	63
Рисунок на обложке И. Казаковой	

Главный редактор
В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия:

Г. И. Барникова,
А. А. Крестинский,

Б. Н. Никольский,
А. И. Пантелеев,
А. Ф. Пахомов,

Р. П. Погодин,

С. В. Сахарнов,
Е. В. Серова,

Н. В. Теребинская
(ответственный секретарь),
Л. В. Успенский,
Н. А. Ходза,
Г. М. Чернякова,
Ю. А. Юркан
(зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Технический редактор
В. И. Мещатникова
Корректор В. А. Магаская

Рукописи и фото не возвращаются

М-29246. Подписано к печати 24/IV 1970 г. Формат 60×90/8.
Печ. л. 8. Тираж 430 900 экз. Заказ № 2617. Цена 25 коп.
Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Ленинград, Кронверкская ул., 7.

ЗДРАВСТВУЙ, ЛАГЕРЬ!

Музыка М. Леонтовича

Текст Ю. Погорельского

Здрав ствуй, ла герь! Ты да ришь нам
сол неч ный край про стор ный с птичь им го мо ном по ут рам
и с пи о нер ским гор ном! Пусть хоть ту ча на не бе по я вит ся, на стро
ня нам не за ми мать! Нра вит ся ли в ла ге ре нам? Нра вит ся! Как жи
вем мы в ла ге ре? «На пять!»
Здесь най пять!

1. Здравствуй, лагерь! Даришь ты нам
Солнечный край просторный
С птичьим гомоном по утрам
И с пионерским горном!

Припев:

Пусть хоть туча на небе появится,—
Настроенья нам не занимать!
— Нравится вам в лагере!
— Да! Нравится!
— Как живете в лагере!

— На «пять»!

2. Здесь найдем мы ответ прямой
На все вопросы сами,
Не бежать же к себе домой
Нам за советом к маме!

Припев.

3. Даль походов, привалов час,
Тропы родного края...
Не сумеешь найти у нас
Ни одного лентяя!

Припев.

ОХОТА НА ЛЬВОВ

Міша Шилин, 10 лет, Ленинград

ФИЗКУЛЬТУРА

Вера Скрешова, 11 лет, Ленинград